

Санд Ж.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ПРЕКРАСНЫЕ ГОСПОДА
ИЗ БУАДОРЕ**

Жорж Санд
Прекрасные
господа из Буа-Доре
Серия «Собрание сочинений», книга 22

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8099937

*Собрание сочинений: Прекрасные господа из Буа-Доре: Роман: Мирт;
Москва; 2009*

ISBN 978-5-486-03096-3

Аннотация

Жорж Санд (1804–1876) – псевдоним французской писательницы Авроры Дюпен-Дюдеван, чье творчество вдохновлялось искренними идеями борьбы против социальной несправедливости, за свободу и счастье человека. В ее многочисленных романах и повестях идеи освобождения личности (женская эмансипация, сочувствие нравственно и социально униженным) сочетаются с психологическим воссозданием идеально-возвышенных характеров, любовных коллизий. Путеводной нитью в искусстве для Жорж Санд был принцип целесообразности, блага, к которому нужно идти с полным пониманием действительности, с сознанием своей правоты, с самоотречением и самозабвением.

В данном томе представлен роман «Прекрасные господа из Буа-Доре», относящийся к позднему периоду творчества писательницы. Действие его происходит в годы начала правления короля Людовика XIII, когда еще не отгремели последние залпы Религиозных войн и кардинал Ришелье пока не стал всемогущим правителем Франции. Давний соратник Генриха IV престарелый маркиз де Буа-Доре благодаря счастливой случайности находит племянника, сына покойного брата. События, способствовавшие возмужанию юного дворянина, обретению им любви составили сюжет этого произведения.

Содержание

Том первый	5
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	41
Глава шестая	54
Глава седьмая	61
Глава восьмая	68
Глава девятая	76
Глава десятая	84
Глава одиннадцатая	92
Глава двенадцатая	98
Глава тринадцатая	106
Глава четырнадцатая	117
Глава пятнадцатая	126
Глава шестнадцатая	138
Глава семнадцатая	150
Глава восемнадцатая	162
Глава девятнадцатая	172
Глава двадцатая	183
Конец ознакомительного фрагмента.	185
Комментарии	

Жорж Санд Прекрасные господа из Буа-Доре

Том первый

Глава первая

[1]

Дон Антонио д'Альвимар, испанец итальянского происхождения, называвший себя и подписывавшийся Скъярра д'Альвимар, был одним из наименее заметных протеже фаворита Кончини^[2], хотя и выделялся умом, воспитанием и изысканными манерами. Это был красавец мужчина на вид лет двадцати, хотя и говоривший, что ему уже тридцать. Роста скорее низкого, чем высокого, очень сильный, правда, это не бросалось в глаза, ловкий, он привлекал женщин блеском живых и пронзительных глаз, а также приятностью беседы, всегда легкой и очаровательной с дамами, но содержательной и увлекательной с людьми серьезными. Он почти без акцента говорил на многих европейских языках и обладал немалыми познаниями в области древних языков.

Несмотря на все эти похвальные достоинства, Скъярра д'Альвимар не смог завязать самостоятельной интриги при опутанном интригами дворе регентши. Ближайшим друзьям он сообщил, что хотел понравиться ни много ни мало, как самой Марии Медичи, вдове Генриха IV^[3], и занять в сердце королевы место своего хозяина и покровителя маршала д'Анкара.

Но Ла Балорда¹, как называла ее Леонора Галигай^[4], не обращала внимания на маленького испанца, видя в нем лишь стройного офицера, выслужившегося из рядовых, навсегда обреченного на второстепенные роли. Да и вообще, заметила ли она его искреннюю или поддельную страсть? История об этом умалчивает, да и сам д'Альвимар никогда об этом так и не узнал.

Он мог привлечь к себе внимание умом и приятными манерами. Истинную причину, по которой Кончини оставил сердце регентши равнодушным, надо искать в другом. Конечно, не в его происхождении или недостатке ума. Препятствие к высокой фортуна куртизана^[5] крылось в нем самом, препятствие, которое его честолюбие не смогло преодолеть.

Будучи ревностным католиком, он обладал всеми пороками свирепых испанских католиков времен Филиппа II^[6]. Подозрительный, неугомонный, мстительный, беспощадный, он верил в Бога искренне, но без любви и без света, вера его

¹ Возможно, итальянский вариант французского слова «balourde» – тупица, увалень, невежа.

была искажена страстями и ненавистью, свойственными политике, идентифицировавшей себя с религией, к великому неудовольствию доброго и милосердного Бога, завоевания которого свершаются в моральной сфере путем милосердия, а не жестокости в мире фактов.

Как знать, может, и Франции довелось бы изведать режим инквизиции, если бы Скъярра д'Альвимар покорил сердце регентши. Но этого не случилось, и Кончини, вся вина которого состояла в том, что он не родился достаточно знатным, чтобы безнаказанно воровать и грабить, как высшие вельможи, до самой своей трагической смерти обречен был только наблюдать за переменчивостью и продажностью политики регентши.

После убийства маршала д'Анкра д'Альвимар, скомпрометировавший себя на его службе во время дела парижского сержанта^[7], вынужден был исчезнуть, чтобы не оказаться втянутым в процесс Леоноры^[8].

Он был бы не прочь переметнуться к другому фавориту, фавориту короля господину де Люиню^[9], но дело не выгорело. Хотя он был не более щепетилен, чем любой придворный своего времени, он понял, что не сможет смириться с обычаями королевской политики, идущей на уступки кальвинистам, дабы купить покорность принцев, вертевших реформистской религией в угоду своим интересам.

Когда королева Мария попала в откровенную немилость^[10], Скъярра д'Альвимар решил, что в его интересах со-

хранять ей верность. Королева, даже в изгнании, могла делать щедрые подарки верным ей людям. Все в мире относительно, а д'Альвимар был так беден, что милости даже разоренной королевы могли дать ему шанс.

Он участвовал в подготовке бегства из Блуа, как несколько лет назад играл третьи и четвертые роли в различных политических комедиях, разыгрываемых то Филиппом III^[11], то Марией Медичи, дабы осуществить королевские браки^[12].

Господин д'Альвимар, работая во благо других, был довольно ловок, честен и трудолюбив. Его можно было упрекнуть лишь в мании высказывать собственное мнение в тех случаях, когда вполне достаточно следовать мнению других и оставлять лавры победителя на долю более значительных лиц, когда сам ты лицо незначительное.

Поэтому, несмотря на все свое усердие, он не смог привлечь к себе внимание королевы-матери. Пока Мария жила в изгнании в Анжере, он продолжал оставаться безвестным младшим офицером, которого скорее терпели, чем привечали.

Д'Альвимар тяжело переживал свои многочисленные неудачи. Сначала он производил приятное впечатление, но вскоре начинала раздражать горечь, прорывавшаяся у него, или вызывало подозрение честолюбие, которое он некстати проявлял. Он не был в достаточной степени ни испанцем, ни итальянцем, вернее, он слишком был и тем и другим. Сегодня общительный, вкрадчивый, изворотливый, как молодой

венецианец, наавтра он представлял высокомерным, упрямым и мрачным, как старьй кастилец.

К вышеупомянутым недостаткам примешивались тайные угрызения совести, причину которых он открыл лишь перед смертью.

Несмотря на наши изыскания, мы неоднократно теряем его из виду в промежуток между смертью Кончини и последним годом жизни Люиня. В нашем манускрипте лишь несколько слов о его пребывании в Блуа и Анжере, в его смутной и причудливой истории мы не находим ни одного факта, достойного упоминания, до 1621 года. В то время как король столь неудачно осаждал Монтобан^[13], маленький д'Альвимар находился в Париже, по-прежнему в свите королевы-матери, помирившись с ее сыном после дела Пон-де-Се^[14].

К тому времени д'Альвимар оставил надежду ей понравиться и, возможно, в своем «разбитом» сердце тоже стал называть ее *тупицей*, хотя она впервые проявила здравый смысл, оказав доверие и, как говорят, отдав свое сердце Арману Дюплесси^[15]. Одолеть подобного соперника д'Альвимару и мечтать было нечего. К тому же, следуя советам Ришелье, королева направила свою политику в то же русло, что Генрих IV и Сюлли^[16]. В данный момент она боролась против испанского влияния в Германии^[17], и д'Альвимар оказался почти в опале, когда к довершению всех несчастий попал в неприятную историю.

Он поссорился с другим Скъярра, Скъярра Мартиненго, к которому Мария Медичи больше благоволила и который отказывался признать его за родственника. Состоялся поединок, Скъярра Мартиненго был тяжело ранен. До королевы дошло, что Скъярра д'Альвимар недостаточно точно соблюдал принятые во Франции правила дуэли. Вызвав его к себе, она устроила жестокий разнос, в ответ д'Альвимар излил давно копившуюся в нем горечь. В скором времени он покинул Париж, опасаясь ареста, и в первые дни ноября прибыл в замок д'Арс в Берри^[18], в герцогстве Шатору^[19].

Сразу откроем вам причины, по которым он предпочел это убежище всем остальным.

Недель за шесть до своей несчастной дуэли Скъярра д'Альвимар сдружился с Гийомом д'Арсом, любезным и богатым молодым человеком, потомком по прямой линии славного Людовика д'Арса, прославившегося отступлением под Венузой^[20] в 1504 году и погибшего в битве при Павии^[21].

Гийом д'Арс был очарован умом д'Альвимара и приветливостью, на которую тот был способен «в свои лучшие минуты». Они не были знакомы достаточно долго, чтобы молодой человек успел проникнуться антипатией, которую несчастный д'Альвимар почти неизбежно внушал всем спустя несколько недель после тесного общения.

К тому же господин д'Арс был очень молод, почти не имел светского опыта и, судя по всему, не был особенно проницателен. Он получил воспитание в провинции и, оказавшись

в парижском свете, сразу же познакомился с д'Альвимаром, который произвел на него неизгладимое впечатление своей посадкой в седле, успехами на псовой охоте и при игре в мяч. Щедрый и даже расточительный, Гийом предоставил в распоряжение испанца свой кошелек и свою дружбу, настойчиво приглашая посетить его замок в Берри, куда вынужден был вернуться по срочному делу.

Д'Альвимар в отношениях с новым другом проявлял исключительную честность. Пусть у него было много изъянов, никто не смог бы упрекнуть его в недостатке гордости, когда он принимал денежные подарки. Он вовсе не был богат, и расходы на одежду и прическу поглощали все его скудное жалованье. Он не позволял себе никаких излишеств, и благодаря строгой экономии ему удавалось не просто сводить концы с концами, но и следить, чтобы его лошадь и наряды выглядели не хуже, чем у многих более богатых.

Когда над ним нависла угроза судебного разбирательства и преследования, он вспомнил о приглашении беррийского дворянина и почел за благо попросить у него убежища.

По словам Гийома, его провинция была в этот период одним из самых спокойных уголков Франции.

Управлял ею принц Конде^[22], живущий то в замке в Монтроне, в Сан-д'Амане, то в своем добром городе Бурже^[23], где верно служил королю, а еще больше иезуитам.

В наши дни покой, царивший в Берри, был бы назван гражданской войной, так как там происходило немало ве-

щей, о которых мы своевременно расскажем; но, по сравнению со всей остальной страной, да и с тем, какие страсти кипели здесь в прошлом веке, Берри действительно выглядел как уголок мира и порядка.

Скьярра д'Альвимар мог, таким образом, надеяться, что найдет покой в одном из этих замков в Нижнем Берри, где кальвинисты на протяжении нескольких лет соблюдали спокойствие, где господа роялисты, бывшие лигеры^[24], давно не имели случая или повода отправить своих людей кормиться за счет соседа, друга или недруга.

Д'Альвимар прибыл в замок д'Арс осенним утром, точнее в восемь утра, в сопровождении единственного слуги, старого испанца, который утверждал, что тоже дворянин, вынужденный из-за нищеты пойти в услужение. Он был не похож на человека, способного выболтать тайны хозяина, поскольку ему случалось не сказать за неделю и трех слов.

У обоих были хорошие лошади, и, хотя они везли помимо седоков немалую поклажу, путники добрались от Парижа до Берри за шесть дней.

Первым человеком, которого они встретили во дворе замка, оказался Гийом. Он уже садился в седло, и еще несколько человек с дорожным багажом готовились составить ему компанию.

– Ах, как вы кстати! – воскликнул он, обнимая д'Альвимара. – Я как раз собираюсь в Бурж на праздник, который принц Конде устраивает по поводу рождения сына, герцо-

га Энциенского^[25]. Там будут танцы, представление комедии, стрельба из аркебуз, фейерверк и много других развлечений. Я отложу свой отъезд на несколько часов, чтобы мы могли поехать вместе. Пойдемте в дом, вам надо поесть и отдохнуть с дороги. Я тем временем найду для вас свежих лошадей, поскольку ваши лошади, хоть и выглядят бодрыми, вряд ли готовы пройти сегодня еще восемнадцать лье.

Оставшись наедине с хозяином замка, д'Альвимар объяснил ему, что он не может показываться на празднике, напротив, он хочет спрятаться в замке на несколько недель. В те времена, чтобы забылось столь незначительное прегрешение, как смерть или ранение противника на дуэли, вполне достаточно было на некоторое время исчезнуть с глаз долой. Надо было только найти влиятельного защитника при дворе. Д'Альвимар рассчитывал на скорое прибытие в Париж герцога де Лерма^[26], которого считал своим родственником, по крайней мере так говорил. Это было достаточно влиятельное лицо, чтобы не только добиться прощения, но и в целом улучшить свое положение при дворе.

Неизвестно, как наш испанец расписывал свою дуэль со Скъярра Мартиненго², извинялся ли за нарушение правил дуэли или же клялся, что оболган перед королевой Марией и господином де Люинем, в любом случае Гийом д'Арс слушал его вполуха. Честный дворянин, он был в восторге от

² Несомненно, речь идет о сыне или племяннике авантюриста, которому Катерина Медичи поручила управление городом Жья. (Примеч. пер.)

д'Альвимара и ни о чем плохом не думал. Кроме того, ему не терпелось отправиться на праздник, так что момент для каких бы то ни было серьезных разговоров был явно неподходящим.

Так что Гийом не особо вникал в сущность проблемы и думал лишь о том, что его отъезд на праздник в столицу Берри может отложиться еще на день.

Заметив его затруднения, д'Альвимар поспешил заверить д'Арса, что ничего в его планах менять не надо, и попросил лишь указать на деревню или ферму в его владениях, где он мог бы чувствовать себя в безопасности.

– Нет, вы будете жить не на ферме или в деревне, – возразил Гийом, – а в моем замке. Однако я боюсь, что вам здесь будет скучно в одиночестве. Мне в голову пришла удачная мысль. Ешьте и пейте, затем я отвезу вас к одному из моих друзей, который живет неподалеку, в часе езды отсюда. У него вы будете чувствовать себя в безопасности и приятно проведете время, насколько это возможно в нашей деревне. Дня через четыре или пять я за вами приеду.

Д'Альвимар предпочел бы остаться один. Но поскольку Гийом настаивал, вежливость не позволила ему возразить. Отказавшись от еды, он снова сел в седло и последовал за Гийомом д'Арсом и его спутниками, вынужденными сделать крюк по дороге в Бурж.

Глава вторая

Выехав из замка, они через охотничьи угодья д'Арса доехали по проселочной дороге до дороги, ведущей в Бурж, затем, оставив ее слева, лесными тропинками добрались до большой дороги, ведущей в Шато-Мейан, и, оставив справа баронский город Ля Шатр, поехали дальше прямо по полям к замку и поселку Бриант, цели своего путешествия.

Поскольку в этих краях действительно было спокойно, молодые дворяне обогнали своих спутников, чтобы спокойно поговорить. Молодой д'Арс счел своим долгом сообщить следующее:

– Друг, к которому мы едем, – одна из самых выдающихся личностей христианского мира. В его присутствии вам, возможно, иногда придется сдерживать смех, зато вы будете вознаграждены за терпение, которое проявите к его странностям, познакомившись с великой добротой его души. Настолько, что обратись вы к первому встречному благородного или низкого происхождения с вопросом, где живет добрый господин, все в один голос укажут на него. Следует объяснить вам все поподробнее. Поскольку ваша лошадь явно не хочет бежать, а сейчас никак не больше девяти утра, я расскажу вам о человеке, у которого вам предстоит прожить несколько дней. Итак, я начинаю, слушайте!

История доброго господина из Буа-Доре

– Поскольку вы чужой в этих краях и живете во Франции лет десять, вы не могли раньше с ним встречаться. Иначе вы, несомненно, его бы заметили, старого, доброго, храброго, безумного, благородного маркиза де Буа-Доре, ныне сеньора Брианта, Гинарда, Валиде и многих других мест, кроме того, аббата Варенна по фидеикоммиссу^[27].

Несмотря на такое обилие титулов, Буа-Доре не относится к высшему дворянству наших краев. Это рядовой дворянин, которого покойный Генрих IV отметил своей личной дружбой и который, не знаю как, разбогател во время войн, которые вел Генрих Наваррский. Возможно, в какой-то степени он обязан своим состоянием грабежу, как было принято в то время по праву войн. Не буду рассказывать вам сейчас о кампаниях господина Буа-Доре, это займет слишком много времени, остановлюсь только на его семейной истории. Его отец, господин де...

– Подождите, – прервал его д'Альвимар, – получается, что этот господин де Буа-Доре – еретик?

– О дьявол, – со смехом ответил его провожатый, – я и забыл, что вы ревностный католик, настоящий испанец! В наших краях придают не очень много значения религиозным разногласиям. Провинция слишком от них пострадала, и мы ждем не дождемся, когда вся Франция будет от них избав-

лена. Мы надеемся, что в Монтобане король наконец-то покончит со всеми этими фанатиками с юга. Мы желаем, чтобы он как следует их поколотил, но в отличие от наших отцов не желаем им виселицы или костра... Но я вижу, мои слова вам неприятны, поэтому спешу довести до вашего сведения, что маркиз де Буа-Доре в наши дни столь же правоверный католик, как и те, что не переставали ими быть. Когда Беарнец решил, что Париж стоит мессы^[28], господин де Буа-Доре рассудил, что король не может ошибаться, и без лишнего шума, но окончательно отрекся от кальвинизма.

– Вернемся к истории семьи господина де Буа-Доре, – сказал д’Альвимар, перебив Гийома, желая скрыть презрительное недоверие, с каким он относился ко вновь обращенным.

– Вы правы, – согласился молодой человек. – Отец нашего маркиза был одним из самых упорных лигеров в этих краях. Он был верным сподвижником Клода де ля Шатра^[29] и де Барбонсуа, этим все сказано. В своем замке он хранил набор пыточных инструментов для гугенотов. Случись им попасть к нему в руки, он непременно их применял, но мог поднять на дыбу^[30] и кого-нибудь из своих вассалов, если тот не уплачивал в срок свои оброки. Люди настолько его боялись и ненавидели, что он получил прозвище chetti-месье, и по заслугам.

Его сын, нынешний маркиз де Буа-Доре, получивший при крещении имя Сильвен, столько страдал от его жестокого характера, что с молодых ногтей относился к жизни наоборот и

обращался с пленниками и вассалами отца с мягкостью и сочувствием, возможно, не совсем уместными у военного человека по отношению к мятежникам и у дворянина к людям низшего звания. Эти качества вместо того, чтобы возбуждать любовь к нему, напротив, вызвали у многих почти презрение, и крестьяне, люди, как известно, неблагодарные и недоверчивые, говорили о нем и его отце: «Один весит больше своих прав, другой не весит вовсе ничего».

Они полагали, что отец – человек жестокий, но решительный, храбрый, сможет защитить их от лихоимства бандитов с большой дороги, порождения войны. А господин Сильвен, по их мнению, оставит их на растерзание злодеям, поскольку не имеет ни мозгов, ни храбрости.

В один прекрасный день господин Сильвен сильно скучал, и уж не знаю, что пришло на ум молодому человеку, но только он сбежал из замка Бриант, где света божьего не видел, от своего отца. Тот обращался с юношей как с умалишенным. Сильвен отправился к умеренным католикам, которых в то время называли третьей партией. Вам известно, что эта партия неоднократно протягивала руку помощи кальвинистам. Господин Сильвен постепенно стал кальвинистом, а также слугой и другом молодого короля Наваррского. Узнав об этом, отец его проклял и, чтобы разорить сына, надумал, несмотря на преклонный возраст, жениться и произвести на свет еще одного сына.

Это означало уменьшение вдвое и без того небогатого на-

следства господина Сильвена, который, будучи гугенотом, мог потерять право старшинства при дележе наследства. Chetti-месье был не особенно богат, к тому же его земли неоднократно разорялись кальвинистами.

Но посмотрите, как добра природа этого человека! Вместо того чтобы рассердиться или хотя бы посетовать на судьбу по поводу женитьбы собственного отца и рождения ребенка, вдвое уменьшающего его наследство, он гордо поднял голову, когда ему принесли эту новость.

– Только подумайте! – воскликнул он. – Моему отцу за шестьдесят, а он произвел на свет мальчика. Великолепно! Я могу считать, что происхожу от доброго корня!

Его благодушие не ограничилось лишь словами. Семь лет спустя, когда отец отлучился из Берри, чтобы поддержать Порубленного в его борьбе против герцога Алансонского^[31], наш дорогой Сильвен, узнав, что после смерти его мачехи ребенок остался в замке почти без присмотра, тайно вернулся в наши края, чтобы в случае необходимости защитить сводного брата и, по его словам, ради радости его видеть и ласкать.

Он провел всю зиму рядом с ребенком, играл с ним, носил на руках, как кормилица или гувернантка. Люди в окрестностях насмехались, говоря, что он слишком прост, что он блаженный, что в их устах означает умалишенный.

Когда дурной отец возвратился домой после мира de Monsieur^[32], как вы понимаете, недовольный тем, что мятежники лучше вознаграждены, чем союзники, он был зол на

весь белый свет и даже на Господа, который позволил его молодой супруге умереть от чумы в его отсутствие. Не зная, на ком бы отыграться, он заявил, что старший сын явился сюда, чтобы колдовством погубить младшего, отраду его старости.

Со стороны старого корсара это было весьма гнусно, поскольку ребенок никогда так хорошо себя не чувствовал и не был так хорошо ухожен, чем в присутствии старшего брата. Несчастный Сильвен был не более способен на злые намерения, чем новорожденный...

В этот момент Гийом д'Арс прервал свой рассказ. Путники уже почти доехали до Брианта. Навстречу им вышла молодая особа, одетая в черное с красным и серым платье с подоткнутым подолом и открытой шеей. Подойдя ближе, она сделала глубокий реверанс.

– Увы, месье, – произнесла она. – Вы, возможно, собираетесь отобедать сегодня у моего досточтимого хозяина, маркиза де Буа-Доре? Но его нет дома, он на весь день отправился в Мотт-Сейи и отпустил нас всех до вечера.

Новость расстроила молодого д'Арса, но воспитание не позволило это продемонстрировать. Он галантно сказал:

– Ну что ж, мадемуазель Беллинда, тогда мы отправляемся в Мотт-Сейи. Желаю вам приятной прогулки!

И, чтобы скрыть свое огорчение, обратился к д'Альвимару, приглашая его повернуть назад:

– Не правда ли, весьма привлекательная экономка? Ее цветущий вид должен сделать для вас более притягательной

мысль о пребывании в Буа-Доре.

Беллинда, от ушей которой не ускользнуло это заявление, сделанное громким голосом и куртуазным тоном, выпятила грудь, улыбнулась, подозвала помощника конюха, сопровождавшего ее на манер пажа, и извлекла из широких рукавов двух маленьких белых собачек^[33], которых осторожно поставила на траву, будто бы чтобы дать им возможность погулять, но на самом деле, чтобы оставаться лицом к кавалерам и дольше представлять их взглядам красивую обновку и свои прелестные и весьма пышные формы.

Ей было лет тридцать пять. Румяная, волосы с красным отливом были довольно красивы, взбитые, они постоянно выбивались из-под шапочки, к великому неудовольствию местных дам. Но, даже стараясь выглядеть приветливой, она казалась недоброй.

– Почему вы называете ее Беллиндой? – спросил д'Альвимар. – Это имя распространено в ваших краях?

– Вовсе нет. Ее зовут Гийет Карка. А Беллиндой ее прозвал маркиз, следуя своему правилу, я объясню вам это позже, сперва закончу его историю.

– Ни к чему, – ответил д'Альвимар, остановив коня. – Несмотря на вашу любезность, я чувствую, что принес вам слишком много хлопот. Давайте поедем в замок Бриант, я останусь там с письмом, в котором вы рекомендуете меня господину де Буа-Доре. Я буду ожидать его возвращения и тем временем отдохну.

– Об этом не может быть и речи! – воскликнул юноша. – Уж лучше я откажусь от поездки в Бурж, я бы даже уже от нее отказался, если бы не дал слово своим друзьям, что непременно буду там сегодня вечером. Но я ни в коем случае не оставлю вас, не представив лично своему доброму и верному другу. Мотт-Сейи всего в одном лье^[34] отсюда, так что не будем гнать наших коней, поедем спокойно. Я приеду на праздник на час-другой позже и найду двери еще открытыми.

И он продолжил историю маркиза де Буа-Доре, хотя д'Альвимар слушал весьма невнимательно, так как был озабочен своей безопасностью. Окрестности казались ему малоподходящими для того, чтобы здесь прятаться.

На плоской и открытой равнине в случае нежелательной встречи невозможно было укрыться в лесу или рощице. Мелкая красная почва крупными волнами лежала под солнцем. Бескрайняя равнина, печальная на первый взгляд, время от времени оживлялась красивыми холмами или небольшими замками.

Однако Бриант, который уже можно было разглядеть, показался ему более надежным.

Минутах в десяти езды от замка равнина внезапно снижалась и вела по отлогому скату к узкой тенистой ложбине.

Сам замок заметен только сверху, поскольку колоколенка аспидного цвета, самая высокая из башен, была лишь немного выше равнины, сама равнина сверкала в лучах заходяще-

го солнца, как маленький золоченый фонарь, поставленный на край лощины.

То же самое можно сказать и о замке Мотт-Сейи³, правда, не столь живописном, поскольку он печально возвышается над плоской и бесконечной равниной Шомуа.

До того, как свернуть на проселочную дорогу, ведущую к замку, Гийом успел рассказать своему спутнику о прочих превратностях судьбы господина Сильвена де Буа-Доре: отец хотел запереть его в башне, чтобы воспрепятствовать возвращению сына к гугенотам; молодой человек сбежал и вернулся к своему дорогому Генриху Наваррскому, в рядах армии которого после смерти Генриха III сражался в течение девяти лет; и, наконец, сделав все, что в его силах, чтобы Беарнец воцарился на французском престоле, он вернулся в свои края после того, как тиран-отец отошел в мир иной и перестал быть грозой окрестностей.

– А что стало с его младшим братом? – спросил д'Альвимар, чтобы проявить интерес к рассказу.

– Его больше нет, – ответил д'Арс. – Его мало знали в Буа-Доре, поскольку отец еще в нежном возрасте отправил его на службу к герцогу Савойскому^[35], где он погиб довольно странным образом...

В этом месте рассказ Гийома был прерван неожиданным приключением, которое, судя по всему, весьма раздосадовало д'Альвимара, потому что, будучи испанцем, он терпеть не

³ В наши дни он называется Фейи, до того: Сели, Сюли, Сейи. (Примеч. авт.)

мог, чтобы начатое дело прерывалось.

Глава третья

Расположившаяся у обочины толпа цыган при виде наших путников вскочила на ноги, как стая потревоженных воробьев, так что лошадь д'Альвимара отпрянула в сторону. «Воробы» эти оказались слишком ручными. Вместо того чтобы отлететь подальше, они, рискуя попасть под копыта, прыгали, кричали, жалобно-комично гримасничая, протягивали к всадникам руки.

Глядя на их ужимки, Гийом лишь рассмеялся и подал щедрую милостыню. Д'Альвимар же проявил неожиданную нетерпимость и, угрожая плеткой, приказал:

– Убирайтесь! Прочь с дороги, каналы!

Он даже замахнулся на мальчугана, вцепившегося в его стремя с умоляющим и несколько насмешливым видом, как все дети, с младенчества приученные к попрошайничанию на большой дороге. Гийом, ехавший сзади, заметил, как мальчишка, увернувшись от удара, схватил с земли камень и собирался запустить им в д'Альвимара, но другой паренек, постарше, удержал его за руку и отругал, чем-то угрожая.

На этом дело не кончилось. Женщина маленького роста, довольно красивая, хотя уже увядающая, взяв ребенка за руку и говоря с ним по-матерински, подтолкнула его к Гийому, а сама подбежала к д'Альвимару, протягивая к нему руку, но при этом глядя на него так, будто хотела на всю жизнь

запомнить его лицо.

Д'Альвимар, все сильнее раздражаясь, направил на нее лошадь и сбил бы ее с ног, если бы она ловко не увернулась. Он уже положил руку на рукоятку одного из пистолетов, которые вез в седле, словно ему ничего не стоило бы пристрелить одного из этих глупых язычников.

Цыгане переглянулись и, сбившись в кучу, о чем-то принялись совещаться.

– Вперед, вперед! – крикнул Гийом д'Альвимару.

– Почему вперед? – спросил д'Альвимар, не собираясь подстегивать лошадь.

– Потому что вы разозлили этих черных птиц. Смотрите, они сбились в стаю, как журавли в беде, а их не менее двадцати, в то время как нас всего семеро.

– Мой дорогой Гийом, неужели вы опасаетесь, что эти слабые и трусливые скоты могут причинить нам какой бы то ни было вред?

– Я не имею привычки опасаться чего бы то ни было, – возразил молодой человек несколько уязвленно. – Но мне не хотелось бы стрелять по этим несчастным оборванцам. Я даже удивлен, что они так вас рассердили, хотя было так легко отделаться от них несколькими монетами.

– Я никогда им не подаю, – ответ д'Альвимара прозвучал так сухо и резко, что доброжелательный Гийом удивился.

Он понял, что его спутник страдает тем, что сегодня называют болезнью нервов, и не стал упрекать его за резкость.

Он просто настаивал на том, чтобы ускорить шаг, потому что цыгане их уже догоняли и даже обгоняли, разделившись на две команды, следующие по обеим сторонам дороги.

Между тем эти люди не выглядели враждебно настроенными, и было непонятно, с какой целью они эскортируют наших путешественников. Они переговаривались на тарабарском наречии и, казалось, были заняты лишь женщиной, шествующей впереди.

Мальчик, которого д'Альвимар хотел ударить, бежал теперь рядом с д'Арсом, будто надеясь на его защиту. Похоже, этот странный пробег казался ему увлекательным. Гийом обратил внимание, что ребенок менее грязен и менее смугл, чем остальные, и что его тонкие приятные черты лица не имеют ничего общего с цыганским типом.

Если бы он повнимательнее пригляделся к женщине, которую д'Альвимар ругал и осыпал угрозами, он бы заметил, что, хотя она ни капельки не похожа на мальчика, она тем более не похожа на своих собратьев по нищете. Она выглядела благороднее и нежнее. Помимо того, она явно не относилась к европейской расе, хотя и была одета в костюм жительницы Пиренеев.

Но самым удивительным было другое. Прекрасно поняв жест д'Альвимара, несмотря на вполне естественный страх нищих и бродяг такого типа, она храбро шагала с ним рядом, не покушаясь больше на содержимое его кошелька, вид ее был не угрожающим, но она по-прежнему рассматривала его

с пристальным интересом.

Д'Альвимар был разгневан такой наглостью; еще немного, и он дал бы волю своему причудливому и жестокому воображению.

Догадавшись об этом и опасаясь, как бы не пришлось из-за сердитого д'Альвимара связаться с безобидными бродягами, Гийом подъехал поближе и, загородив своей лошадыю Скьярра от женщины, сделал ей знак остановиться и обратился к ней с полусерьезной-полушутливой речью:

– Не изволите ли, королева дроков и вересков, сообщить нам, по какой причине вы нас сопровождаете столь странным образом, чтобы оказать нам честь или пристыдить нас? Должны ли мы быть польщены или огорчены этой церемонией?

Египтянка (в то время египтянами, или цыганами, называли всех бродяг непонятного происхождения) покачала головой и жестом подозвала мальчика, который удержал другого от того, чтобы бросить камень.

Подойдя с дерзким видом, он вкрадчиво и без малейшего акцента обратился к Гийому.

– Мерседес, – указывая на женщину, произнес он, – не понимает языка ваших милостей. Вместо тех из наших, кто не знает французского, говорю я.

– Хорошо, – кивнул молодой дворянин, – значит, ты оратор своей группы. Как тебя величать, господин нахал?

– Флеш, если угодно вашей милости. Я имел честь родить-

ся во Франции, в городе, имя которого с тех пор ношу.

– Это, несомненно, великая честь для Франции. Итак, мэтр^[36] Флеш, скажи своим спутникам, чтобы они оставили нас в покое. Учитывая, что я сейчас в дороге, вы получили от меня вполне достаточно, и плохая благодарность за мою щедрость заставляет нас дышать поднимаемой вами пылью. Прощайте, и отстаньте от нас, а если у вас есть ко мне еще какая-нибудь просьба, говорите быстрее, мы торопимся.

Флеш быстро перевел слова Гийома женщине по имени Мерседес, к которой, казалось, не только он, но и все остальные относились с особым почтением.

Она произнесла несколько слов по-испански, и Флеш снова обратился к д'Арсу:

– Эта женщина смиренно просит сообщить ей ваши имена, чтобы она могла за вас молиться.

Гийом расхохотался.

– Вот это просьба! Передай ей мой совет: пусть молится за нас без имен. Господь Бог и без того хорошо нас знает, и она вряд ли сообщит Ему о нас что-то Ему неизвестное.

Флеш смиренно поклонился и снял свою засаленную шапочку, а наши путники, подстегнув коней, наконец-то оставили толпу позади.

– Что это? – воскликнул д'Альвимар, заметив у линии горизонта колоколенки Мотт-Сейи. – Вы мне так и не рассказали, к какому вашему другу мы едем.

– Это замок молодой и прекрасной дамы, которая живет

тут со своим отцом. Оба будут рады вас видеть. Вы пробудете у них до вечера и, надеюсь, убедитесь, что в нашей глуши люди вовсе не дикари и не чужды старинного французского гостеприимства. Вероятней всего, у них находится и господин де Буа-Доре.

Д'Альвимар ответил, что нисколько в этом не сомневался, и наговорил своему спутнику массу любезностей, поскольку умел это делать как никто другой. Но его желчный ум тут же перекинулся на иной предмет.

– Исходя из того, что вы мне сейчас рассказали о господине де Буа-Доре, мой будущий хозяин – старое чучело, вассалы которого от души над ним потешаются.

– Вовсе нет! – воскликнул молодой человек. – Из-за цыганя не успел закончить свой рассказ. Я собирался рассказать вам, что, когда он вернулся, разбогатев и получив титул маркиза^[37], все были очень удивлены, узнав, что в бою он храбр, как лев, и, несмотря на свой благодушный вид, а также на то, что манеры его иногда кажутся комичными, он обладает христианскими добродетелями, которые делают ему честь.

– Входят ли терпимость и целомудрие в перечень вышеупомянутых христианских добродетелей?

– Почему вы об этом спрашиваете? У вас возникли какие-то сомнения?

– Я вспомнил экономку с пышной гривой, которую мы встретили у его замка. Она мне показалась слишком молодой для столь зрелого человека.

– Позор тому, кто дурно об этом подумает, – улыбнулся Гийом. – Не могу поклясться, что он не интересовался прелестями фрейлин королевы Катерины^[38], но это было так давно! Держу пари, вы можете рассказать об этом Беллинде, не причинив ей ни малейшего огорчения. Но вот мы и прибыли. Нет необходимости напоминать вам, что предположения такого рода здесь не приняты. Наша прекрасная вдова, госпожа де Бевр, вовсе не недотрога, но в ее возрасте, в ее положении...

Всадники проехали по подъемному мосту, который ввиду спокойствия, царящего в этих краях, постоянно был опущен, опускающая решетка поднята.

Они беспрепятственно и без лишних церемоний въехали во двор усадьбы и спешили.

– Одну минуту, – обратился д'Альвимар к Гийому. – Когда вы будете меня представлять, прошу вас, не называйте при слугах моего имени.

– Ни здесь, ни в другом месте я его не назову, – ответил господин д'Арс. – Поскольку вы говорите без малейшего акцента, никому в голову не придет, что вы испанец. За кого из парижских друзей вы хотели бы сойти?

– Роль другого человека меня стесняет. Я предпочитаю остаться более-менее самим собой и называться одним из семейных имен. С вашего позволения, я буду называться Виллареаль, а что касается причины моего бегства из Парижа...

– Вы объясните ее маркизу наедине и скажете, что вам бу-

дет угодно. Я лишь скажу, что вы мой друг, что вы спасаетесь от преследования и что я прошу оказать вам прием, который бы я устроил сам.

Глава четвертая

Замок Мотг-Сейи (это название в конце концов закрепилось) почти полностью сохранился до наших дней. Он состоит из пятиугольной въездной башни в феодальном средневековом стиле, жилого здания с большими окнами, окруженного прочими строениями, над одним из которых возвышается главная башня. В левом здании со сводчатыми потолками и мощными нервюрами^[39] конюшни, а также кухня и спальни для дворни. Справа часовенка с готическими окнами времен Людовика XII^[40] и короткая открытая галерея, поддерживаемая двумя приземистыми столбами, окруженными рельефными нервюрами, как толстые стволы деревьев, опутанные лианами.

Эта галерея ведет к главной башне, относящейся, как и входная башня, к двенадцатому веку. Убранство круглых комнат было скромным, вид оживляли красивые колонны, у основания напоминающие когти. Винтовая лестница в маленькой башне по соседству с большой проходила внутри древнего сруба, который и в наше время является подлинным произведением искусства.

В центре этой башни под сводом находилась так называемая *деревянная лошадка*, то есть дыба, применение которой было хладнокровно упорядочено еще ордонансом 1670 года^[41]. Это ужасное приспособление относится ко време-

ни строительства замка, поскольку составляло одно целое с остовом.

В этом бедном и мрачном замке прекрасная Шарлотта д'Альбре^[42], жена жестокосердного Чезаре Борджа, прожила пятнадцать лет и умерла еще молодой, прожив жизнь, полную страдания и святости.

Известно, что гнусный кардинал, байстриук Папы Римского, развратник, кровосмеситель, кровожадный тиран, любовник родной сестры Лукреции^[43] и убийца собственного брата^[44] и соперника, в один прекрасный день решил сложить с себя духовный сан и отправился во Францию в надежде найти выгодную партию для женитьбы.

Людовик XII хотел расторгнуть свой брак с Жанной, дочерью Людовика XI^[45], чтобы жениться на Анне Бретонской. Это было невозможно без папского согласия. Король получил его в обмен на то, что отдал байстриуку, кардиналу-кондотьеру^[46], область Валентинуа и руку принцессы.

Шарлотта д'Альбре, красивая, умная и чистая, была принесена в жертву: несколько месяцев спустя муж ее оставил, и она жила как вдова.

Купив это печальное поместье, она отправилась туда воспитывать свою дочь. Единственным ее развлечением вне стен замка были поездки в Бурж, к ее мистической подруге по несчастью Жанне Французской, отвергнутой королеве, ставшей доброй герцогиней де Берри.

После смерти Жанны Шарлотта, которой было тогда все-

го двадцать четыре года, надела траур и не снимала его до самой смерти, не выезжала больше из замка. Она умерла девять лет спустя, в 1514 году.

Тело ее было перевезено в Бурж и погребено рядом с Жанной, а полвека спустя эксгумировано, подвергнуто надругательствам и сожжено кальвинистами, равно как и останки другой несчастной святой. Ее сердце покоилось в сельской часовне Мотт-Сейи, в прекрасном склепе, заказанном для нее дочерью.

Но материальной памяти об этой печальной судьбе не суждено было сохраниться. В 1793 году^[47] крестьяне обрушили весь гнев, накопившийся в их сердцах, против несчастного склепа, разрушили мавзолей, обломки которого еще валяются окрест. Расколота на три части статуя Шарлотты стоит, прислоненная к стене. Заброшенная церковь разрушается сама по себе. Сердце несчастной страдальицы наверняка было запечатано в золотой или серебряный ларец; что-то с ним случилось? Может, продано по дешевке, а может, где-то спрятано из страха или уважения к ее памяти и до сих пор хранится в какой-нибудь деревенской лачуге, а новые ее обитатели ничего не знают про то, что ларец лежит под камнем очага или зарыт под терновником изгороди.

В наши дни реставрированный замок нежится под лучами солнца, через частично разрушенную стену солнце проникает на его посыпанный песком внутренний дворик. Вода в старинных рвах, которые, как я полагаю, питает соседний

источник, бежит подобно небольшой веселой речушке через недавно обустроенный английский сад.

Могучий тис, современник Шарлотты д'Альбре, величественно опирается на каменные глыбы, специально подложенные под его ветки, чтобы поддержать его монументальную дряхлость. Несколько цветков и одинокий лебедь будто бы меланхолично улыбаются горестному замку.

Горизонт по-прежнему хмур, пейзаж уныл, башня мрачна, но наш артистический век любит мрачные жилища, старые разоренные гнезда, крепкие постройки, доставшиеся в наследство от тяжелого и горького прошлого, которое народ уже не помнит, которое не помнил уже в 1793 году, поскольку разорил могилу кроткой Шарлотты вместо того, чтобы поломать дыбу в Мотт-Сейи.

Во времена, к которым относится наш рассказ, закрытый со всех сторон замок был одновременно мрачнее и комфортабельнее, чем в наши дни.

Большие каминные с чугунными литыми очагами жарко нагревали просторные комнаты. Обивку на стенах уже заменили на фетровую бумагу удивительной красоты и толщины. Вместо наших красивых персидских занавесей, которые дрожат от ветра, дующего из окон, висели шторы из тяжелого дамасского шелка, а в более скромных домах – занавеси из очесов шелка, которые служили лет по пятьдесят. Керамику в коридоре и лавочки застилали коврами, сотканными из смеси шерсти, хлопка, льна и конопли.

В те времена паркет было принято красиво инкрустировать. Серванты были заставлены красивым неверским фаянсом^[48], причудливыми кубками из цветного стекла, которые извлекались оттуда только в торжественных случаях. Их делали в форме памятников, растений, кораблей или фантастических животных.

Итак, несмотря на внешнюю простоту хозяйского дома, господин д'Альвимар нашел помещение уютным, чистым, даже довольно элегантным, в нем чувствовалось если не богатство, то, по крайней мере, настоящий достаток.

После замужества Луизы Борджа^[49] замок Мотт-Сейи отошел к дому де ла Тремуиль, с которым господин де Бевр был связан по материнской линии.

Это был суровый и храбрый дворянин, который не стеснялся высказывать вслух свое мнение и не скрывал своих убеждений. Его единственная дочь, Лориана^[50], в возрасте двенадцати лет была выдана за своего кузена, шестнадцатилетнего Элиона де Бевра.

Дети редко виделись, поскольку провинция была охвачена событиями, в которых господа де Бевр считали своим долгом принять участие. На следующий день после свадьбы они покинули замок, чтобы отправиться на помощь герцогине Неверской^[51], принявшей сторону принца Конде^[52] и в данный момент осажденной в своем добром городе Монтини (Франциска де Гранжа^[53]).

Храбро пытаясь прорваться в город прямо на глазах у ка-

толиков, юный Элион погиб. Вернувшись в деревню, господин де Бевр с болью в сердце вынужден был сообщить своей обожаемой дочери, что она стала вдовой, не лишившись девственности.

Лориана долго оплакивала своего юного кузена и мужа. Но можно ли бесконечно рыдать в возрасте двенадцати лет? Тем более что отец подарил ей такую красивую куклу. Юбка у этой куклы была из серебряной ткани, башмачки из красного бархата. А когда Лориане исполнилось четырнадцать, ей привезли из Буржа прекрасную маленькую лошадку из конюшен самого принца. Помимо того, Лориана, которая в момент своей свадьбы была худенькой и бледной девчушкой, к пятнадцати годам превратилась в столь свежую, элегантную и любезную блондинку, что не стоило опасаться, что ее вдовство будет продолжительным.

Но ей было так спокойно рядом с отцом, она чувствовала себя полновластной хозяйкой в доставшемся ей в приданое имении, что вовсе не торопилась повторно вступать в брак. Разве ее и без того не называют *мадам*? А желание услышать это обращение не одну молодую девушку склонило к замужеству. А что касается подарков, празднеств, свадебных нарядов?

Лориана наивно говорила:

– Я уже познала все радости и тяготы свадьбы.

Между тем, хотя господин де Бевр имел немалое состояние, за которым рачительно следил и которое благодаря

уединенному образу жизни постоянно увеличивалось, ему не удавалось найти для дочери подходящей партии.

Господин де Бевр поднялся на борьбу за дело Реформы в момент, когда, истощив свои людские и денежные возможности, движение в провинциях стало затухать. Все вокруг стали католиками или, по крайней мере, делали вид. Кальвинизм в Берри находился в упадке, момент его недолгого взлета давно прошел.

Но год 1562-й^[54] давно прошел, и крепостные стены Сансера^[55], *досадной твердьни*, были давно скрыты *до самого основания*.

Беррийцы не мстительны и не склонны к фанатизму, так что после недолгого удивления и возбуждения, когда явившиеся извне страсти захватили простолюдинов и буржуазию, снова воцарилась империя страха перед сильными мира сего, который и составляет основу политики этой провинции.

Что касается сильных мира сего, они, как обычно, торговали своей покорностью. Конде превратился в ревностного католика. Де Бевр, служивший сперва у его отца и потерявший зятя на службе принцу, как и следовало ожидать, оказался в немилости и больше не показывался в Бурже. Направленные к нему принцем иезуиты, стремившиеся склонить его к отречению, вернулись ни с чем.

Де Бевр вовсе не был религиозным фанатиком, принимая доктрину Лютера^[56], он следовал, скорее, политическим соображениям и вскоре понял, что ошибся. Но было уже позд-

но: у всех отпала необходимость его покупать. Ограничивались тем, что пытались его запугать, в частности, ему дали понять, что он не сможет пристроить свою дочку в этих краях, если продолжит упорствовать в ереси. Гордо державшийся перед прочими угрозами, он начал колебаться из страха, что Лориана останется одинокой и его имение перейдет в женские руки.

Но сама Лориана помогла ему устоять. Воспитанная им в протестантской вере и получившая посредственное образование, она в своем сердце смешивала обряды и молитвы обеих религий.

Она не стремилась по длинным и дурным дорогам Иссудена и Линиера любой ценой добраться до протестантской проповеди, но и не вздрагивала от отвращения, слыша перезвон с католической колокольни. Но иногда за ее приветливой и почти детской мягкостью угадывались ростки великой гордости. Заметив, что ее отец страдает при мысли о необходимости публичного отречения, она с удивительной энергией пришла ему на помощь, заявив прибывшим из Буржа иезуитам:

– Напрасно вы пытаетесь обратить меня в свою веру, обещая мне знатного мужа-католика. Я поклялась в своем сердце, что скорее выйду за человека низкого происхождения, зато моей веры.

Глава пятая

Недели через две после последнего посещения Мотт-Сейи иезуитами Гийом д'Арс представил владельцам замка Скьярра д'Альвимара.

И отец и дочь вышли навстречу гостям, а вот маркиза де Буа-Доре в доме не оказалось – он с лесником господина де Бевра поехал травить зайца.

Новая помеха весьма расстроила молодого д'Арса. Его поездка откладывалась час за часом, и он уже отчаялся попасть в Бурж сегодня.

Скьярра д'Альвимар представился с немалым изяществом, и с самого начала любезной беседы де Бевр, который понимал в этом толк не потому, что часто бывал в Париже, но в силу того, что много времени провел при провинциальных дворах, где каждый сеньор мнил себя не ниже короля, сразу же понял, что имеет дело с человеком, принадлежащим к высшему свету.

Что до господина д'Альвимара, он был поражен грацией и юностью Лорианы и, долгое время полагая, что это младшая дочь господина де Бевра, ожидал, когда его представят вдове, о которой говорил Гийом.

Лишь через добрых четверть часа он понял, что это прелестное дитя и есть хозяйка замка.

В десять утра сели обедать, к этому времени вернул-

ся Гийом, который отправился в луга на поиски господина Сильвена.

– Я предупредил маркиза, – обратился он к Скъярра, – и он скоро приедет. Он обещал мне принять вас у себя и быть вашим другом до моего возвращения. Так что я оставляю вас в хорошей компании, а сам постараюсь наверстать упущенное время.

Напрасно его пытались уговорить остаться обедать. Он ускакал, поцеловав руку прекрасной Лориане, обменявшись рукопожатием с господином де Бевром и обняв д'Альвимара, пообещав вернуться не позже, чем в конце недели, и забрать его из Брианта в д'Арс, где, как он надеется, гость пробудет еще немало времени.

– Итак, – обратился господин де Бевр к д'Альвимару, – подайте руку владелице замка и пойдемте к столу. Не удивляйтесь, что мы не стали ждать нашего друга Буа-Доре. У него вошло в привычку, даже если охота продолжалась не более пятнадцати минут, после этого не менее часа тратить на приведение в порядок туалета, и ни за что на свете он не покажется даме, даже Лориане, которая ему в дочери годится и которая выросла у него на глазах, не умывшись, не надушившись и не переодевшись с головы до ног. Мы не видим большого зла в этой его маленькой слабости. Между нами не приняты церемонии и, отложив из-за него обед, мы бы его, напротив, стеснили.

– Не следовало ли мне, – спросил д'Альвимар, когда его

усадили за стол, – подняться в комнату маркиза, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение до того, как приступить к обеду?

– Нет, – со смехом воскликнула Лориана. – Он расстроился бы, если бы гость застал его за одеванием. Не спрашивайте почему, увидев его, вы сами все поймете.

– Кроме того, – добавил ее отец, – ваша предупредительность к нему может быть обусловлена только вашей разницей в возрасте, ведь, поскольку он вас принимает, это он должен оказывать вам знаки внимания. Господин д'Арс поручил мне представить вас маркизу, и я с удовольствием исполню эту миссию.

Полагая, что д'Альвимар молод, господин де Бевр разделял всеобщее заблуждение.

Хотя ему было в ту пору около сорока, он выглядел не более чем лет на тридцать. Возможно, в глубине души господин де Бевр сравнивал красивое лицо своего гостя со своей дорогой Лорианой. Его постоянной заботой были поиски для нее супруга, который был бы не из этих краев и не требовал бы публичного отречения.

Наивный старик, он не знал, что засилье иезуитов установилось повсеместно. Кроме того, он не подозревал, что в душе д'Альвимар был верным рыцарем прекрасной дамы Инквизиции.

Желая обеспечить своему другу сердечный прием, Гийом ни словом не обмолвился о том, что он ревностный като-

лик. Сам он тоже был католиком, но весьма терпимым и даже маловерующим, как большинство светских молодых людей. Поэтому и представляя гостя господину де Бевру, и рекомендуя его господину де Буа-Доре, он не поднял вопрос о религии, которому, впрочем, все трое не придавали особого значения при общении с друзьями. Он ограничился тем, что сообщил господину де Бевру, что господин де Виллареаль происходит из хорошей семьи и довольно богат. Гийом и сам в это верил, поскольку д'Альвимар скрывал свою бедность со всей гордостью, присущей испанцам в этом вопросе.

Первая перемена блюд была подана со всей медлительностью, на которую только способны беррийские слуги, и съедена с методической медлительностью хорошо воспитанных людей.

Терпеливое пережевывание пищи, длинные паузы между глотками, рассказы радушных хозяев между блюдами до сих пор являются для беррийских стариков признаком хорошего тона. В наши дни крестьяне стараются перещеголять друг друга хорошим воспитанием, и когда садишься с ними обедать, можно быть уверенным, что проведешь за столом не менее трех часов, даже если подан будет лишь кусок сыра да бутылка вина.

Д'Альвимар, живой и беспокойный ум которого не знал отдыха, воспользовался величественным жеванием господина де Бевра, чтобы побеседовать с его дочерью, которая ела быстро и мало, занимаясь больше отцом и гостем, чем собой.

Он был удивлен, обнаружив столь острый ум у девушки, которая, не считая двух-трех поездок в Бурж и Невер, никогда не покидала своих владений.

Лориана не получила приличного воспитания и, вероятно, не смогла бы написать большое письмо, не сделав в нем нескольких ошибок. Но у нее была правильная речь, и, слыша разговоры отца с соседями о недавних событиях, она начала неплохо разбираться в истории, начиная с царствования Людовика XII и первых религиозных войн.

Помимо природного такта и деликатности, ее ум обладал прямотой и хитростью, чисто беррийским сочетанием, а союз двух этих противоположностей создает оригинальную манеру думать и говорить.

Она родилась в тех краях, где правду говорят с улыбкой и каждый знает, что его поймут.

Д'Альвимар почувствовал перед этой девушкой некоторую робость, сам не зная почему. Иногда ему казалось, что она угадала его характер, его жизнь, его недавнее приключение и что она мысленно говорит: «Несмотря на все это, мы останемся к вам добры, мы все равно к вашим услугам».

Когда наконец дошла очередь до жаркого, среди хлопанья дверей и звона тарелок появился господин де Буа-Доре, впереди него шествовал богато разодетый молодой слуга, нечто вроде пажа, будто чтобы подтвердить стих, еще не сочиненный о нелепости ему подобных: *Каждый маркиз хочет, чтобы у него были пажу*^[57], что, кстати, противоречило ордо-

нансам, разрешавшим иметь пажей лишь принцам и самым высокопоставленным вельможам.

Несмотря на вечную свою меланхолию и нынешнюю озбоченность, д'Альвимар с трудом удержался, чтобы не рассмеяться при виде своего временного хозяина.

В свое время Сильвен де Буа-Доре был очень красив. Завидного роста, прекрасно сложенный, черноволосый и белолицый, с живыми глазами, тонкими чертами лица, сильный и легкий в движении, он в свое время покорила сердца многих дам, но ни разу не смог вызвать прочной или страстной любви. Быть может, дело тут было в его легкости и скупости его собственных эмоций.

Безграничная доброта и верность, принимая во внимание эпоху и среду, королевская расточительность в те дни, когда судьба неожиданно делала его богатым, и стоическая философия в часы *нищеты* (как он сам называл минуты безденежья), все эти приятные и легкие качества авантюриста-сподвижника Беарнца были недостаточны, чтобы сделать из него пылкого героя, какие были в моде в дни его юности.

В ту экзальтированную и кровавую эпоху, чтобы подняться над романтической привязанностью, роман должен был содержать в себе хоть каплю жестокости. Буа-Доре, отважный в сражении, все прочее время был чрезвычайно мягкосердечен. Он не убил на дуэли ни одного мужа или брата, не зарезал в объятиях неверной любовницы ни одного сопер-

ника. С Жавоттой или Нанеттой он легко находил утешение после измены Дианы или Бланки. Поэтому, несмотря на его склонность к пасторальным и рыцарским романам^[58], женщины считали, что у него рыба кровь и недалекий ум.

Тем легче ему было сносить женскую неверность – он ее просто не замечал. Он знал, что красив, добр и храбр. Его любовные приключения были непродолжительны, но многочисленны. И, честно говоря, он любил понемногу каждую из красавиц, не питая страсти ни к одной из них.

Сердце его было более склонно к дружбе, чем к страсти. Он был счастлив, не терзаясь стремлением вызвать страсть.

Его считали бы эгоистом, если бы это обвинение хоть как-то вязалось с упреками в чрезмерной доброте и гуманности. В какой-то степени он был карикатурой на славного Генриха, которого многие называли предателем и бесчестным, но, сойдясь с ним поближе, проникались к нему любовью.

Но время летит, и это тоже, как неверность любовниц, мессир де Буа-Доре не соизволил замечать. Его легкое тело утратило былую гибкость, благородный лоб лишился волос, вокруг глаз, как лучи вокруг солнца, пробежали морщины, из всей своей юной красоты он сохранил лишь зубы, немного длинноватые, но все еще белые и ровные. Он до сих пор мог колоть зубами поданные на десерт орехи и нередко таким образом привлекал к себе внимание общества. Соседи говорили даже, что он бывал расстроен, когда, принимая его, забывали поставить орехи на стол.

Говоря, что господин де Буа-Доре не снисходил до того, чтобы заметить причиненный ему временем урон, мы имеем в виду, что он все еще был собою доволен. Он, конечно, понимал, что старится, и упорно боролся с разрушительным временем, тратя большую часть своих жизненных сил на эту битву.

Заметив, что волосы стали сесть и редеть, он отправился в Париж, чтобы заказать парик у лучшего мастера. Изготовление париков к тому времени превратилось в настоящее искусство. Но знатоки старины сообщили нам, что щеголю, желавшему видеть на своей голове пробор из белого шелка и по одному приклеенные к парику волосы, приходилось выложить за подобный парик не менее шестидесяти пистолей^[59].

Госпожина де Буа-Доре не могла остановить такая бездельница, он разбогател и тратил двенадцать – пятнадцать экю^[60] на будничную одежду и пять-шесть тысяч на праздничную. Он отправился выбрать себе парик. Сперва ему понравилась русая грива, которая, по словам мастера, как нельзя лучше ему подходила.

Буа-Доре никогда не был блондином и уже почти поддался уговорам мастера, когда ему пришлось в голову померить парик с шатеновыми волосами, который, опять же по словам продавца, смотрелся на нем просто великолепно. Оба парика стоили одинаково. Но Буа-Доре померил все-таки третий, стоивший на десять экю дороже, и тот привел мастера в со-

вершенный восторг: именно этот парик как нельзя лучше подчеркивал достоинства господина маркиза.

Буа-Доре вспомнил, что в свое время дамы говорили ему, что редко встречаются столь черные волосы при столь белой коже.

«Вероятно, мастер прав», – подумал он.

Тем не менее он несколько минут с изумлением взирал на свое отражение, поскольку эта черная грива делала его лицо твердым и жестоким.

– Удивительно, – воскликнул он, – как эта вещица меня изменила! А ведь это цвет моих собственных волос. Но в юности я выглядел добрым, как и сейчас. И черные волосы не придавали мне вид злого мальчишки.

Ему не пришло в голову, что природа во всем стремится к гармонии, и когда она нас одаряет, и когда разоряет, и что к его нынешнему лицу лучше всего подходят седые волосы.

Но продавец так настойчиво убеждал его, что в этом парике он выглядит никак не старше, чем лет на тридцать, что маркиз не только купил этот парик, но заказал еще один такой же, по его словам, из экономии, чтобы поберечь первый.

Тем не менее на следующий день он спохватился. Он пришел к выводу, что с волосами молодого человека стал выглядеть еще старше, и это подтвердили все, к кому он обратился за советом.

Тогда мастер объяснил, что волосы должны соответствовать цвету бороды и бровей, и немедленно всучил ему чер-

ную краску. Но с подкрашенными бровями и бородой лицо маркиза стало казаться смертельно бледным, и поэтому потребовалось накладывать еще и румяна.

– Получается, стоит ступить на этот путь, и остановиться невозможно?

– Таков обычай, – ответил мастер. – Надо либо выглядеть, либо казаться, выбирайте.

– Но разве я стар?

– Нет, поскольку употребляя мои средства, вы выглядите молодым.

С этого дня Буа-Доре начал носить парик, красить брови, усы и бороду, маскировать ароматическими пудрами каждую морщинку, душиться и рассовывать ароматические саше^[61] по всему телу. Когда он выходил из своей комнаты, это чувствовалось даже во дворе, а если он проходил мимо псарни, гончие еще целый час чихали и морщили носы.

Завершив превращение величественного старика в старую балаганную марионетку, он, помимо того, решил испортить свою осанку, приказав зашить в камзол двойные стальные пластинки, благодаря которым он целый день держался неестественно прямо, а к вечеру еле добредал до кровати.

Он бы свел себя этим в гроб, но, к счастью для него, мода изменилась.

На смену жестким камзолам времен Генриха IV пришли широкие легкие плащи с широкими рукавами в стиле фаворитов Людовика XIII. О-де-шоссы^[62] уступили место широ-

ким кюлотам^[63], отражающим каждый наклон тела.

Не без труда Буа-Доре примирился с этими нововведениями и расстался с несгибаемыми *выпуклыми* фрезами^[64], зато он стал лучше себя чувствовать в легких *ротондах*^[65]. Он горько сожалел о позументах, но вскоре утешился бантами и кружевами. После очередной поездки в Париж он вернулся одетый по моде и переняв у придворных щеголей манеру с небрежной непринужденностью разваливаться в креслах, принимать утомленные позы, медленно, будто нехотя (со счетом на три), поднимаясь. Одним словом, учитывая его высокий рост и раскрашенное лицо, он представлял собой тип пошлого маркиза, какой тридцать лет спустя Мольер^[66] сочтет смешным и готовым для сатиры.

Но все это помогало Буа-Доре скрыть реальный груз своих лет за маской, превращавшей его в комическое привидение.

Сперва вид маркиза почти ужаснул д'Альвимара. Ему было дико смотреть на изобилие черных локонов над изборожденным морщинами лицом, на злобные черные брови над добрыми глазами, на яркие румяна, все это казалось безумной маской, надетой на благородное и благожелательное лицо.

Что до костюма, его изысканность, обилие галунов, вышивок, бантов, розеток, плюмажей среди бела дня в деревне казались совсем неуместными. Весь костюм был выдержан в нежных палевых тонах, которые маркиз обожал. К сожалению, эти цвета никак не гармонировали с львиным видом

его щетинистых усов и париком.

Но прием, оказанный ему престарелым маркизом, быстро разрушил первое отталкивающее впечатление, произведенное этим маскарадом.

Господин де Бевр поднялся, чтобы представить друга Гийома маркизу и напомнить, что именно ему выпала честь несколько дней принимать у себя высокого гостя.

– Я оспаривал бы у вас это удовольствие и счастье, – сказал господин де Бевр, – если бы находился в собственном доме. Но мне нельзя забывать, что я нахожусь у своей дочери. К тому же этот дом менее богат и красив, чем ваш, мой дорогой Сильвен, поэтому мы не хотим лишать господина де Виллареаля приятного времяпрепровождения, которое ожидает его у вас.

– Я принимаю вашу гиперболу, – ответил Буа-Доре, – если благодаря ей я буду иметь счастье принимать под своей крышей дорогого гостя.

Распахнув руки, он обнял так называемого Виллареаля, в доброй улыбке обнажив свои красивые зубы.

– Будь вы самим дьяволом, месье, с того момента, как вы стали моим гостем, вы для меня как брат.

Маркиз специально не сказал «как сын». Он боялся таким образом раскрыть свой истинный возраст. С тех пор как сам он перестал вести счет годам, он полагал, что и остальные следуют его примеру.

Виллареаль д'Альвимар прекрасно обошелся бы без того,

чтобы обниматься со столь недавно обращенным католиком, тем более что духи, которыми маркиз был буквально пропитан, отбили у него аппетит, а маркиз, разжав объятия, крепко сжал ему руку своими сухими пальцами, униженными огромными кольцами. Но д'Альвимар должен был прежде всего заботиться о собственной безопасности, а по сердечному и решительному тону господина Сильвена он понял, что попал в дружеские и надежные руки.

Он выразил признательность за оказанное ему двойное гостеприимство. Судя по всему, это был один из его удачных дней, и, вставая из-за стола, оба провинциальных дворянина были им совершенно очарованы.

Д'Альвимар был бы не прочь теперь немного отдохнуть, но владелец замка предложил ему партию в шахматы, затем втроем с Буа-Доре они сыграли в бильярд, и маркиз дал себя обыграть.

Д'Альвимар любил игры, к тому же выигрыш в несколько золотых экию был ему далеко не безразличен.

Несколько часов они провели втроем, но принятые при играх беседы не давали им возможности познакомиться ближе.

Госпожа де Бевр, покинувшая их сразу после обеда, вернулась к четверем часам, заметив, что во внутреннем дворе начались приготовления к отъезду гостей.

Она предложила перед расставанием совершить всем вместе небольшую прогулку.

Глава шестая

Стоял конец октября, но было еще ясно и тепло, до сих пор продолжалось бабье лето. Обнаженные деревья выделялись на фоне красного солнца, садящегося за черные кусты у горизонта.

Гуляющие шагали по ковру из сухих листьев, по самшитовым и буковым аллеям.

Когда они шли вдоль рвов, вслед за ними плыли красивые карпы, привыкшие получать от Лорианы хлебные крошки. Маленький ручной волк следовал за ними как собака, но, порабощенный и запуганный крупным спаниелем, любимцем господина де Бевра, молодым и дурашливым, который вовсе не питал отвращения к столь подозрительному спутнику, катал его по земле и покусывал с замечательной грубостью ребенка из хорошей семьи, соизволившего поиграть с простолюдином.

Д'Альвимар собирался подать руку прекрасной Лориане, но заметил, что маркиз приближается к ней с теми же намерениями.

Но галантный маркиз тоже отступил.

– Это ваше право, – сказал он. – Такой гость, как вы, имеет преимущество перед остальными друзьями. Но вы должны оценить, на сколь великую жертву я иду ради вас.

– Я высоко ценю вашу жертву, – ответил д'Альвимар, на

руку которого Лориана положила свою маленькую ручку. – Вы ко мне вообще очень добры, но этот поступок, я полагаю, непревзойден.

– Я с удовольствием замечая, – продолжал Буа-Доре, шагая слева от мадам де Бевр, – что вы понимаете французскую галантность как наш покойный король, блаженной памяти Генрих Четвертый.

– Надеюсь, что даже лучше, с вашего позволения.

– О, это не так легко!

– Мы, испанцы, понимаем это, по крайней мере, иначе. Мы полагаем, что преданность женщине предпочтительнее галантности ко всем.

– О, мой дорогой граф... Вы ведь граф, не правда ли? Или герцог?.. Извините, вы же испанский гранд, я знаю, я вижу... Так вы увлекаетесь совершенной верностью, как в романе? На свете нет ничего более прекрасного, мой дорогой гость, даю слово!

В это время господин де Бевр отозвал Буа-Доре в сторону, чтобы показать ему какое-то недавно посаженное дерево. Д'Альвимар воспользовался минутой, чтобы спросить у Лорианы, не потешается ли над ним господин де Буа-Доре.

– Нисколько, – ответила она. – Знайте, что излюбленным чтением господина де Буа-Доре является роман «Астрея» д'Юрфе^[67], он знает его почти наизусть.

– Но как мог сочетаться вкус к возвышенной страсти с нравами предыдущего двора?

– Все вполне понятно. Когда наш друг был молод, он, как говорят, любил всех женщин. Старая, его сердце остыло, но он хочет скрыть это, как пытается скрывать свои морщины, поэтому делает вид, что к добродетели возвышенных чувств его склонил пример героев «Астреи». То есть, чтобы объяснить окружающим, почему он не ухаживает ни за одной красавицей, он гордится верностью одной-единственной, имени которой не называет, которую никто никогда не видел и не увидит по той простой причине, что она существует лишь в его воображении.

– Возможно ли, чтобы в его лета он еще полагал для себя необходимым прикидываться влюбленным?

– Очевидно, поскольку он хочет казаться молодым. Если он признает, что стал равнодушен к женщинам, чего ради он стал бы румянить лицо и носить парик?

– То есть, вы полагаете, что невозможно, будучи молодым, не быть влюбленным в женщину?

– Я ничего об этом не знаю, – живо возразила мадам де Бевр. – У меня совершенно нет опыта, и я не знаю сердца мужчин. Но мне случалось слышать, что дело обстоит именно так, а господин де Буа-Доре, тот просто в этом убежден. А каково ваше мнение, мессир?

– Я полагаю, – сказал д'Альвимар, желая узнать мнение молодой дамы, – что можно жить долго старой любовью в ожидании новой любви.

Ничего не ответив, она устремила взор красивых голубых

глаз в небо.

– О чем вы думаете? – спросил он с несколько излишне нежной фамильярностью.

Казалось, Лориану удивил этот нескромный вопрос.

Глядя ему прямо в лицо, будто спрашивая: «А вам что за дело до этого?» – на словах она не проявила резкости и мягко, с улыбкой ответила:

– Ни о чем.

– Так не бывает, – возразил д'Альвимар, – люди всегда думают о чем-то или о ком-то.

– Иногда думают мимоходом, настолько смутно, что секунду спустя уже не помнят, о чем думали.

Лориана сказала неправду. Она думала о Шарлотте д'Альбре, и мы расскажем вам, о чем она замечталась.

Перед ней будто предстала несчастная принцесса и ответила ей на вопрос, заданный д'Альвимаром. Вот ее ответ: «Иногда молодая девушка, которая никогда не любила, легко соглашается на любовь, потому что ей не терпится полюбить, в результате она иногда попадает в руки негодяя, который ее терзает, мучает и покидает».

д'Альвимар, конечно же, не догадывался о видении, посетившем эту юную душу. Он полагал, что это кокетство, и игра ему понравилась, хотя его душа оставалась холодной, как мрамор.

Он продолжал настаивать:

– Могу поспорить, что вы подумали о настоящей любви,

не о такой, что изображает господин де Буа-Доре, а о любви, которую вы могли бы если не испытать, то, по крайней мере, внушить галантному человеку.

Он произнес эти банальные слова прочувствованно и расстроганно, как он умел говорить подобные вещи. Лориана вздрогнула, вырвала свою руку, побледнела и отступила.

– Что случилось? – воскликнул он, пытаясь вновь завладеть ее рукой.

– Ничего, ничего. – Она изобразила подобие улыбки. – Я заметила в камышах ужа и испугалась. Сейчас позову отца, чтобы убил его.

Она убежала, д'Альвимар остался на месте, раздвигая своей тросточкой камыши в поисках проклятой твари.

Но там не обнаружилось ни одного животного, ни безобразного, ни прекрасного. Когда он начал искать взглядом госпожу де Бевр, то увидел, что она, покинув сад, уже вернулась во внутренний двор.

«Вот чувствительная натура, – подумал он, глядя ей вслед, – возможно, конечно, ее напугала змея, но, скорее ее, так взволновали мои слова... Ах, почему королевы и принцессы, в руках которых высшие судьбы, не так простодушны, как деревенские дамочки!»

Пока его честолюбие тешилось смятением Лорианы, та поднялась в часовню Шарлотты д'Альбре, но не затем, чтобы там молиться. Она пришла в католическую часовню, чтобы убедиться в правоте своих подозрений, которые ее внезапно

потрясли.

В маленькой часовне хранился уже почерневший от времени портрет, который никогда никому не показывали, но хранили там, где нашли, из уважения к порядку, принятому здесь при жизни святой их семьи.

Лориана видела этот портрет два раза в жизни. Впервые она заметила его случайно, когда пожилая женщина, поддерживавшая в часовне чистоту, стала вытирать пыль в шкафчике, закрывавшем портрет.

Лориана была тогда совсем ребенком. Портрет напугал ее, хотя она не поняла почему.

Второй раз – недавно, когда отец, пересказывая ей полную легендарных подробностей историю бедной герцогини, сказал:

– И все-таки наша святая родственница не ненавидела этого *монстра*. Быть может, она любила его до того, как узнала, какими чудовищными преступлениями он запятнан, а может, повинувшись христианскому милосердию, она считала своим долгом за него молиться; так или иначе, она держала его портрет в этой часовне.

Лориана поняла, чей портрет когда-то так напугал ее, и ей захотелось взглянуть на него еще раз. Она рассматривала его пристально и хладнокровно, обещая себе, что никогда не выйдет замуж за человека, хоть немного похожего на изверга с портрета.

Несмотря на то что она изучала портрет вполне спокойно,

зловещий призрак еще некоторое время маячил у нее перед глазами, и, встречая жестокое лицо, она невольно сравнивала его с тем омерзительным типом на портрете. Но вскоре она об этом позабыла.

Когда ей представили д'Альвимара, ей не пришло в голову сравнить его с портретом, даже в саду, подавая ему руку, весело с ним беседуя и глядя ему в лицо, она не ощутила ни малейшей тревоги. Почему же, когда он заговорил на эту тему, она вспомнила о Шарлотте д'Альбре?

Но д'Альвимар настойчиво пытался проникнуть в ее мысли, говорил с ней почти о любви. По крайней мере, в двух словах он сказал ей об этом больше, чем любой из окружающих ее друзей, молодых или старых, за всю ее жизнь.

Удивленная такой дерзостью, она снова взглянула на него, и ее удивила коварная улыбка, промелькнувшая на его красивом лице. В тот же миг профиль на фоне красного неба исторг из ее груди крик ужаса.

Молодой красавец, который заставил ее сердце биться сильнее, был похож на Чезаре Борджа.

Действительно ли сходство имело место или ей просто показалось, но стоять с ним рука об руку для нее было невозможно.

Придумав повод для испуга, она убежала посмотреть на портрет, чтобы либо утвердиться в своих подозрениях, либо отказаться от них.

Глава седьмая

День быстро угасал, и, поскольку уже начало темнеть, она зашла за свечой в свою комнату, расположенную во флигеле, связанном маленькой галереей с часовней, затем сразу же отправилась к шкафчику, в котором находился портрет. Открыв шкафчик, Лориана поставила свечу так, чтобы получше разглядеть лицо нечестивца.

Портрет был очень хорош^[68]. Чезаре и Луиза Борджа были современниками Рафаэля^[69] и Микеланджело^[70], так что при холодном изучении картина напоминала манеру раннего Рафаэля. Художник принадлежал к его школе.

Кардинал-бандит был изображен в профиль, и глаза на портрете смотрели прямо. На лице герцога де Валентинуа не было ни синеватых пятен, ни отвратительных прыщей, о которых пишут некоторые историки, ни косых глаз, «сверкающих адским огнем, который был невыносим даже для его близких и друзей». Либо художник хотел ему польстить, либо портрет был написан в тот период жизни, когда порок и преступления еще не «сочились с его лица» и не обезобразили его.

Он был бледен, чудовищно бледен и худ, острый и узкий нос, рот почти незаметен, настолько губы были тонки и бесцветны, острый подбородок, изящное лицо, довольно правильные черты, красные борода и усы. Длинные узкие глаза,

казалось, погружены в блаженное размышление о каком-либо злодеянии, а невозмутимая улыбка на прозрачных губах будто говорила о дремотной мягкости, присущей удовлетворенной свирепости.

Трудно было сказать, что именно производило ужасное впечатление: оно крылось во всем. Кровь стыла в жилах при виде этой бесстыдной и жестокой физиономии.

– Мне показалось! – сказала себе Лориана, вглядываясь в его черты. – Ни лоб, ни глаза, ни рот этого испанца вовсе не похожи на портрет. Сколько я ни смотрю, не нахожу ничего общего.

Закрыв глаза, она попыталась представить лицо гостя. Она вспомнила его лицо: ему весьма шло выражение сдержанной и гордой меланхолии. Она вспомнила его профиль: жизнерадостный, даже немного насмешливый, он улыбался. Но стоило ей восстановить в памяти его улыбку, как перед ней возник профиль злодея Чезаре, и тут же оба отражения будто склеились и стали неразделимыми.

Закрыв шкаф, она посмотрела на кафедру резного дерева, маленький алтарь и подушку черного бархата, истертую коленями святой Шарлотты за те часы, что она провела за молитвою. Лориана тоже встала на колени и принялась молиться, не раздумывая, где она, в церкви или в храме, протестантка она или католичка.

Она молилась Богу слабых и обиженных, Богу Шарлотты

д'Альбре и Жанны Французской.

Успокоившись и заметив через окно, что лошади для отъезда гостей уже готовы, она спустилась в гостиную, чтобы попрощаться.

Она нашла своего отца в сильном возбуждении.

– Идите сюда, мадам, моя дорогая дочь, – сказал он, протягивая ей руку, чтобы усадить в кресло, которое поспешили ей подвинуть Буа-Доре и д'Альвимар. – Вы должны помирить нас. Когда мужчины остаются одни, без женщин, они становятся мрачными, начинаются разговоры о политике, религии, а в подобных вопросах согласие невозможно. Добро пожаловать, моя кроткая голубица, и расскажите нам о ваших птичках, которых вы, вероятно, сейчас укладывали спать.

Лориане пришлось признаться, что она совсем позабыла о своих горлицах. Чувствуя на себе ясный и пронзительный взгляд д'Альвимара, она еле осмелилась поднять на него глаза. Конечно же, он похож на Чезаре Борджа ничуть не больше, чем добрейший господин Сильвен.

– Так вы опять поссорились с нашим соседом? – спросила она отца, поцеловав его и протягивая руку старому маркизу. – Не вижу в этом большой беды, поскольку вы сами говорите, что вам надо немного поспорить, чтобы лучше переваривать пищу.

– Нет, черт побери! – возразил де Бевр. – Если бы я поспорил с ним, я бы в этом не каялся. Ведь это мой привыч-

ный грех. Но, поддавшись духу противоречия, я поспорил с господином де Виллареалем, а это противоречит всем законам гостеприимства и приличия. Помирите нас, дорогая дочь. Вы ведь хорошо меня знаете, так скажите ему, что хоть я старый и упрямый гугенот и спорщик, но я честен и по-прежнему к его услугам.

Господин де Бевр преувеличивал. Он не был столь ревностным гугенотом, религиозные понятия в его голове вообще были чрезвычайно запутаны. Но у него были твердые политические убеждения, и он слышать не мог о некоторых противниках без того, чтобы не дать волю своей резкой откровенности.

Он обиделся на д'Альвимара, который встал на защиту бывшего правителя Берри, герцога де Шатра, который случайно был помянут в разговоре.

Лориана, которая была в курсе дела, мягко произнесла свой вердикт:

– Я оправдываю вас обоих. Вас, господин мой отец, за то, что вы подумали, что ни в чем, кроме отваги и ума, господин де Шатр не заслуживает подражания. Вас, господин де Виллареаль, за то, что вы заступились за человека, которого больше нет и который не может сам себя защитить.

– Прекрасное решение, – воскликнул Буа-Доре, – и давайте сменим тему разговора.

– Конечно, довольно о тиранах, – не унимался старый дворянин, – довольно об этом фанатике.

– Вы называете его фанатиком, – возразил д'Альвимар, который не умел уступать, – но я придерживаюсь другого мнения. Я хорошо знал его при дворе и смею утверждать, что он, скорее, недостаточно любил истинную религию и видел в ней лишь средство подавления мятежа.

– Верно, – подтвердил де Буа-Доре, который терпеть не мог споры и мечтал, чтобы все это поскорее окончилось. Но господин де Бевр ерзал на стуле, и было видно, что он не считает спор законченным.

– В конце концов, – добавил д'Альвимар, надеясь таким образом положить конец распри, – он ведь верно и преданно служил королю Генриху, памяти которого преданы все здесь присутствующие.

– И неспроста, месье! – воскликнул господин де Бевр. – Неспроста, черт подери! Где еще найти столь мудрого и доброго короля? Но сколько времени наш взбесившийся лигер де Шатр сражался против него, сколько раз он его предавал? И сколько потребовалось денег, чтобы он наконец успокоился? Вы еще молоды, вы человек света. Вы видели в нем куртизана и хорошего рассказчика. Но мы, старые провинциалы, прекрасно знаем провинциальных тиранов! Пусть господин де Буа-Доре расскажет вам о лжи и предательстве, которыми ваш вояка прославился во время битвы при Сансере!

– Увольте меня! – сказал Буа-Доре с явным неудовольствием. – Как я могу об этом помнить?

– А чем вам не нравятся эти воспоминания? – взвился де

Бевр, не обращая внимания на настроение друга. – Вы ведь тогда уже вышли из пеленок, я полагаю.

– По крайней мере, я был так молод, что ничего не помню, – настаивал маркиз.

– Я-то помню, – воскликнул де Бевр, взбешенный отступничеством де Буа-Доре, – хотя я на десять лет младше вас и меня там не было. Тогда я был пажом храброго Конде, предка нынешнего, и смею вас заверить, что он был совсем другим человеком.

– Послушайте, – вмешалась Лориана, решившая прибегнуть к хитрости, чтобы утихомирить отца и увести разговор в сторону от опасной темы, – наш маркиз должен признаться, что он присутствовал при осаде Сансера и храбро там сражался, а вспомнить об этом не хочет из скромности.

– Вы прекрасно знаете, что меня там не было, поскольку я провел все это время здесь, с вами.

– О, я имею в виду не последнюю осаду, которая продолжалась всего сутки, в мае прошлого года, это был лишь последний удар. Я говорю о великой, знаменитой осаде тысяча пятьсот семьдесят второго года.

Буа-Доре панически боялся дат. Он закашлялся, суетливо задвигался, поправил свечу, которая и без того хорошо стояла. Но Лориана решила пожертвовать им ради всеобщего спокойствия, усыпав его цветами похвал.

– Я знаю, что, хотя вы были чрезвычайно молоды, вы сражались как лев.

– Друзья мои действительно отличились в сражении, – ответил Буа-Доре, – а дело было жаркое! Но в мои лета при всем своем рвении я не мог быть хорошим воином.

– Черт побери! Да вы лично захватили двоих пленных! – вскричал де Бевр, топая ногой. – Меня просто бесит, когда храбрец, военный человек, как вы, отказывается от своей доблести, лишь бы скрыть свои годы!

Эти слова больно ранили господина Сильвена, лицо его опечалилось. Это был единственный способ, которым он давал понять друзьям свое неудовольствие.

Лориана поняла, что зашла слишком далеко.

– Нет, месье, – обратилась она к отцу, – позвольте вашей дочери сказать, что вы пошутили. Поскольку маркизу не исполнилось тогда и двадцати лет, его подвиг тем более замечателен.

– Как! – воскликнул де Бевр. – Вам не было тогда и двадцати лет? Я внезапно стал старше вас?

– Человеку столько лет, на сколько он выглядит, – сказала Лориана, – а стоит только посмотреть на маркиза...

Она остановилась, будучи не в силах произнести столь откровенную ложь, даже чтобы его утешить. Но оказалось достаточно доброго намерения, Буа-Доре довольствовался малым.

Он поблагодарил ее взглядом, лоб его разгладился, де Бевр засмеялся, д'Альвимар выразил восхищение умом Лорианы, и гроза прошла стороной.

Глава восьмая

Мирная беседа текла еще некоторое время.

Господин де Бевр попросил д'Альвимара не сердиться на его упрямство и послезавтра пожаловать вместе с маркизом к нему на обед, поскольку господин де Буа-Доре обедал в Ла Мотт каждое воскресенье. Подали *карету* господина де Буа-Доре, представляющую собой тяжелую и просторную берлинну^[71], которую тянула четверка сильных и красивых лошадей, правда, слегка толстоватых.

Эта достопочтенная колымага, проходившая как по пригодным для карет дорогам, так и по непригодным, была необычайно прочна. Пусть мягкость ее хода оставляла желать лучшего, в ней, по крайней мере, можно было быть уверенным, что не поломаешь себе кости в случае падения благодаря толстенной внутренней обивке.

Под обивкой из шелковой узорчатой ткани слой шерсти и пакли достигал толщины шести дюймов, так что вы в ней чувствовали себя если не удобно, то наверняка в безопасности.

К тому же она была красиво обита кожей при помощи позолоченных гвоздиков, образывавших орнамент.

По углам этой цитадели на колесах размещался целый арсенал, состоящий из пистолетов, шпаг и, конечно, такого запаса пороха и пуль, что, пожалуй, их хватило бы, чтобы вы-

держат настоящую осаду.

Процессию открывали два конных слуги с факелами, еще двое следовали за каретой вместе со слугой д'Альвимара, ведущего на привязи его лошадь.

Юный паж маркиза уселся на облучок рядом с кучером.

Проезжая под опускной решеткой Мотт-Сейи и по его подъемному мостику, громадное сооружение произвело сильный шум. Веселый лай сторожевых собак со двора еще долго вплетался в производимый кавалькадой грохот, который был слышен даже в поселке Шампийе, расположенном в доброй четверти лье от замка.

Д'Альвимар счел своим долгом сказать маркизу несколько комплиментов относительно его роскошной и удобной кареты, какие еще редко встречаются в деревне, в этих краях она казалась просто чудом.

– Я не ожидал, – сказал он, – найти в Берри те же удобства, что в большом городе. Я вижу, что вы ведете жизнь вельможи.

Последнее выражение как нельзя более порадовало маркиза. Он был рядовым дворянином и не мог, несмотря на свой титул, именоваться вельможей.

Его маркизатом была крохотная ферма в Бовуази, которая ему даже не принадлежала.

Как-то в дни неудач Генрих Наваррский из-за превратностей партизанской войны оказался с небольшой свитой на маленькой заброшенной ферме и вынужден был сделать

там передышку. Ему грозила опасность остаться без обеда, но господин Сильвен, который в подобных ситуациях бывал необыкновенно находчивым, обнаружил в кустах забытых хозяевами и одичавших домашних птиц. Беарнец устроил на них охоту, а господин Сильвен взялся их приготовить.

Этот неожиданный праздник привел короля Наваррского в прекрасное состояние духа, и он *подарил* ферму своему спутнику, основав в этом месте маркизат, за то, что, по его словам, ферма не дала умереть с голоду королю.

Буа-Доре владел этим поместьем, завоеванным без единого выстрела, лишь несколько часов, проведенных там с королем. На следующий день ферма оказалась в руках у противника. После заключения мира туда вернулись законные владельцы.

Но Буа-Доре дорожил не ветхой лачугой, а своим титулом, поскольку король Франции впоследствии со смехом подтвердил обещание, данное королем Наварры. Это не было записано на бумаге, но, поскольку беррийский дворянин пользовался покровительством всемогущего монарха, к титулу привыкли, и скромный деревенский помещик был принят в королевском окружении как маркиз де Буа-Доре.

Никто против этого не возражал, шутливость и терпимость короля создали если не закон, то, по крайней мере, прецедент, и сколько бы ни подтрунивали над маркизатом господина Сильвена Бурона дю Нуайе – таково было его настоящее имя, – он, несмотря на любые насмешки, вел себя

как человек, относящийся к высшей знати. В конце концов он заслужил свой титул честнее и носил его с большим достоинством, чем многие другие сподвижники короля.

Д'Альвимар был не в курсе этой истории, поскольку невнимательно слушал рассказ Гийома д'Арса. Он не думал насмеяться над сановитостью господина де Буа-Доре, и, привыкший к постоянным шуткам на эту тему, маркиз был бесконечно ему признателен за его учтивость.

Тем не менее он изо всех сил пытался казаться удальцом, чтобы сгладить неуместную историю с осадой Сансера.

– Я держу эту карету лишь для того, чтобы предоставлять ее соседским дамам, когда у них возникает такая необходимость, – сказал он. – Что до меня, я предпочитаю ездить верхом. Это быстрее и шума меньше.

– Получается, – ответил д'Альвимар, – вы приняли меня за даму, послав днем за каретой? Я очень смущен, и если бы я знал, что вы не боитесь вечерней прохлады, я умолял бы вас ничего не менять в ваших привычках.

– Я полагаю, что после предпринятого вами путешествия не стоит в тот же день садиться в седло. А что касается холода, скажу вам откровенно, я большой лентяй и зачастую позволяю себе такие нежности, в которых мое здоровье вообще не нуждается.

Буа-Доре пытался увязать изнеженность молодых куртизанов с бодростью молодых деревенских дворян, что иногда бывало довольно сложно.

Он был еще крепок, оставался прекрасным наездником и сохранял хорошее здоровье, если не считать ревматических болей, о которых никогда никому не рассказывал, и легкую глухоту, которую он также скрывал, объясняя недостаток слуха рассеянностью.

– Считаю своим долгом, – продолжил он, – извиниться перед вами за невоспитанность моего друга де Бевра. Что может быть нелепей, чем религиозные споры, которые, к тому же, вышли из моды? Простите старику его упрямство. В глубине души де Бевра эти тонкости волнуют ничуть не больше, чем меня. Пристрастие к прошлому заставляет его иногда тревожить память мертвых, досаждая таким образом живым. Не понимаю, почему старость столь педантична в своих воспоминаниях, будто за долгие годы не повидала достаточно людей и вещей, чтобы философски глядеть на мир. Ах, расскажите мне лучше, мой дорогой гость, о людях Парижа, чтобы мы могли с изысканностью и умеренностью обсудить все предметы нашей беседы. Расскажите мне о дворце Рамбуйе^[72], например! Вы, несомненно, бывали в *голубом салоне Артенисы*^[73]?

Ответив, что бывал принят у маркизы, д'Альвимар не погрешил против истины. Его ум и ученость открыли перед ним двери модного Парнаса^[74]. Но он не мог стать своим человеком в этом святилище французской вежливости, поскольку слишком быстро обнаружилась его нетерпимость.

К тому же литературные пасторали были не в его вкусе.

Его снедало свойственное его времени честолюбие, так что пастораль, идеал отдыха и скромных развлечений, была ему ни к чему. Поэтому он почувствовал себя в плену усталости и сонливости, когда Буа-Доре, в полном восторге от того, что есть с кем поговорить, целыми страницами принялся пересказывать «Астрею».

– Что может быть прекрасней, – восклицал он, – чем письмо пастушки к своему любовнику: «Я подозрительна и ревнива, меня трудно завоевать и легко потерять, легко обидеть и трудно утешить. Мои желания должны стать судьбой, мои мнения истиной, мои приказы непреложными законами». Вот это стиль! А как прекрасно обрисован характер! А продолжение, продолжение! Не правда ли, месье, в нем содержится вся мудрость, вся философия, вся мораль, которая только нужна человеку? Послушайте, что ответила Сильвия Галатее: «Невозможно сомневаться, что этот пастух влюблен, поскольку он столь честен». Вы понимаете, месье, всю глубину этого утверждения? Сильвия объясняет это сама: «Ничего на свете влюбленный так не желает, как быть любимым; чтобы быть любимым, надо стать приятным, а приятным человека делает то, что делает его честным».

– Что? Что вы сказали? – встрепенулся д'Альвимар, разбуженный словами ученой пастушки, которые Буа-Доре вещал ему прямо в ухо, чтобы перекричать стук кареты по камням древней римской дороги, ведущей из Ля Шатра в Шато-Мейян.

– Да, месье, и я готов защищать эту мысль хоть против всего света! – горячился маркиз, не заметивший, как вздрогнул его гость. – Сколько времени я впустую твержу об этом старому вздорному еретику в области чувств!

– О ком вы? – переспросил ошарашенный д'Альвимар.

– Я имею в виду своего соседа де Бевра. Даю слово, он прекрасный человек, но полагает, что можно найти понятие добродетели в теологических книгах, которые он не читает, поскольку ничего в них не понимает. Я же пытаюсь внушить ему, что оно содержится в поэтических произведениях, в приятных и благовоспитанных рассуждениях, из которых любой человек, как бы прост он ни был, может извлечь для себя пользу. Например, когда юный Луцида уступает безумной любви Олимпии...

Тут д'Альвимар снова погрузился в дрему, на этот раз окончательно, а господин Буа-Доре продолжал декламировать до тех пор, пока карета и эскорт с тем же грохотом, как в Ля Мотт, въехала на подвесной мост Брианта.

Было уже совсем темно, и д'Альвимар смог осмотреть замок лишь изнутри. Он показался ему совсем маленьким. В наши дни любая из комнат замка показалась бы нам просторной, но, по тогдашним понятиям, они считались чрезвычайно маленькими.

Часть дома, которую занимал маркиз, в 1594 году была разорена авантюристами^[75] и недавно отстроена заново. Это было квадратное помещение, примыкающее с одной сторо-

ны к весьма старой башне, а с другой к еще более древней постройке. Архитектурный комплекс вобрал в себя разнообразные стили, но выглядел изящным и живописным.

– Не удивляйтесь, что мой дом выглядит столь скромно, – сказал маркиз, поднимаясь впереди него по лестнице, пока его паж и экономка Беллинда освещали им путь, – это всего лишь охотничий дом, холостяцкая квартира. Если мне когда-нибудь придет в голову мысль о женитьбе, придется заняться строительством. Но до сих пор я об этом и не помышлял; надеюсь, что поскольку вы тоже холостяк, вы не будете чувствовать себя в этой хижине слишком неудобно.

Глава девятая

На самом деле холостяцкая квартирка была обустроена, меблирована и украшена с роскошью, которую трудно было ожидать, глядя на маленькую и низкую, украшенную вишнетками дверь и узкий вестибюль, где начиналась винтовая лестница.

Каменные плиты были устланы *беррийскими шершавчиками* (коврами местного производства), на деревянном полу лежали более дорогие ковры Обюссонской мануфактуры^[76], а гостиную и спальню хозяина украшали дорогие персидские ковры.

Окна были широкими и светлыми, двухдюймовой толщины ромбы из неподкрашенного стекла были украшены выпуклыми медальонами с цветными гербами. На обивке стен были изображены очаровательные хрупкие дамы и красивые маленькие кавалеры, в которых благодаря пастушьим сумкам и посохам можно было признать пастушек и пастухов.

В травке у их ног были вышиты имена главных героев «Астреи», прекрасные слова, сходящие с их уст, пересекались в воздухе с не менее прекрасными ответами.

В салоне для гостей панно изображало несчастного Селадона, который, грациозно извиваясь, бросается в голубые воды Линьона, который уже заранее пошел кругами в ожидании его падения. За ним несравненная Астрея *открыла*

иллюзы, дав волю своим слезам, обнаружив, что прибежала слишком поздно, чтобы остановить своего воздыхателя, хотя его висящие в воздухе ноги находились на уровне ее руки. Изображенное над этой патетической сценой дерево, более похожее на барана, чем бараны фантастических лугов, тянуло к потолку курчавые ветви.

Но, чтобы не печалить сердце зрителя душераздирающей картиной гибели Селадона, художник на том же панно, совсем рядом, изобразил его уже лежащим на другом берегу, *находящегося меж жизнью и смертью*, но спасенного от верной гибели тремя прекрасными нимфами, густые волосы которых с вплетенными в них гирляндами жемчужин волнами спускались на плечи. Из-под закатанных по локоть рукавов виднелся внутренний рукав, который сборочками шел до самой кисти, где его придерживали два жемчужных браслета. У каждой на боку был колчан со стрелами, а в руке лук из слоновой кости. Подобранные подола их платьев обнажали высокие золоченые ботиночки до колен.

За этими красавицами следовал маленький Мериль, сидевший в повозке в форме раковины, увенчанной зонтом от солнца, в которую были впряжены лошади, своими кроткими физиономиями и сгорбленными спинами более напоминавшие овец.

На следующем панно спасенный и поддерживаемый этими милыми нимфами пастух был изображен в тот момент, когда отдает через рот всю выпитую им воду Линьона. Но

этот процесс не мешает ему тем не менее говорить, и на фоне извергающейся из его рта струи написано: «Если я жив, то как возможно, что жестокость Астреи не заставила меня умереть?»»

Пока он произносит свой монолог, Сильвия обращается к Галатее: «В его манерах и его речах есть нечто более благородное, чем свойственно тем, кто носит звание пастуха».

Над головой у них Купидон^[77] пускает в сердце Галатеи стрелу, размером больше, чем он сам, при этом из-за того, что дерево закрывает ему обзор, он целится ей в плечо. Но стрелы любви столь летучи!

Что сказать о третьем панно, изображающем схватку злокудрого Филандра с ужасным Мором? Зажатый чудовищем со всех сторон, храбрец, не растерявшись, правой десницей всаживает железное острие своего пастушьего посоха меж глаз врага.

На четвертом панно прекрасная Меландра в доспехах Рыцаря Печального Образа противостоит жестокому Липанду.

Но кто не знаком с шедеврами этого *прекрасного края ковероткачества*, как сказал о нем один из наших поэтов, безумного и веселого края, в которых будто отражены наши детские фантазии и мечты о чудесах?

Обивка в доме господина де Буа-Доре была весьма удачной, в том смысле, что с помощью отдельных групп фигур, рассеянных по пейзажу, удалось соединить все приключения воедино, так что хозяин имел удовольствие созерцать

все сцены любимого произведения, прохаживаясь по комнате. Но рисунки были донельзя абсурдны, краски просто невообразимы, ничто лучше не могло характеризовать дурной, отвратительный, фальшивый вкус, который в то время соседствовал с великим и великолепным вкусом Рубенса^[78] и смелыми и правдивыми видами Жака Калло^[79].

У каждой эпохи свои крайности, поэтому никогда не стоит сожалеть о времени, в котором живешь.

Тем не менее следует признать, что в истории искусства некоторые периоды были более благоприятными, чем другие, и иногда вкус был столь чист и плодороден, что чувство прекрасного проникало во все детали обыденной жизни и во все слои общества.

Во времена расцвета Возрождения все имело характер элегантного изобретения, даже по малейшим обломкам той эпохи чувствуется, что подъем в общественной жизни благоприятствовал подъему воображения. Так происходит у всех – от высших интеллектов до простого ремесленника; и во дворцах и в лачугах не существует ничего, что могло бы приучить глаз к виду безобразного или пошлого.

В эпоху Людовика XIII все изменилось, и провинциалы начали предпочитать ковры и мебель современной работы, такие, как у господина де Буа-Доре, драгоценным образцам прошлого века, подобным тем, что были разбиты или сожжены рейтарами в замке его отца пятьдесят лет назад.

Сам он считал себя человеком сведущим в искусстве, но

ничуть не сожалел о старье, и если ему случалось встретить на дороге какого-нибудь бродячего мазилу, он излагал ему то, что наивно называл своими идеями в области мебели или украшений, и затем за большие деньги заказывал желаемое, поскольку ни перед чем не останавливался, чтобы потешить свой детский и странный вкус к роскоши.

Таким образом, его замок кишел сервантами с секретом и *ларцами-комодами* с сюрпризом. Эти чудные ларцы представляли собой нечто вроде больших коробок с выдвижными ящиками, из которых при нажатии пружины появлялись сказочные дворцы с колоннами, инкрустированные крупными фальшивыми камнями, обитатели которых были вырезаны из ляпис-лазури, слоновой кости и яшмы.

Другие ларцы, покрытые прозрачными раковинами на красном фоне, оттененные блестящей медью или украшенные резной слоновой костью, содержали какой-нибудь шедевр токарного искусства, в котором, благодаря его хитроумному устройству, хранили нежные записки, портреты, локоны, кольца, цветы и прочие любовные реликвии, бывшие в ходу у красавцев той эпохи. Де Буа-Доре уверял, что его шкатулки из красного дерева набиты такого рода сокровищами, но злые языки утверждали, что они совершенно пусты.

Несмотря на все извращения вкуса господина де Буа-Доре, ему удалось превратить свой маленький замок в роскошное, теплое и уютное гнездо, которое встало ему значительно

дороже, чем стоило на самом деле; приятно было бы увидеть его нетронутым среди маленьких замков края, ныне заброшенных, приходящих в упадок или сдаваемых внаем.

Не будем дальше описывать занятную обстановку Брианта, это заняло бы у нас слишком много времени. Скажем только, что господин д'Альвимар почувствовал себя как в лавке старьевщика, такое обилие безделушек располагалось на сервантах, горках, каминах, столах, что контрастировало с суровой простотой испанских дворцов, где прошли его юные годы.

Среди всех этих фаянсовых и стеклянных изделий, флаконов, подсвечников, кувшинов, бомбоньерок, люстр, не считая золотых, серебряных, янтарных и агатовых кубков, стульев различной формы и размеров, обитых шелковой и бархатной тканью, украшенных бахромой, скамеек и шкафов резного дуба с большими металлическими замками, выделявшимися на красном фоне, сатиновых занавесок, на которых золотом были вышиты большие и маленькие букеты, с ламбрекенами из тонкого золота и т. д., и т. п.; подлинные произведения искусства и очаровательные изделия современной промышленности лежали вперемежку с многочисленными детскими безделушками и плодами неудачных опытов. В целом впечатление было сверкающим и приятным, хотя все это было слишком нагромождено и в помещении страшно было двигаться из опасения что-либо задеть или даже сломать.

Когда д'Альвимар выражал маркизу де Буа-Доре свое удивление оттого, что нашел в отдаленных долинах Берри сей дворец феи Бабиолы^{4[80]}, в комнате появилась экономка Беллинда. Со слугами она говорила зычным и ясным голосом, а к хозяину обратилась тихо и почтительно, чтобы сообщить, что ужин готов; паж широко открыл перед ними двери, выкрикнув установленную фразу, а часы с курантами по фландрской моде пробили ровно семь.

Д'Альвимар, который так и не привык к принятому во Франции изобилию блюд, был удивлен, увидев на столе не только золотую и серебряную посуду, подсвечники, украшенные цветами из разноцветного стекла, но и такое количество блюд, что их хватило бы на добрую дюжину сильно проголодавшихся мужчин.

– Ну что вы, это вовсе не ужин, – ответил ему Буа-Доре, к которому он обратился с упреком, что тот, вероятно, принял его за гурмана, – всего лишь скромная закуска при свечах. Если *мэтр-повар* не напился в мое отсутствие, вы убедитесь, что оригинальное блюдо способно расшевелить ленивый аппетит.

Никогда за столом своих вельможных соотечественников д'Альвимару не случалось отведать столь восхитительного мяса, да и в лучших домах Парижа он вряд ли встречал вкуснее. Были поданы блюда умело и тонко, в соответствии с модой того времени приправленные: фаршированные перепе-

⁴ Babiole переводится также как «безделушка».

ла, суп из креветок, выпечка, марципаны, начиненные ароматизированными кремами нескольких видов, бисквиты с шафраном и гвоздикой, тонкие французские вина, причем старое иссуденское могло соперничать с лучшими сортами бургундского, а также нежные десертные вина из Греции и Испании.

На то, чтобы попробовать все, ушло два часа. Господин де Буа-Доре говорил о винах и кухне как безупречный хозяин, а мадемуазель Беллинда командовала слугами с неподражаемым умением и опытом.

Молодой паж сопровождал первые две смены блюд игрой на теорбе^[81]; так совпало, что с третьим блюдом появился и новый человек, чем-то встревоживший д'Альвимара.

Глава десятая

На вид вновь пришедшему было лет сорок, здороваясь с ним, маркиз назвал его мэтром Жовленом. Ни слова не говоря, он уселся в углу на стул из позолоченной кожи, так, чтобы не мешать слугам разносить еду. Он принес с собой сумочку из красной саржи^[82], которую поставил на колени, и с мягкой улыбкой взирал на сотрапезников.

Его можно было назвать красивым, хотя черты лица были довольно вульгарны. У него был большой нос и толстые губы, маленький срезанный подбородок и низкий лоб.

Несмотря на эти недостатки, стоило взглянуть на его красивые черные волосы, на его белые зубы, открывающиеся в печальной, но приветливой улыбке, на его черные глаза, светящиеся умом и добротой, как возникала потребность любить его и даже уважать.

На нем был костюм мелкого буржуа, очень опрятный, из серо-голубого сукна, шерстяные чулки, длинный свободный плащ, отложной воротник с вырезом на груди, рукава, подвернутые на фламандский манер, и большая фетровая шляпа без перьев.

Господин де Буа-Доре, вежливо поинтересовавшись его самочувствием, приказал подать ему кипрского вина, от которого тот жестом отказался, и больше не обращал на него внимания и занимался только своим гостем.

Приличия того времени требовали, чтобы знатный человек не уделял много внимания людям низкого происхождения в присутствии себе равных, чтобы не оскорбить последних.

Но от внимания д'Альвимара не укрылось, что они часто встречались взглядами и при каждом слове маркиза обменивались улыбками, будто маркиз хотел приобщить незнакомца ко всем своим мыслям, либо получить его одобрение, либо отвлечь от каких-то печальных мыслей.

Конечно, это не должно было расстроить господина Скъярра. Но совесть его была не вполне чиста, и это честное и открытое лицо было не просто ему неприятно, оно смутило его и даже вызвало подозрения.

Маркиз, правда, не задал ни единого вопроса, ни словом не помянул причины бегства испанца в Берри. Он говорил только о себе, выказав таким образом должную воспитанность, поскольку д'Альвимар оказался не расположен к каким бы то ни было откровениям, и хозяину удавалось вести беседу не задавая ему никаких вопросов.

– Вы видите, что у меня хороший дом, хорошая мебель, хорошие слуги, – говорил он, – все это так. Вот уже много лет, как я удалился от света, чтобы немного отдохнуть от тягот войны в ожидании событий. Скажу вам по секрету, после смерти великого короля Генриха я не люблю ни двор, ни город. Я не нытик и принимаю время таким, какое оно есть. Но в моей жизни было три больших горя: первое, когда умерла

моя мать, второе, когда потерял младшего брата, и третье, когда не стало моего великого и доброго короля. Причем три этих дорогих мне человека умерли не своей смертью. Король пал от руки убийцы, моя мать упала с лошади, а мой брат... Впрочем, все это слишком печальные истории, и я не хочу в первый же вечер, что вы проводите под моей крышей, рассказывать вам перед сном грустные вещи. Скажу только, что погрузило меня в лень и домоседство. После смерти моего короля Генриха я сказал себе: «Ты потерял все, что имел, теперь осталось потерять только себя, и если ты не хочешь тоже погибнуть, тебе надо покинуть край смятений и интриг и отправиться лечить удрученную и усталую душу в родные места». Так что вы абсолютно правы, полагая, что я счастлив насколько возможно, поскольку я выбрал для себя участь, которую пожелал, и сохранил себя от всех противоречий. Но вы не ошибетесь, предположив, что кое-чего мне все-таки не хватает. У меня действительно есть все, чего только можно пожелать, но мне не хватает общения. Но не буду больше обременять вас моими печальями, я не из тех, кто уходит в них с головой, не желая утешиться или отвлечься от них. Не желаете ли попробовать лимонного желе, пока наш слух будет улаживать музыкант, более умелый, чем паж, которого вы сейчас слушали? Вы тоже послушайте, любезный друг, – обратился он к пажу, – вам это пойдет на пользу.

Обращаясь к д'Альвимару, он послал тому, кого называл мэтром Жовленом, почтительный взгляд, напоминаю-

щий скорее просьбу, чем приказ.

Человек, одетый в серое, расстегнул и отбросил назад широкий рукав, под которым был более узкий, цвета ржавчины. Затем он вынул из сумки волынку с коротким, украшенным виньетками посохом, в тех краях их называют сурделина, на которых исполняли камерную музыку.

Этот инструмент, звучание которого столь мягко и нежно, сколь современные мюзеты^[83] крикливы и шумны. Едва музыкант начал настраивать инструмент, он уже завладел не только вниманием, но и душой своих слушателей. В его руках сурделина пела будто человеческим голосом.

Д'Альвимар знал толк в музыке, и красивые мелодии делали печаль его души менее горькой, чем обычно. Он с радостью отдался во власть этого облегчения, поскольку ему стало спокойней, когда он понял, что незнакомец умелый и безобидный музыкант, а не тайный шпион.

Что до маркиза, он любил музыку и музыканта и каждый раз слушал своего *мэтра-сурделиниста* с благоговейным вниманием.

Д'Альвимар в любезных выражениях высказал свое восхищение игрой. На этом ужин закончился, и он попросил разрешения удалиться.

Маркиз тоже встал, сделал знак мэтру Жовлену его дожидаться, а пажу принести светильник. Он захотел сам проводить гостя в приготовленную для него комнату. Затем он вернулся к столу, снял шляпу, что в те времена означало, что

можно вести себя без церемоний, позже обычай изменился. Он налил себе нечто вроде пунша, который назывался кларет, смесь белого вина с медом, мускатом, шафраном, гвоздикой, и предложил мэтру Жовлену присесть рядом, на место д'Альвимара.

– Ну что ж, мессир Клиндор, – обратился маркиз с добродушной улыбкой к юноше, которому, по своему обыкновению, дал прозвище из «Астреи», – идите ужинать с Беллиндой. Скажите ей, чтобы она о вас позаботилась, и оставьте нас. Пойдите, – удержал он пажа, – что это за манера ходить, я давно обещал отучить вас от этой привычки. Я обратил внимание, что вы иногда шагаете, как вам кажется, по-военному, а на самом деле как простолудин. Не забывайте, что хотя вы и не дворянин, вы можете им стать и что добрый буржуа, служа знатному человеку, может затем получить ленное владение^[84] и взять его имя. Но чего ради я стану помогать вам облагородить ваше происхождение, если вы делаете все, чтобы опростить ваши манеры? Старайтесь держаться как дворянин, месье, а не как мужлан. Держитесь с достоинством, постарайтесь, когда ходите, ставить ногу на всю ступню, а не ступать сперва на пятку, потом на носок, от этого ваша поступь напоминает лошадиную, а звук ваших шагов – стук копыт лошади, которая работает на мельнице. А теперь ступайте с миром, ешьте и крепко спите, а не то как бы не довелось вам изведать ремень стремени.

Юный Клиндор, настоящее имя которого было Жан Фашо

(его отец держал аптеку в Сен-Амане), выслушал напутствие своего сеньора с великим уважением и, попрощавшись, удалился на цыпочках, как танцор, чтобы показать, что он не ставит ногу сперва на пятку, поскольку он вовсе ее так не ставил.

Старый слуга, который всегда ложился спать последним, тоже ушел ужинать, и маркиз обратился к своему музыканту:

– Итак, мой дорогой друг, снимайте вашу шляпу и, не опасаясь слуг, спокойно поешьте. Возьмите кусок этого пирога и ветчины, как всегда, когда мы остаемся наедине.

Мэтр Жовлен поблагодарил его нечленораздельным мычанием и принялся за еду; маркиз тем временем неторопливо потягивал свой кларет, не столько из любви к напитку, сколько чтобы составить музыканту компанию, поскольку хотя этот старик и был во многом смешон, у него не было ни одного недостатка.

Пока несчастный немой ел, хозяин вел с ним беседу, что было для него большой отрадой, поскольку никто другой не брал на себя труд разговаривать с человеком, который не может ответить. Все привыкли обращаться с ним как с глухонемым, и, зная, что он не способен повторить услышанное, не стеснялись лгать или злословить в его присутствии. Лишь маркиз обращался с ним весьма почтительно из уважения к его благородному характеру, обширным знаниям и перенесенным невздам, которые мы вам кратко опишем.

Люсилио Дживеллино, уроженец Флоренции, был дру-

гом и учеником знаменитого и несчастного Джордано Бруно^[85]. Вскормленный высокой наукой и обширными идеями своего учителя, он помимо того проявил незаурядные способности к искусству, поэзии и языкам. Учтивый, красноречивый, владеющий даром убеждения, он успешно распространял смелые доктрины множественности миров.

В тот день, когда Джордано был сожжен на костре, приняв смерть со спокойствием мученика, Джиовеллино был навечно изгнан из Италии.

Это произошло в Риме за два года до описываемых нами событий.

Под пыткой Джиовеллино отрекся от некоторых принципов Джордано. Несмотря на всю любовь к учителю, он отказался от некоторых из его заблуждений; поскольку удалось заставить его отречься лишь от половины его ереси, ему пришили половинное наказание – отрезали язык.

Разоренный, изгнанный, сломленный пытками, Джиовеллино отправился скитаться по Франции, игрой на нежной волынке зарабатывая на кусок хлеба. Затем Провидение столкнуло его с маркизом, который поселил его у себя, выкармливал и лечил и, что еще важнее, ценил и уважал. Люсилио письменно рассказал ему свою историю.

Буа-Доре не был ни ученым, ни философом: сперва он просто принял участие в судьбе несчастного изгнанника, каким в свое время был сам, преследуемый католической нетерпимостью. Ему не понравился бы упрямый и непре-

клонный сектант, каких среди гугенотов было не меньше, чем среди их противников. Он имел смутное представление о хуле, возводимой на Джордано Бруно, и попросил объяснить его догмы. Джиовеллино писал быстро и с элегантной ясностью, которую великие умы начинали ценить, желая даже самое заурядное ввести в чистую науку.

Маркиз скоро почувствовал вкус к этой письменной речи, когда ясно и без лишних отступлений описывалось главное. Постепенно он вдохновился и увлекся новыми определениями, которые избавили его от невыносимых противоречий. Он захотел ознакомиться с изложением идей Джордано и даже его предшественника Ванини^[86]. Люсилио смог их достать и, указывая на слабые или ложные места, привел его к тем единственным выводам: творение бесконечно, как и сам Творец, бесчисленные звезды заполняют бесконечное пространство не для того, чтобы служить светильником или развлекать нашу маленькую планету, но являются очагами для универсальной жизни.

Понять это совсем не сложно, и люди поняли это при первом же проблеске гения, появившемся у человечества. Но доктрины средневековой церкви уменьшали Господа и небо до размеров нашей маленькой планеты, так что маркиз подумал, что грезит, когда узнал (он утверждал, что именно так все всегда себе представлял), что существование настоящей вселенной не поэтическая химера.

Глава одиннадцатая

– Итак, – воскликнул маркиз, пока его друг из скромности торопился закончить трапезу, хотя хозяин и просил его не спешить, – чем вы сегодня занимались, мой славный ученый? Да, понимаю, вы написали несколько прекрасных страниц. Берегите их, эти слова должны дойти до потомства, поскольку мрачные времена пройдут и канут в Лету^[87]. Но не забывайте прятать написанное в сервант с секретным замком, который я поставил в вашей комнате, если пишете не в моей комнате.

Немой жестами объяснил, что работал в кабинете маркиза и что убрал написанное в ящик из красного дерева, где маркиз хранил все его записи. Он легко объяснялся с хозяином жестами.

– Тем лучше, – одобрил Буа-Доре, – там они в еще большей безопасности, поскольку туда никогда не заходит ни одна женщина. Дело не в том, что я не доверяю Беллинде, но она, на мой взгляд, стала слишком набожной с тех пор, как монсеньор^[88] Буржский прислал нам нового приходского священника, который, боюсь, и в подметки не годится нашему старому другу, прежнему священнику, бывшему здесь при архиепископе мессире Жане де Боне.

Ах, как жаль, что нам пришлось расстаться с нашим славным священником. Со своей длинной бородой, гигантским

ростом, пузатый, как винная бочка, с аппетитом Гаргантюа^[89], красивым лицом и широкими взглядами, он был одним из самых тонких и лучших людей королевства, хотя, глядя на него, можно было подумать, что это обыкновенный бонвиван.

Если бы вы оказались здесь в его время, мой дорогой друг, вам не пришлось бы прятаться в маленьком охотничьем домике, вам не надо было бы переименовывать ваше имя на французский лад, скрывать вашу ученость, выдавая себя за скромного волынщика, и убеждать окружающих, что вы изувечены гугенотами. Наш бравый прелат взял бы вас под свое покровительство, и вы смогли бы издать ваши выдающиеся произведения в Бурже к вящей славе вашего имени и нашей провинции.

Кстати, сегодня у моего соседа де Бевра я узнал еще кое-что о принце, отрекшемся от веры своих отцов и от друзей молодости. Он наводняет наши края иезуитами. Если бы несчастный Генрих вдруг ожил, он застал бы перемены занятными. Господин де Сюлли попал в немилость. Угрожая ему, Конде скупает его земли в Берри. Послушайте, он уже заполучил окружной суд и командование большой башней. Он становится королем нашей провинции и, говорят, метит в короли Франции. Так что снаружи все плохо, можно чувствовать себя в безопасности лишь в наших маленьких крепостях, и то при условии, что соблюдаешь осторожность и терпеливо ожидаешь, пока все это кончится.

Джиовеллино взял протянутую маркизом через стол руку и поцеловал ее с красноречивым выражением, заменявшим ему слово. В то же время взглядом и мимикой он дал понять, что счастлив находиться рядом с ним и не сожалеет о славе и мирском шуме, что он не забывает об осторожности из опасения повредить своему покровителю.

– Что касается человека, которого я сюда привез и который сидел со мной за столом, – продолжал Буа-Доре, – знаете, что мне о нем ничего не известно, кроме того, что он друг мессира Гийома д’Арса, что ему грозит опасность и его надо спрятать, а в случае необходимости защитить. Но не кажется ли вам удивительным, что в течение всего дня он даже не попытался отозвать меня в сторону, чтобы рассказать о том, что его сюда привело, и даже когда мы остались наедине в моем замке, он все равно об этом не заговорил?

Люсилио, всегда имевший под рукой бумагу и карандаш, написал: «Испанская гордость».

– Да, – кивнул маркиз, прочтя эти слова еще до того, как они были написаны, если можно так выразиться, за два года он привык понимать слова друга еще по первым буквам, – я тоже сказал себе «кастильское высокомерие». Я знал многих идальго и помню, что они не считают недостаток доверия признаком невежливости. Так что мне придется проявить древнее гостеприимство – уважать все его тайны и оказывать ему прием как старому другу, в честности которого не сомневаешься. Но это вовсе не обязывает меня оказывать

ему доверие, в котором он мне отказывает. Именно поэтому в его присутствии я усадил вас в углу, как бедного музыканта. Приношу вам свои извинения за недостаток уважения и вежливости, поскольку на это меня толкает забота о вашей безопасности, равно как и за скромный наряд, в котором я заставляю вас ходить...

Несчастный Джиовеллино, который в жизни лучше не был одет и накормлен и так нежно опекаем, прервал маркиза, сжав его ладони в своих, и Буа-Доре был до глубины души растроган, заметив, что слезы благодарности стекают по щекам и черным усам друга.

– Вы слишком дорого мне за это платите, поскольку так любите меня! Я должен отблагодарить вас, в свою очередь, рассказав вам о прекрасной Лориане. Но стоит ли пересказывать, что она сказала о вас? Не возгордитесь ли вы? Нет? Тогда слушайте. Сперва она спросила: «Как поживает ваш друид^[90]?» Я ответил, что друид, скорее, ее, чем мой, и напомнил ей, что Клемант в «Астрее» был ложным друидом и был так же влюблен, как все влюбленные в этой восхитительной истории.

– Как же, – ответила она. – Если бы этот Клемант был бы так влюблен в меня, как вы хотите меня убедить, он сегодня приехал бы вместе с вами, а между тем он уже две недели носа к нам не кажет. Но, возможно, он, как герой «Астреи», *вздрагивает*, слыша мое имя, или он так вздыхает, что у него желудок вот-вот *из живота вырвется!* Я вам не верю и по-

лагаю, что он, скорее, похож на непостоянного Иласа!

Вы видите, что очаровательная Лориана продолжает насмехаться над «Астреей», над вами и надо мной. Но когда вечером я покидал ее, она сказала:

– Я хочу, чтобы послезавтра вы приехали к нам вместе с друидом и его волынкой, или же я на вас обижусь, так и знайте.

Несчастный друид выслушал рассказ Буа-Доре с улыбкой. Он умел шутить, вернее, понимать шутки других. Лориана была для него прелестным ребенком, он ей в отцы годился; но он был еще достаточно молод, чтобы помнить, как любил, и в глубине души он горько переживал свое одиночество. Вспомнив о прошлом, он подавил вздох и тут же начал наигрывать итальянскую мелодию, которую маркиз любил больше всего.

Он вложил в игру столько страсти, музыка звучала так очаровательно, что Буа-Доре воскликнул, употребив почерпнутое в романе выражение:

– *Громы небесные*, вам не нужен язык, чтобы говорить о любви. Если бы предмет вашей страсти находился здесь, только будучи глухой, она не смогла бы понять, что ваша душа обращается к ней. Но не покажете ли вы мне написанные сегодня строки чистой науки?

Люсилио жестом показал, что устал, и маркиз, дружески обняв, отправил его спать.

Джиовеллино часто чувствовал себя больше сентимен-

тальным музыкантом, чем ученым философом. Это была восторженная и в то же время возвышенная натура.

Господин де Буа-Доре поднялся в свои комнаты, расположенные над салоном.

Он вполне отвечал за свои слова, сказав Джиовеллино, что ни одна женщина никогда не заходит в это святилище отдыха, часть которого составлял кабинет. Самые суровые меры были приняты даже против Беллинды.

Старый Матьяс (прозванный Адамасом по тем же причинам, что Гийет Карка называлась Беллиндой, а Жан Фашо Клиндором) был единственным человеком, имевшим доступ к тайнам туалета маркиза, настолько тот был убежден, что его возраст можно определить, лишь увидев, какое количество мазей и красок содержится в расставленных на столике бутылочках, баночках, флаконах и коробочках.

Адамас, естественно, был один и готовил папильотки, пудры и ароматные мази, которые должны были поддерживать красоту маркиза, пока тот спит.

Глава двенадцатая

Адамас был чистокровным гасконцем: доброе сердце, живой ум и неистощимое красноречие. Буа-Доре наивно называл его «мой старый слуга», хотя тот был моложе его на десять лет.

Адамас, сопровождавший его в последних кампаниях, повсюду следовал за ним как тень, постоянно окружая его фирмиамом вечного восхищения, тем более губительного для разума, поскольку шло от искренней любви к хозяину. Именно он убеждал маркиза, что тот еще молод и не может состариться и что, выходя из его рук, он блесит, как цветная картинка из требника^[91], затмевает собой всех ветреников и поражает всех красавиц.

– Господин маркиз, – обратился к нему Адамас, вставая на колени, чтобы разуть своего престарелого идола, – я хочу рассказать вам необычную историю, произошедшую сегодня в ваших владениях.

– Говори, друг мой, говори, раз тебе хочется, – ответил маркиз, который иногда позволял своему слуге говорить с ним довольно фамильярно, к тому же он был уже сонным и полагал, что невинная болтовня поможет ему заснуть.

– Так знайте же, мой дорогой и любимый хозяин, – продолжил Адамас с гасконским акцентом, который мы не беремся здесь воспроизводить, – что сегодня часов в пять здесь

появилась довольно странная женщина, одна из тех несчастных, которых мы так много встречали на берегу Средиземного моря и в наших южных провинциях. Вы понимаете, о ком я говорю: у этих женщин белая кожа, толстые губы, красивые глаза и волосы черные, как... Как ваши!

Он и не думал вкладывать в это сравнение хоть каплю насмешки, хотя именно в этот момент надевал черный парик хозяина на подставку из слоновой кости.

– Ты имеешь в виду, – спросил Буа-Доре, ничуть не рассерженный этим сравнением, – египтянок, которые бродят по дорогам и показывают всякие фокусы?

– Нет, месье, совсем не то. Она испанка и, даю слово, когда она не на людях, она поклоняется Магомету.

– То есть она мавританка?

– Вот именно, господин маркиз, она мавританка, и не знает ни слова по-французски.

– Но ты немного говоришь по-испански?

– Совсем немного, месье. Я уже позабыл почти все, что знал, но когда я с ней заговорил, я начал говорить так же свободно, как с вами.

– Это вся твоя история?

– О нет, месье, дайте мне время. Судя по всему, она из тех пятидесяти тысяч мавров, которые почти все погибли лет десять назад от голода и лишений, одни на галерах, которые должны были доставить их к берегам Африки, другие в Лангедоке и Провансе от нищеты и болезней.

– Несчастные! – вздохнул Буа-Доре. – Это один из самых мерзких поступков в мире.

– Правда ли, месье, что Испания выслала миллион мавров^[92], а до Туниса добралось лишь сто тысяч?

– Не знаю, сколько точно, могу сказать одно, это была настоящая бойня, никто никогда не обращался с вьючной скотиной, как они с этими несчастными людьми. Ты знаешь, что наш Генрих хотел обратить их в кальвинизм; став французами, они спасли бы свою жизнь.

– Я помню, месье, что католики Юга и слышать об этом не хотели, они говорили, что скорее перережут их всех до единого, чем пойдут на мессу с этими дьяволами. Кальвинисты проявили ту же нетерпимость, так что в ожидании момента, когда сможет что-нибудь для них сделать, наш добрый король оставил их в покое в Пиренеях. Но после его смерти королева-регентша^[93] решила избавиться от них Испанию, тогда-то их и бросили в море. Некоторые, чтобы избежать сей злой участи, крестились, так поступила и эта женщина, хотя я подозреваю, что это только для вида.

– Что из того, Адамас? Или ты думаешь, что великий творец солнца, луны и Млечного Пути...

– Что вы сказали? – переспросил Адамас, еще мало разбиравшийся в новом увлечении своего господина, которое его, скорее, несколько даже пугало. – Не знаю, что значит молочный голос^[94].

– Я объясню тебе это в следующий раз, – зевнув, промол-

вил маркиз, совсем разомлевший у камина. – Заканчивай скорее свою историю.

– Так вот, месье, – продолжил Адамас. – До прошлого года эта женщина жила в Пиренеях и пасла коз у бедных крестьян, поэтому она прекрасно говорит на каталонском диалекте, который хорошо понимают и по эту сторону гор.

– Так вот почему ты смог общаться с ней *по-испански*, с твоим гасконским диалектом, который не сильно отличается от горского.

– Как месье будет угодно, но только я вспомнил немало испанских слов, которые она поняла. Кроме того, с ней ребенок, он ей не сын, но она любит его, как козочка своего козленка, это красивый мальчик, умный не по годам и говорит по-французски как вы или я. Эту мавританку зовут по-французски Мерседес...

– Мерседес – испанское имя, – сообщил маркиз, залезая на высокую кровать с помощью Адамаса.

– Я хотел сказать, что это христианское имя, – объяснил слуга. – Итак, полгода назад Мерседес пришло в голову отправиться к господину де Росни. Она слышала, что он сподвижник покойного короля, который хоть и попал в немилость, еще сохранил немалое влияние благодаря своему богатству и добродетели. И она отправилась в Пуату^[95], где, как ей сказали, проживает господин де Сюлли. Не удивительно ли, месье, что бедная и неграмотная женщина пешком прошла пол-Франции с десятилетним ребенком, чтобы повидать

столь значительную персону?

– Так почему же она так поступила?

– В этом соль всей истории! Как вы полагаете, в чем тут дело?

– Трудно гадать. Быстро объясняй, а то уже поздно.

– Объяснил бы, если б знал. Но я знаю об этом не больше, чем вы, и как я ни старался, она мне ничего не сказала.

– Тогда спокойной ночи.

– Сейчас, месье, я прикрою огонь.

Закрывая огонь, Адамас продолжал, чуть повысив голос, в надежде, что хозяин его услышит:

– Эта женщина, месье, настолько таинственна, что я хотел бы, чтобы вы на нее взглянули.

– Сейчас? – воскликнул разбуженный маркиз. – Ты шутишь, давно пора спать!

– Несомненно. Но завтра утром?

– Так она здесь?

– Да, месье. Она попросила разрешения провести ночь под крышей. Я накормил ее ужином, зная, что месье не любит, когда неимущим отказывают в куске хлеба. Побеседовав с ней, я отправил ее спать на сене.

– И напрасно, друг мой, напрасно: женщина всегда останется женщиной. И... я надеюсь, с ней не остались остальные нищие? Я не люблю шума в своем доме.

– Я тоже, месье. Я поместил только ее с ребенком в подвале на сене, им там хорошо, уверяю вас. Похоже, несчастные

не привыкли даже к таким удобствам. Между тем Мерседес настолько опрятна, насколько это возможно при такой бедности. К тому же она недурна собой.

– Я надеюсь, что вы, Адамас, не злоупотребите ее положением? Гостеприимство свято!

– Месье изволит шутить над бедным стариком! Это господину маркизу нужны принципы добродетели, а я в них, поверьте, вовсе не нуждаюсь, поскольку дьявол уже давно меня не искушает. К тому же она производит впечатление честной женщины и ни шагу не ступает без своего ребенка. Полагаю, что ей грозила большая опасность, чем понравиться мне: ведь она долго путешествовала с толпой цыган, которые проходили сегодня через наши края. Их было довольно много, одни египтяне, другие неизвестно кто, как обычно. Она сказала, что эти бродяги были к ней добры, так что верно, что нищие защищают себя друг от друга. Не зная дороги, она шла с ними, поскольку они сказали, что направляются в Пуату. Но сегодня она ушла от них, поскольку, по ее словам, у нее возникло дело в наших краях. И это самое удивительное, месье, поскольку она мне так и не сказала, почему так поступила. Что об этом думает месье?

Буа-Доре ничего не ответил, он мирно спал, несмотря на шум, производимый Адамасом в некоторой степени нарочно, чтобы заставить хозяина слушать его историю.

Заметив, что маркиз отправился в страну грез, старый слуга бережно *укутал* его одеялом, положил в висящий в

изголовье сафьяновый кошель пару пистолетов, на столик справа от кровати рапиру без ножен и охотничий тесак, а также прекрасное издание с гравюрами его любимой «Астреи», поставил кубок сладкого вина с корицей, колокольчик, свечу, носовой платок тонкого голландского полотна, надушенный мускатом^[96]. Затем он зажег ночную лампу, задул *кранчатые* свечи, то есть покрытые разноцветными разводами, поставил у кровати домашние туфли из красного бархата, положил на стул халат из зеленой саржи с вышитыми шелком зелеными же узорами.

Перед тем, как удалиться, верный Адамас еще постоял, глядя на своего хозяина, своего друга, своего полубога.

Без краски маркиз выглядел красивым стариком, и спокойствие чистой совести придавало благородство лицу спящего.

На фоне роскошной и мягкой кровати это старое лицо, резко очерченное и вечно воинственное даже в своей мягкости, со взъерошенными папильотками усами, в чепце из подбитой ватой тафты^[97], обшитом кружевами таким образом, что чепец напоминал корону, при свете слабой лампы создавало странное впечатление смеси бурлескного и сурового.

– Месье спит спокойно, но он забыл помолиться на ночь, – сказал себе Адамас. – Это моя вина, и я должен за него помолиться.

Встав на колени, он весьма усердно помолился, затем ушел в свою комнату, отделенную от хозяйской спальни

лишь тонкой перегородкой.

Арсенал, размещенный Адамасом в изголовье маркиза, был, скорее, данью привычке или роскоши.

Все вокруг маленького замка было спокойно, все в замке крепко спали.

Глава тринадцатая

Первым в замке проснулся Скьярра д'Альвимар, который накануне, сраженный усталостью, заснул первым.

Он не любил после пробуждения долго находиться в постели. Тщательно скрываемая им крайняя бедность приучила его обходиться без лакея. Сопровождавший его старый испанец вряд ли согласился бы выполнять иные обязанности помимо оруженосца.

Правда, этот человек был предан д'Альвимару не менее, чем Адамас Буа-Доре, но их положение и характеры разительно отличались.

Они почти не разговаривали между собой либо из нежелания, либо потому, что понимали друг друга с полуслова. К тому же слуга считал себя в некоторой степени равным своему господину, поскольку оба произошли из семей одинаково древних и чистых (по крайней мере, так они утверждали).

Д'Альвимар родился и вырос на глазах Санчо де Корду, так звали старого оруженосца, в поселке, где тот из-за бедности вынужден был заняться выращиванием свиней. Молодой владелец замка, который был лишь немного богаче, принял его к себе на службу, отправляясь искать счастья в чужих краях.

В кастильском поселке поговаривали, что Санчо любил госпожу Изабеллу, мать д'Альвимара, и даже что он тоже был

ей небезразличен. Это вполне объясняло привязанность этого мрачного и печального человека к высокомерному и холодному юноше, который обращался с ним если не как со слугой, то, по крайней мере, как с неумным подчиненным.

Мечтательная жизнь Санчо проходила в уходе за лошадьми и заботе о том, чтобы оружие хозяина всегда блестело и было остро наточено. Остальное время он посвящал молитве, сну или мечтаниям, никогда не сближался с другими слугами, давая им понять, что они ему не ровня, ни с кем не дружил из-за своей вечной подозрительности, ел мало, вина не пил и никогда не смотрел собеседнику в глаза.

Так что д'Альвимар, одевшись самостоятельно, вышел, чтобы изучить окрестности, хотя было еще раннее утро.

Из замка открывался вид на пруд, откуда выходил ров, который, обогнув постройки, туда же и возвращался. Как мы уже сказали, замок представлял собой комплекс сооружений, относящихся к различным эпохам.

Совсем новое, хрупкое белое здание, крытое шифером, что было признаком большой роскоши в краю, где обычно крыши были в лучшем случае из черепицы. Здание было увенчано двумя мансардами, тимпаны^[98] которых были украшены фестонами (украшенными по фронтонам гирляндами) и шариками^[99].

Другая постройка, очень древняя, но хорошо отреставрированная, была крыта мереном^[100] и по форме напоминала некоторые швейцарские шале^[101]. Здесь помещались кух-

ня, службы и комнаты для друзей. Это здание давало представление о расположении, принятом в былые, тревожные времена. Двери на улицу не было, проникнуть туда можно было только из других зданий: окна выходили во двор, на стороне, обращенной к деревне, было лишь два отверстия, две маленьких квадратных норы, смотрящих со стрельчатого фронтона как пара недоверчивых глаз с немого лица.

Призматическая башня со стрельчатой дверью недурной работы, так называемая башня, крытая шифером, и увенчанная колоколенкой с макушкой и флюгером, устремленным высоко вверх. В этой башне находилась единственная на весь дворец лестница, через башню старое здание связывалось с новым.

К этому массиву примыкали еще невысокие постройки для домашних слуг, выходившие на берег рва.

В середине внутреннего двора стоял колодец. Он был со всех сторон закрыт замком, прудом, еще одним одноэтажным зданием, также с мансардами, украшенными шариками, где помещались конюшня, свита, снаряжение для охоты и, наконец, въездной башней, менее большой и красивой, чем в Мотт-Сейи, зато поддерживаемой крепостной стеной, усыпанной бойницами с фальконетами^[102] для обстрела подходов к мосту.

Не очень мощная фортификация компенсировалась тем, что ровов было два: первый вокруг двора, глубокий и с проточной водой, второй, вокруг заднего двора, был болотистый.

стым, зато окружен крепкими стенами.

Между двух рядов укреплений, справа от моста, располагался довольно большой парк, обнесенный высокими стенами и окруженный хорошо ухоженным рвом. Слева – аллея для игры с шарами, псарня, фруктовый сад, ферма, луг с господской голубятней, помещением для охотничьих птиц, а также большой загон, простиравшийся до начала поселка, в котором почти все дома принадлежали маркизу.

Поселок также был укреплен, и в некоторых местах основание стен относилось, как говорили, ко временам Цезаря^[103].

Сравнивая небольшие размеры замка с богатой мебелью и привычкой хозяина к роскоши, д'Альвимар начал размышлять о причинах сего несоответствия. Поскольку он ни в коей мере не был склонен к доброжелательности, он предположил, что маркиз, судя по всему, скрывает свое богатство, при этом не из скупости, а, вероятнее всего, из-за не совсем честного источника его состояния.

И он не ошибался в предположениях.

Как большинство дворян своего времени, маркиз сколотил состояние во время гражданской смуты, обогащаясь за счет разорения богатых аббатств, благодаря военным контрибуциям, то есть тому, что они получали по праву победителя, а также благодаря контрабанде солью.

В ту эпоху грабеж был почти узаконен, свидетельство тому официальная жалоба господина Аркана на господина де

Шатра, который сжег его замок «в нарушение всех правил войны, в то время как о разорении и повреждении мебели он даже не поминает».

Что касается контрабанды соли, в начале XVII века трудно было найти в провинции дворянина, который бы считал ругательством слова дворян «фальшивосолонщик».

Роскошь, в которой маркиз уже давно купался, благодаря его либеральности и бесконечному милосердию, была широко известна в окрестностях Ля Шатра, но он благоразумно избегал того, чтобы обширным замком или слишком роскошным видом дома привлечь к себе внимание провинциальных властей.

Он знал, что мелкие тираны, делящие между собой либо деньги, либо налоги Франции, легко бы нашли так называемый законный предлог, чтобы заставить его вернуть награбленное.

Д'Альвимар обошел сады, комичное создание своего хозяина, которыми он гордился не меньше, чем своими военными подвигами.

Они представляли собой подражание садам *Изауры*, описанным в «Астрее»: там были разбиты цветники и били фонтаны, аллеи чередовались с рошицами. Большой лес-лабиринт был представлен рошей-лабиринтом, где не были забыты ни «грядка» орешника, ни *фонтан правды любви*, ни *Грот Дюмона и Фортуны*, ни *пещера старой Мандраги*.

Все это показалось д'Альвимару ребячеством. Навязчи-

вая идея господина Буа-Доре была в те времена столь распространенной, что не казалась эксцентричной. При дворе Генриха IV «Астреей» зачитывались все, а в мелких германских княжествах принцы и принцессы давали своим детям звучные имена, которыми маркиз удостаивал свою челядь и домашних животных. Роман господина д'Юрфе был чрезвычайно популярен на протяжении двух столетий. Еще Жан-Жак Руссо^[104] был им очарован. Вспомним также, что накануне Террора^[105] известный гравер Моро^[106] помещал в свои композиции дам по имени Клорис и кавалеров по имени Хлас и Цидамас. Правда, тогда эти славные имена фигурировали в виньетках и в романсах, а новые пастушки назывались Коен или Кола. Была сделана небольшая уступка реальности: пастушья жизнь из героической превратилась в гривуазную.

Желая составить представление и об окрестностях, д'Альвивимар прошелся по поселку, насчитывавшему около сотни дворов, который буквально прятался в дыре. Так нередко бывало со старыми деревнями. Гордые и неприступные на взгорье, они будто специально прятались в ложбины, чтобы не бросаться в глаза мародерам.

Это было одно из самых красивых мест Берри. Ведущие туда гравиевые дорожки чисты и сухи в любое время года. Веселые ручейки создавали им естественную защиту, чем, вероятно, в свое время воспользовался Цезарь.

Один из этих ручьев питал рвы замка, другой протекал

за деревней, пересекая два небольших озера. Затем оба ручья вливались в протекающий неподалеку Эндр^[107]. Вместе со своими водами он несет их по узкой долине, пересеченной дорогами, где рощи чередуются с дикими на вид пустырями.

В сей маленькой пустыне не стоит искать величия, зато она преисполнена очарования. По мере того как поднимаешься к истокам Эндра, он становится все больше похож на обыкновенный ручей, изобилие диких цветов^[108] по его берегам просто поразительно. Спокойный и чистый ручей размыл на своем пути все, что преграждало ему путь, образовав зеленые островки, поросшие деревьями. Растущие слишком скученно, чтобы стать величественными, они простирали над водой свои густые кроны.

Земли вокруг поселка были плодородны. Великолепные орешники и высокие фруктовые деревья образовывали зеленую нишу.

Большая часть этих земель принадлежала господину де Буа-Доре. Лучшие из них он сдавал в аренду, те, что похуже, – оставил себе в качестве охотничьих угодий.

Изучив окрестности, уединенность которых и отсутствие крупных дорог вселили ему надежду, что здесь не произойдет нежелательных встреч, д'Альвимар вернулся в поселок, размышляя по пути, не зайти ли к приходскому священнику.

Он запомнил слова, обращенные господином де Бевром к маркизу:

– А как ваш новый священник? По-прежнему молится за

Лигу?

Слова эти разожгли интерес испанца.

«Если этот священник ревностно служит благому делу, – подумал он, – мне стоит с ним подружиться. Ведь де Бевр гугенот, да и Буа-Доре с его терпимостью тоже не лучше. Как знать, смогу ли я ужиться с подобными людьми?»

Для начала он посетил церковь и был раздосадован ее неухоженностью и наготой, что свидетельствовало о бесхозяйственности предыдущего священника, а также о безразличии владельца замка к интересам храма и неусердию пастыря.

Буа-Доре, реальное или мнимое отречение которого от протестантства прошло без шума, не пожелал ознаменовать свое возвращение в лоно истинной церкви пожертвованиями деревенскому храму и подарками капеллану. Его вассалы, ненавидевшие гугенотов, без восторга встретили его окончательное возвращение в родной замок в 1610 году, но их настороженность быстро сменилась искренней привязанностью, поскольку вместо жестоко угнетавшего их правителя они получили добродушного и милосердного сеньора.

Так что паства в Брианте не была слишком *набожной*. Когда крестьяне принялись оспаривать бог весть какую десятину у бог весть какой братии, архиепископ послал к ним весьма вышколенного пастыря не только для того, чтобы он внушал этим дурным людям благие принципы, но и чтобы проследить за настроениями сеньора.

Набожный д'Альвимар, войдя в церковь, встал на колени и произнес несколько молитв, но, почувствовав, что не очень настроен молиться от души, он вышел, чтобы поискать священника.

Он увидел его на площади беседующим с Беллиндой, так что у д'Альвимара было время к нему приглядеться.

Это был довольно молодой человек с несколько желтушным, сладковатым и скрытным лицом. Возможно, заботы сего суетного мира занимали его не меньше, чем д'Альвимара.

Заметив, что из церкви вышел элегантный и серьезный незнакомец, священник сразу же принялся гадать, кто бы это мог быть. Он уже знал, что вчера вечером в замок прибыл новый гость, поскольку главной его заботой было наблюдение за маркизом. Но что общего может быть у человека, о набожности которого свидетельствует то, как рано он явился в церковь, со столь сомнительным новообращенным, как Буа-Доре?

Пытаясь разузнать об этом у экономки, священник обнаружил, что не может оглянуться без того, чтобы не встретиться с устремленным на него взглядом д'Альвимара.

Тогда он отошел немного в сторонку, чтобы оказаться вне поля зрения незнакомца, как человек, который не хочет здороваться, пока не узнает, с кем имеет дело.

Догадавшись об этом, д'Альвимар не последовал за ним, а остался поджидать его на маленьком кладбище, окружавшем церковь, решив поговорить с ним и завести дружбу.

Так он стоял, размышляя о судьбе, теме, постоянно его занимающей, и вид разрозненных могил, казалось, раздражал его больше обычного.

Д'Альвимар верил в Церковь, но не в истинного Бога. Церковь была для него учреждением для поддержания дисциплины, а также ужаса, пыточным инструментом, который свирепый и неумолимый Бог использует, чтобы поддерживать Свою власть. Если бы ему случилось дальше пойти по этому пути, он бы пришел к выводу, что милосердный Христос и сам был еретиком.

Мысль о смерти была д'Альвимару ненавистна. Он боялся ада, и из-за дурных верований не мог согласовать свою жизнь со строгостью своих принципов.

Он был горяч лишь в споре. Наедине с собой он обнаруживал, что сердце его сухо, а разум смущен мирским тщеславием. Напрасно он себя в этом упрекал. Мысль о наказании никогда не будет плодотворной, а страх и угрызения совести далеко не одно и то же.

– Я умру! – говорил он себе, глядя на бугорки травы, которые, подобно бороздам на поле, выросли над могилами неизвестных людей. – Умру, возможно, без богатства и могущества, как эти ничтожные холопы, от которых не осталось даже имени на сгнивших деревянных крестах. Ни влияния, ни славы в этом мире! Ярость, разочарование, бесполезный труд, тщетные усилия... возможно, даже преступления... все это может случиться со мной на пороге вечности,

и я так и не смогу послужить делу Церкви в этом мире, чтобы получить спасение в ином!

Размышляя о своей судьбе, он пришел к выводу, что дьявол его сильно искушает.

Он подумал, не стоит ли исповедоваться этому священнику, показавшемуся ему человеком умным, но потом решил, что не стоит доверять свои жгучие тайны незнакомому человеку.

Погруженный в черную меланхолию, он заметил появление господина Пулена, лишь когда тот почтительно поздоровался.

Они представились друг другу.

С первых же слов оба поняли, что одинаково честолюбивы.

Священник пригласил его к себе на обед.

– Я смогу оказать вам лишь скромный прием, мой стол не так изобилен, как в замке. У меня нет слуг, прислуживающих на пирах. Так что скромность моего угощения позволит вам сохранить аппетит, чтобы отобедать затем у маркиза, о начале которого колокол возвестит часа через два-три, не раньше.

В этих словах проскользнула едкая зависть к *замку*, которая не укрылась от испанца. Он охотно принял приглашение, надеясь узнать у священника все, чтобы решить, стоит ли опасаться гостеприимства маркиза или радоваться ему.

Глава четырнадцатая

Для начала господин Пулен отозвался о владельце замка положительно.

Очень добрый человек; у него прекрасные намерения; он много подает бедным, никто этого не отрицает; к сожалению, будучи недостаточно осведомленным, он раздает милостыню направо-налево, не посоветовавшись с *естественным посредником* между замком и хижиной, то есть с приходским священником. Он слегка тронутый, сам по себе безобиден, но его позиция опасна из-за его богатства, примера рафинированной чувственности, легкости и небрежения к религии, который он подает своему окружению.

К. тому же у него проживает весьма подозрительная личность: волынщик, который, возможно, на самом деле вовсе не так нем, как кажется; может, он еретик или лжеученый и занимается астрономией или даже астрологией!

Старый Адамас тоже не лучше, мерзкий льстец и лицемер. А этот паж, нелепо выраженный в дворянина? Хотя, будучи буржуа, он не имеет права носить даже сатин, а по воскресеньям он имеет наглость являться на мессу в камчатой ткани^[109]!

Вообще вся челядь никуда не годится. Со священником они в лучшем случае вежливы, о предупредительности и речи не идет. Его еще ни разу как следует не пригласили на

обед, сказали только, что для него раз и навсегда поставлен прибор. Слишком уж бесцеремонное обращение! Даже удивительно видеть подобное у человека, который долго прожил при дворе. Правда, у Беарнца не очень-то обращали внимание на правила хорошего тона и нередко слишком баловали ничтожных людей. Так что во всем *замке* лишь Беллинда производит впечатление рассудительного человека.

Д'Альвимар решил, что Пулен весьма умен, а подозрения к вольтыщику разгорелись в его сердце с новой силой.

Но эти мелочи недолго занимали внимание испанца.

Уверившись, что маркизу доверять не стоит, он перенесся мыслью в более высокие слои и захотел узнать, что представляют собой важные персоны этой провинции.

Пулен был в курсе всех маленьких тайн буржского правительства. Политику он понимал так же, как д'Альвимар: завладеть секретами частной жизни каждого, чтобы затем влиять на большие дела.

Вскоре священник понял, что может говорить открыто. Он признался, что смертельно скучает в этом затерянном в беррийской глуши поселке, но, набравшись терпения, надеется, что близок тот день, когда господин де Буа-Доре или его сосед де Бевр предоставят повод для преследования, при этом господин Пулен предпочитал быть жертвой, а не нападающим.

– Вы понимаете, лучше быть в обороне, чем на острие наступления. Наступая, никогда не чувствуешь себя уверенно.

Вот если бы беррийские безбожники мне угрожали или даже причинили небольшое зло, я смог бы поднять достаточно шума, чтобы навсегда покинуть этот пустынный край. Не думайте, что я честолюбив. Я служитель Церкви, а чтобы принести ей пользу, приходится стремиться быть на виду.

«Этот попик половчее меня, – подумал д'Альвимар, – он умеет ждать и умеет найти удобную позицию для нападения на врага. А я всегда был слишком агрессивным, это меня и погубило. Но никогда не поздно воспользоваться добрым советом, я часто буду приходить к нему посоветоваться».

Создавалось впечатление, что этот человек занят лишь мелкими дрязгами своего прихода, и то затем, чтобы извлечь из этого выгоду для себя. Но он был значительно сильнее д'Альвимара, настолько, что через час он полностью разгадал его, несмотря на всю его недоверчивость, и если он узнал не все секреты жизни испанца, то, по крайней мере, его характер, разочарования, неудачи, желания и мечты.

Исповедовав его таким образом, делая вид, что исповедуется сам, он повел разговор прямо к цели:

– У вас больше шансов преуспеть, чем у меня, поскольку богатство делает могущественным. Священник не может добиться успеха теми же способами, что человек света. Он должен идти к цели медленно, рассчитывая лишь на свой ум и усердие. Он должен помнить, что богатство для него не цель, а средство. А вы можете разбогатеть уже завтра-послезавтра. Надо лишь жениться.

– Я в это не верю! – воскликнул д'Альвимар. – В наш развращенный век женщины предпочитают покровительство своим любовникам, а не мужьям.

– Я про это слышал, – возразил священник, – но я знаю против этого одно простое средство.

– Вот это да! В таком случае вы обладатель великого секрета!

– Очень простого и легкого при этом. Не надо целить высоко. Не стоит жениться на женщине из высшего света. Надо найти в провинции простую женщину с хорошим приданым. Вы понимаете? Надо тратить деньги при дворе, а жену туда не вывозить.

– Как! Жениться на мещанке?

– Среди дворянок есть богатые девушки, не менее скромные, чем мещанки.

– Я с такими не знаком.

– Ну как же, что далеко ходить за примерами... Как вам нравится молодая вдовушка из Мотт-Сейи?

– По-моему, тут можно скорее говорить о достатке, чем о богатстве.

– Вы судите поверхностно. В этих краях люди не привыкли к роскоши. За исключением чокнутого маркиза все дворяне-домоседы живут довольно скромно, но деньги имеют. Они обогатились благодаря контрабанде солью и ограблению монастырей. Если захотите, я докажу вам, что, заполучив доходы мадам де Бевр, вы сможете вести в Париже вполне до-

стойный образ жизни. К тому же она в родстве с лучшими семьями Франции, и те не станут возражать против того, чтобы породниться со здравомыслящим испанцем.

– Но разве она не гугенотка, как отец?

– Вы ее обратите! По крайней мере, если вы не хотите воспользоваться ее кальвинизмом как предлогом, чтобы оставить ее доживать свой век в одиночестве.

– Вы весьма дальновидны, господин священник! Но вы же собираетесь в один прекрасный день объявить войну этой семье...

– Поскольку я не собираюсь семью разорять, эта война, скорее, окажет вам услугу. Только не подумайте, что я советую вам плохо с ней обращаться или бросить ее. Просто надо иметь достаточно свободы, чтобы отлучаться, когда этого требует ваше положение. Если она станет сварливой или строптивой, ее легко будет укротить, памятуя о ее ереси. Свобода совести, предоставленная этим людям, оговаривается рядом ограничений, которые они не всегда соблюдают. Они постоянно в наших руках, доказательство тому то, что она до сих пор не нашла нового мужа. В наших краях люди, уставшие от войны между замками, опасаются жениться во время непрекращающихся войн. Так что в данный момент у вас нет конкурентов, кроме разве что Гийома д'Арса, умеренного католика, завсегдатая Ла Мотт. Но в Бурже его смогут завлечь в иные сети. Этого молодого зятя нетрудно отвлечь. И наконец, со вдовой, изнывающей от одиноче-

ства, такому человеку, как вы, грех не справиться. По вашей улыбке я вижу, что вы уверены в успехе.

– Признаюсь, все, что вы говорите, верно, – ответил д'Альвимар, вспомнив волнение, которое молодая дама не смогла от него скрыть, но причину которого он истолковывал совершенно неверно. – Я думаю, стоит мне захотеть...

– Надо захотеть... Подумайте об этом как следует, – произнес господин Пулен, поднимаясь. – Если вы решитесь, я напишу конфиденциальное письмо людям, которые многое могут.

Он имел в виду иезуитов, которые уже поколебали твердость господина де Бевра, угрожая, что его дочь не сможет выйти замуж. Ценой этого замужества де Бевр мог купить для себя покой. Д'Альвимар, понявший все с полуслова, обещал священнику серьезно над этим подумать и дать ответ послезавтра, после визита к мадам де Бевр.

Колокол в замке возвестил начало обеда. Попрощавшись со священником, сулившим ему золотые горы, д'Альвимар направился к замку.

После общения с деятельным и способным поддержать его умом священником он чувствовал себя сильным и веселым, чего с ним не случалось уже давно. К нему возвращалась надежда. Бегство в Берри, убежище, найденное у врагов его веры, своеобразное одиночество, в котором он оказался, то есть все, что еще два часа назад виделось ему в мрачных красках, теперь казалось счастливым приключением.

– Да, да, этот человек прав, – сказал себе д’Альвимар. – Эта женитьба меня спасет. Стоит мне только захотеть. Вскружив голову этой провинциалочке, я признаюсь ей, что попал при дворе в немилость, и она сочтет для себя честью меня в этом утешить. Придется некоторое время притворяться... ну что ж, постараюсь. Итак, вперед! Горизонт проясняется, и может, вскоре звезда моей судьбы выйдет из-за туч.

Ведя с собой такую беседу, он поднял голову и заметил на мостике у двора ребенка мавританки, храбро сидящего на одной из лошадей из вчерашней каретной упряжки маркиза.

Мерседес попросила у Адамаса позволения провести еще день в замке, и добрая душа разрешила ей это от имени хозяина, которому он непременно желал ее представить, когда тот будет свободен.

Игравший во дворе ребенок понравился каретнику^[110], и он уступил просьбам мальчика покатавать его на *Скилендре*. Сам он сел на *Пиманта* (другую лошадь из упряжки) и, держа Скилендра за уздечку, повел коней к ручью на ежедневную процедуру мытья копыт.

д’Альвимар был потрясен, увидев лицо ребенка, еще вчера бросившегося под копыта его лошади, чтобы выклянчить подавание, и увернувшегося от его хлыста, сегодня восседающим на монументальном боевом Скилендре и взирающим на него сверху вниз с невольным торжеством.

Редко можно встретить более интересное и более тро-

гательное лицо, чем у этого маленького бродяги. Он был очень красив, белокожее лицо, обожженное солнцем, казалось утонченным. Черты лица, возможно, были не безупречны, но черные бархатные глаза были столь выразительны, улыбка столь нежна, что были неотразимы для любого, чье сердце не закрыто для божественного очарования детства.

Адамас инстинктивно поддался этой нежной силе, исходящей от мальчика. Иногда эти суровые люди бывают так добры! Не о них ли мадам де Севиньи сказала, что встречаются «крестьянские души прямее линий и для которых любовь к добродетели так же естественна, как для лошади галоп»?

Но д'Альвимар, не любивший простодушие, не любил и детей, а этот мальчик вызывал у него особое раздражение, хотя он не мог понять почему.

Он почувствовал холод и головокружение, как если бы, когда он спокойным и веселым возвращался в Бриант, ему на голову обрушилась опускная решетка.

Несколько лет назад с ним начали приключаться эти внезапные головокружения, и он охотно относил их на счет встреченных им лиц. Он верил в таинственные влияния и, чтобы их избежать, по любому поводу внутренне проклинал людей, одаренных, на его взгляд, оккультной силой.

– Чтоб эта лошадь тебе шею свернула! – прошептал он, делая двумя пальцами левой руки под полый плаща «рожки», чтобы уберечься от сглаза.

Завидев мавританку, направляющуюся в его сторону, он повторил этот кабалистический жест.

На секунду она остановилась и снова пристально на него посмотрела, что привело его в бешенство.

– Чего вам от меня надо? – грубо спросил он, сделав шаг ей навстречу.

Ничего не ответив, она поклонилась и побежала к ребенку, весьма встревоженная тем, что тот забрался на лошадь.

Навстречу д'Альвимару вышел Буа-Доре в сопровождении Люсилио Жиовеллино.

– Скорее за стол! – воскликнул маркиз. – Вы, наверно, умираете от голода. Беллинда очень расстроена, что, заметив, как вы уходите утром, отпустила вас гулять голодным.

Д'Альвимар почел за благо не рассказывать, что был у священника и ел у него. Он заговорил о печальной красоте природы и теплом ясном осеннем утре.

– Да, – сказал Буа-Доре, – такая погода продержится еще несколько дней, поскольку солнце...

Его прервал пронзительный вопль, донесшийся ото рва. Бросившись бежать настолько быстро, насколько только мог, чтобы узнать, что произошло, он встретился на мосту с д'Альвимаром и Люсилио; один из них обогнал его, другой механически за ним последовал.

Они увидели, что мавританка мечется по берегу, протягивая руки к ребенку, сидящему на огромной лошади, вот-вот готовая броситься в воду с довольно крутого места.

Глава пятнадцатая

Вот что произошло.

Цыганенок, счастливый и гордый, что заполучил такую большую игрушку, ласково уговорил каретника дать ему поддержать уздечку. Почувствовав, что оказался во власти слабой детской руки, а также подбадриваемый маленькими каблучками, *барабанившими* по его бокам, конь взял слишком направо и, потеряв брод, поплыл. Каретник хотел прийти ему на помощь, но более осторожный, чем его товарищ, Пимант отказался сходить с привычного пути. Мальчик был в полном восторге от этого обстоятельства и только крепче вцепился в лошадиную гриву.

Крики матери слегка отрезвили его, и он крикнул ей на языке, знакомом только Люсилио:

– Не бойся, мать, я хорошо держусь.

Но лошадь попала в течение речки, питавшей ров. Тяжелый и флегматичный Скилендр уже устал, раздутые ноздри свидетельствовали о его страхе и беспокойстве.

Не сообразив, что можно повернуть назад, конь плыл прямо к пруду, и было вероятно, что он потратит последние силы на тщетные попытки преодолеть плотину.

Опасность не была еще неминуемой, и Люсилио жестами пытался убедить мавританку не бросаться в воду. Не обращая внимания на его слова, она начала спускаться по зеле-

ному склону. Маркиз, видя двух несчастных созданий в беде, принялся расстегивать плащ.

Он бросился бы вплавь, ни с кем не посоветовавшись, так, что д'Альвимар даже не успел разгадать его намерения, но тут Люсилио прыгнул с моста в воду и быстро поплыл к ребенку.

– Ах, добрый, храбрый Дживеллино! – прошептал маркиз, от волнения позабыв французский вариант имени друга.

д'Альвимар тут же поместил нечаянно вырвавшееся имя в архивы своей памяти, которая никогда его не подводила. Пока маркиз спускался по откосу к мавританке, чтобы ее успокоить, испанец оставался на мосту, с интересом ожидая, чем все кончится.

Это был не тот интерес, что испытывал бы любой добрый человек в подобных обстоятельствах, хотя д'Альвимар был весьма встревожен.

Он вовсе не желал, чтобы этот немой утонул, да это было и маловероятно. Но он желал, чтобы погиб ребенок, что было возможно. Он не просил Небеса оставить это несчастное создание, но и не пытался усмирить свой жестокий инстинкт. Против его воли ребенок казался ему воплощением странного, непреодолимого зла, внушая суеверный ужас.

«Если то, что я испытываю, является знаком судьбы, – подумал он, – то в этот момент решается моя участь. Если ребенок погибнет – я спасен, если он спасется – я погиб».

Ребенок был спасен.

Догнав лошадь, Люсилио схватил маленького наездника за шиворот и выволок на берег к матери, которая, рыдая и крича, наблюдала за всеми перипетиями драмы.

Затем он отправился за глуповатым Скилендром, упрямо пытавшимся преодолеть плотину, и, взяв за уздечку, целым и невредимым доставил растерянному *каретнику*.

На крик мавританки сбежался весь дом, и все были расстроганы, застав ее «всю в слезах» у ног Люсилио. Она что-то жарко говорила ему по-арабски и недоумевала, почему он не отвечает, ведь видно, что он ее понимает.

Обняв Люсилио, маркиз тихо сказал ему:

– Мой бедный друг! Побывав в руках палача, терзавшего вас до мозга костей, вы остались прекрасным пловцом. Бог, знающий, что вы живете на этом свете лишь для добра, пожелал являть через вас чудеса. А теперь скорее переоденьтесь, а вы, Адамас, высушите и обогрейте этого маленького чертенка, который, как я вижу, испугался не больше, чем если бы встал с постели. Я хочу, чтобы вы сразу после еды привели его ко мне вместе с матерью, так что позаботьтесь, чтобы они выглядели поопрятнее. А куда делся господин де Виллареаль?

Так называемый Виллареаль вернулся в замок и один в своей комнате молился своему мстительному Богу, надеясь, что Тот не слишком сурово покарает его за страстность, с которой он *беспричинно* желал смерти цыганенку.

Мы называем мальчика цыганенком, поскольку его так на-

зывали окружающие; но когда после еды маркиз де Буа-Доре явился в старый зал замка, который Адамас торжественно величал залом для аудиенций, а иногда залом суда, когда этот престарелый министр внутренних дел представил маркизу мавританку и ребенка, первое, что воскликнул маркиз после удивленной паузы, было:

– Чем дольше я смотрю на этого мальчика, тем больше убеждаюсь, что он не египтянин и не мавр, а, скорее, чистокровный испанец, а может, даже француз.

На представлении присутствовали Адамас, д'Альвимар и Люсилио. Все внимательно слушали маркиза.

– Вот видите, – продолжал Буа-Доре, наивно довольный своей проницательностью, отогнув ворот рубашки у ребенка, – лицо загорелое, впрочем, не сильней, чем у наших крестьян во время жатвы; а вот шея бела как снег, а руки и ноги маленькие, таких у свободных крестьян и крепостных не бывает. Ну что, шалун, не стесняйтесь и, поскольку вы знаете французский, отвечайте нам. Как вас величать?

– *Марио*, – немедленно отозвался мальчик.

– Марио? Это ведь итальянское имя!

– Не знаю.

– Откуда вы родом?

– Полагаю, что я француз.

– Где вы родились?

– Не помню.

– Охотно верю, – рассмеялся маркиз, – но спросите об

этом у вашей матери.

Повернувшись к мавританке, мальчик заговорил с ней.

Он выглядел счастливым рядом с этим красивым господином, который отечески с ним беседовал, держа его между колен, и робко проводил пальчиком по шелковым одеждам сеньора и шелковистой шерстке украшенной бантами собачки.

Но, взглянув на мать, он будто прочел в ее взгляде важное предупреждение; мягко отстранившись от господина де Буа-Доре, он подошел к мавританке и молча опустил глаза.

Маркиз продолжал задавать ему вопросы, мальчик хранил молчание, хотя, казалось, он нежным взглядом просит у него прощение за свою невоспитанность.

– Я полагаю, друг Адамас, что ты сверх меры расхвалил мальчика, утверждая, что он хорошо говорит на нашем языке. Он, правда, произнес несколько слов совсем без акцента; но я полагаю, что этим его познания во французском и ограничиваются. Поскольку ты хорошо знаешь испанский, а я, признаюсь, не очень в нем силен, задай ему мои вопросы.

– Ни к чему, господин маркиз, – возразил неунывающий Адамас, – я клянусь, что малыш говорит по-французски как настоящий грамотей: просто он оробел перед вами, вот и все.

– Да нет! – не согласился маркиз. – Это маленький лев, который ничего не боится. Он вышел из воды столь же спокойно, как зашел туда, и он видит, что мы хорошие люди.

Казалось, Марио понял Буа-Доре, его ласковые глаза буд-

то говорили «да», в то время как умные и настороженные глаза мавританки, обращенные на д'Альвимара, говорили ему «нет».

– Ну ладно, – сказал маркиз, вновь подзывая к себе ребенка, – я хочу, чтобы мы стали добрыми друзьями. Я люблю детей, и этот мальчик мне нравится. Не правда ли, мэтр Жовлен, это лицо создано не для того, чтобы обманывать, и взгляд этого ребенка проникает прямо в сердце. В этом кроется какая-то тайна, и я хочу в нее проникнуть. Послушай, Марио, если ты скажешь мне правду, я подарю тебе... Что ты хочешь получить в подарок?

Наивно непосредственный, как и положено в его годы, Марио бросился к Флориалу, красивой белой собачке, которая, когда маркиз садился, всегда залезала к нему на колени.

Казалось, Марио готов на все, чтобы ее заполучить. Но взгляд мавританки снова заставил его сдержаться, и он поставил собачку обратно, к великой радости маркиза, который уже подумывал, не слишком ли далеко он зашел.

Печально покачав головой, ребенок жестом показал, что ничего не хочет.

До этой минуты д'Альвимар хранил молчание; пока он замаливал перед Богом свой грех, совершенный у рва, через его память кратко, но точно прошли все обстоятельства его жизни. Не всплыло ничего, хоть косвенно связанного с этой женщиной и ребенком.

Так что его чувство было лишь галлюцинацией, и он рас-

каивался, что не преодолел его сразу; к нему вернулось здравомыслие.

За столом маркиз ни словом не помянул рассказ Адамаса о таинственном путешествии Мерседес. Он и сам накануне вечером слушал его вполуха, засыпая. Поэтому д'Альвимар смотрел на двух попрошаек со спокойным презрением, найдя разумное объяснение своему к ним отвращению.

Он произнес:

– Господин маркиз, если вы позволите мне удалиться, то, полагаю, с помощью небольшой подачки вы легко проникнете во все их тайны. Возможно, мальчик – христианин, украденный этой мавританкой, а уж в ее расе я ни капли не сомневаюсь. Между тем вы ошибаетесь, полагая, что цвет кожи является верным признаком. У мавров иногда рождаются дети белокожие, как мы с вами. Если вы хотите в чем-то удостовериться, надо поднять волосы, прикрывающие лоб, возможно, вы найдете там клеймо, сделанное каленым железом.

– Как! – воскликнул маркиз с улыбкой. – Неужели они так боятся святого крещения, что смывают воду огнем?

– Это знак раба, – пояснил д'Альвимар. – Так велит испанский закон. На лбу у них выжигают S шляпкой гвоздя, что на образном испанском языке означает *Раб*.

– Да, – кивнул маркиз, – помню, это напоминает *ребус*. Мне этот обычай кажется отвратительным. Если малыш носит такой знак и является рабом вашей нации, я хочу его выкупить, чтобы на земле Франции он был свободным.

Мерседес ни слова не поняла из их разговора. Она с тревогой следила, как д'Альвимар приближается к Марио, будто бы собираясь до него дотронуться. Но д'Альвимар ни за что на свете не стал бы марать обтянутую перчаткой руку прикосновением к мавру и ожидал, что маркиз сам приподнимет волосы надо лбом ребенка. Маркиз же этого делать не собирался из чувства деликатного сострадания к несчастной матери, угадывая ее тревогу.

Марио понимал, о чем идет речь, но, будто зачарованный взглядом Мерседес, сохранял неподвижность и молчание.

– Вот видите, – продолжал д'Альвимар, – он опустил голову, скрывая свой стыд. Я знаю эту публику, с меня довольно, так что оставляю вас в этой честной компании. Они, вне всякого сомнения, и рта при испанце не раскроют, а, судя по всему, они знают, кто я такой. Между этой низшей расой и нашей существует инстинктивная неприязнь. Они чуют нас, как дичь – приближение охотника. Я встретил эту женщину вчера на дороге и уверен, это она навела порчу на моего коня, поскольку сегодня он начал хромать. Будь я хозяином этого дома, эта нечисть и минуты не находилась бы под моей крышей!..

– Вы мой гость, – ответил Буа-Доре вежливо, но с достоинством и неожиданной для д'Альвимара твердостью, – в силу этого никто не станет оспаривать здесь ваше мнение, независимо от того, совпадает ли оно с моим. Если вам неприятно смотреть на этих несчастных, то, поскольку я не могу

допустить, чтобы вы испытывали у меня в гостях какие бы то ни было неудобства, можно устроить все так, чтобы они не попадались вам на глаза. Но вы не можете потребовать, чтобы я выгнал ребенка и женщину.

– Конечно, месье, – сказал д'Альвимар, вновь овладевший собой, – это означало бы злоупотребить вашей добротой; прошу прощения за мою несдержанность. Вы знаете, какое отвращение моя раса испытывает к этим неверным, но я должен был сдержаться.

– Что вы имеете в виду? – не без раздражения спросил маркиз. – Вы нас за мусульман принимаете?

– Видит Бог, нет, господин маркиз! Я имел в виду терпимость французской расы в целом, а поскольку вежливость велит подчиняться обычаям, принятым в стране, гостеприимством которой пользуешься, я обещаю вам держать себя в руках и без отвращения смотреть на любого, кого вы соизволите у себя принимать.

– Вот и слава богу! – произнес маркиз, протягивая ему руку. – Как вам понравится, если я предложу вам поохотиться на зайцев?

– Это очень любезно, господин маркиз, – сказал д'Альвимар, – но не стоит утруждать себя: с вашего позволения я в ожидании обеда напишу несколько писем.

Вставший, чтобы проводить его, маркиз с небрежной грацией вновь опустился в кресло и обратился к Люсилио:

– Наш гость хорошо воспитанный кавалер, но излишне

горяч, кроме того, водится за ним тот грех, что он слишком испанец. Эти возвышенные люди презирают все, что не является испанским. Но, мне кажется, они подрубили сук, на котором сидят, преследуя и уничтожая несчастных мавров. Когда-нибудь они локти себе будут кусать. Мавры были единственными, кто прилежно трудился и заботился о чистоте в этой стране. До того, как их столь жестоко начали преследовать, они были кроткими и добрыми. Так что если перед нами действительно осколок сей несчастной нации, столь великой в прошлом, прекратим этот разговор. Пожалеем несчастных! Один Бог на всех!

Люсилио слушал маркиза с благоговейным вниманием, но это не помешало ему что-то писать.

– Что вы делаете? – спросил Буа-Доре.

Люсилио протянул ему лист бумаги, испещренный непонятными маркизу знаками, показавшимися ему полной тарбарщиной.

– Это, – ответил немой при помощи карандаша, – перевод на арабский ваших прекрасных слов. Посмотрим, умеет ли ребенок читать, и понимает ли он этот язык.

Взглянув на бумагу, Марио бросился к мавританке, которая, выслушав его с большим волнением, поцеловала написанные слова и встала перед маркизом на колени.

Повернувшись к Джиовеллино, она произнесла по-арабски:

– Человек сердца и добродетели, передай этому доброму

человеку мои слова. Я не хотела при испанце говорить на своем языке. Я не хотела, чтобы ребенок произнес при нем хоть слово. Испанцы ненавидят нас и, где бы ни повстречали, стараются причинить нам зло. Между тем ребенок христианин, а не раб. Посмотри на мой лоб, на нем клеймо инквизиции, оно еще заметно, хотя и выжжено очень давно.

Развязав пестрый платок, державший ее черные волосы, она обнажила лоб, на котором не было заметно никаких следов каленого железа.

Но она ударила себя ладонью по лбу, и вскоре на покрасневшей коже белым контуром выступил ужасный *ребус*.

– Но, – продолжала она, убирая со лба пышные волосы Марио, – взгляни на этот чистый лоб. Если бы на нем было выжжено клеймо, след был бы еще заметен. Этот лоб крещен священником твоей религии, ребенок воспитан в вере своих отцов и знает язык своих предков.

Пока мавританка говорила, Люсилио письменно переводил ее слова и маркиз постепенно их читал.

– Попросите ее, – обратился он к немому, – рассказать ее историю. Скажите, что мы сочувствуем ее несчастьям и берем ее под свое покровительство.

Люсилио не пришлось переводить слова де Буа-Доре. Марио, одинаково хорошо говоривший по-арабски, французски и каталонски, успел все пересказать своей приемной матери с удивительной точностью.

Мы передадим продолжение разговора, как если бы все

четверо говорили на одном языке и к Люсилио вернулся дар речи.

Глава шестнадцатая

Вот что сказала мавританка:

– Дорогой Марио, скажи этому доброму сеньору, что я плохо говорю по-испански, а по-французски и того хуже. Я расскажу все его *писателю*, и он прочитает.

Я дочь бедного каталонского фермера. В Каталонии последние мавры, уцелевшие после устроенной инквизицией бойни, жили еще спокойно, в надежде, что им позволят своим трудом зарабатывать на жизнь, потому что мы не принимали участия в войнах последнего времени, принесших столько несчастий нашим братьям в других провинциях Испании.

Моего отца звали по-мавритански Йезид, а по-испански Хуан. Я при крещении *окроплением* получила имя Мерседес, а по-мавритански меня зовут Ссобия⁵.

Сейчас мне тридцать лет. Когда мне было тринадцать, нам по секрету сообщили, что нас тоже ожидает изгнание и разорение.

Еще до моего рождения ужасный король Филипп Второй издал ордонанс, предписывающий всем маврам выучить кастильское наречие и никогда больше ни тайно, ни на людях не говорить, не писать и не читать по-мавритански. «Все контракты, заключенные на этом языке, будут признаны недей-

⁵ Аврора, Утренняя Заря. (Примеч. авт.)

ствительными, все книги должны быть сожжены». Мы должны были отказаться от нашей одежды и носить христианское платье. «Мавританские женщины должны выходить на улицу без чадры, с открытым лицом». У нас не должно быть национальных праздников, танцев, песен. Мы должны отказаться от наших имен и фамилий и взять христианские имена. Ни женщины, ни мужчины не должны больше мыться, и ванны в наших домах должны быть разрушены.

Была оскорблена чистота наших нравов и забота о чистоте тела. Мои родители с этим смирились. Когда они поняли, что это ничего не дает и что все равно их преследуют, чтобы заполучить их деньги, они решили накопить как можно больше золота и припрятать, чтобы, когда появится смертельная опасность, можно было убежать.

Трудолюбием и терпением им удалось сколотить небольшое состояние. Они надеялись, что мне не придется ходить с сумой по миру, как многим другим, которых беда застала врасплох. Но мне было суждено просить подаяние, как и всем остальным.

Несмотря на причиняемые нам унижения, мы были довольно счастливы. Наши испанские сеньоры нас не любили, но понимали, что во всей Испании лишь мы умеем и хотим обрабатывать землю, и просили своего короля пощадить нас.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, король Филипп Третий неожиданно издал указ против каталонских мавров. Мы были изгнаны из королевства, нам разрешили взять с со-

бой лишь *движимое имущество*, которое можем унести в руках. Через три дня под страхом смертной казни нам было предписано покинуть наши дома и под конвоем отправиться к месту отплытия. Христианину, спрятавшему у себя мавра, грозили семилетние работы на галерах.

Мы оказались разорены. Правда, отец и я взяли столько золота, сколько могли унести, и безропотно отправились в путь. Нас обещали отвезти в Африку, на родину наших предков.

Тогда мы обратились к Богу наших отцов с просьбой принять своих верных детей.

На корабле нам разрешили надеть наши старые одежды, которые сто лет хранились в сундуках, и петь песни на нашем языке, который мы никогда не забывали, поскольку, несмотря на все декреты, говорили между собой только на нем.

Народу на корабле набилось как сельдей в бочке: едва мы отплыли, с нас потребовали плату. У большинства не было с собой ни гроша. Тогда приказали, чтобы за неимущих заплатили богатые.

Увидев, что тех, кто не может заплатить, бросают за борт, мой отец без колебаний заплатил за всех, кто был на нашем корабле. Убедившись, что у него ничего больше не осталось, его, как и остальных, бросили за борт.

Мавританка на секунду прервалась. Глаза ее были сухи, но грудь тяжело вздымалась.

– Презренные мерзавцы испанцы! Несчастные мавры! –

прошептал маркиз. Но, поймав печальный взгляд Люсилио, добавил: – Увы! Франция поступила не лучше, а регентша обращалась с ними точно так же.

Мерседес продолжала:

– Оставшись одна на белом свете, без единого денье^[111] за душой, лишённая всего, что я любила, я хотела последовать за моим бедным отцом, но меня удержали. Я была красивой, и хозяин галеры хотел сделать меня своей рабыней. Но Бог ниспослал бурю, и все силы были брошены на борьбу со стихией. Многие корабли пошли на дно, и тысячи мавров погибли вместе со своими палачами.

Нашу галеру прибило к французским берегам, она разбилась о скалы в месте, названия которого я не знаю.

Меня выбросило на берег вместе со многими мертвыми и умирающими. Я была спасена. Не в силах идти дальше, мокрая и измученная, я поспешила укрыться в горах. Впервые за много дней и ночей мне удалось заснуть.

Когда я проснулась, буря кончилась, было тепло, я была одна. Разбитый корабль дрейфовал у берега, песок был усеян мертвыми телами. Я была голодна, но еще могла идти.

Я поспешила как можно дальше уйти от побережья, опасаясь повстречаться с испанцами. Я шла через горы, мне подавали хлеб и воду, иногда давали кров. Меня принимали плохо: мой наряд вызывал у крестьян недоверие.

Как-то я встретила несколько моих соплеменниц, которые жили в деревне. Они дали мне одежду и посоветовали скры-

вать мою веру и национальность, потому что местные люди не любят чужеземцев, и особенно ненавидят мавров. Увы, похоже, их ненавидят везде. Позже я узнала, что, вместо того чтобы принять добравшихся до берегов Африки мавров как братьев, берберы^[112] перерезали их или обратили в рабство еще худшее, чем у испанцев.

Как я могла скрыть, что я мавританка? Я слишком плохо говорила на каталонском. Мне подавали милостыню, но стоило оказаться поблизости испанцу, как он говорил местным:

– У вас тут мавританка.

И меня отовсюду изгоняли. Я шла от долины к долине.

Однажды на большой дороге, которая, как я потом узнала, вела в По^[113], я повстречала женщину, еще более несчастную, чем я. Это была мать ребенка, которого вы видите, который стал мне как сын...

– Продолжайте, – кивнул маркиз.

Но Мерседес замаялась и, обращаясь к Люсилио, сказала:

– Я могу рассказать историю родителей Марио лишь вам... Вы спасли его жизнь, вы кажетесь мне ангелом небесным. Если мне позволят остаться тут еще на несколько дней и я уверюсь, что Марио в безопасности, клянусь, я скажу вам все. Но я опасаясь того испанца, которому этот старый сеньор протягивал руку, после того как попенял за жестокость к нам. Я все видела своими глазами, господа всегда остаются господами, и бедные рабы не могут надеяться, что даже лучшие из них будут на их стороне, выступая против равных

себе.

– В таком деле не может быть равных! – воскликнул маркиз, когда Люсилио перевел ему эти слова. – Клянусь христианской верой и честью дворянина, что буду защищать слабого против всех.

Мавританка ответила, что расскажет всю правду, но скроет некоторые ненужные подробности.

– Я шла по дороге, ведущей в По, через безлюдное место в горах. Я спряталась, чтобы отдохнуть, поскольку боялась бандитов, которые всегда бывают на дорогах. Я заметила сначала мужчину. Женщина шла впереди. Набежали бандиты, убили и ограбили ее мужа, который шел сзади. Все произошло так быстро, что, когда женщина вернулась назад, посмотреть, почему муж ее не догоняет, она нашла его распростертым на дороге.

При виде этого она упала без чувств, и я заметила, что она беременна.

Я не знала, чем ей помочь и как утешить. Встав перед ней на колени, я молилась и плакала. В это время на дороге показался одетый в черное человек с серыми усами. Подъехав к нам, он спросил, почему я так плачу. Я указала на женщину, лежащую рядом с трупом ее мужа. Он обращался к ней на нескольких языках, потому что был очень учен, но вскоре убедился, что она не в состоянии ответить.

Перенесенное ею потрясение ускорило роды.

Мимо проходили пастухи со своими стадами. Он подо-

звал их. Увидев, что к ним обращается христианский священник, они поспешили исполнить его просьбу и перенесли женщину в свой дом, где она умерла час спустя после того, как произвела на свет Марио. Перед смертью она успела передать священнику обручальное кольцо, ничего не объяснив ему словами, но указывая на ребенка и на небо!

Священник задержался у пастухов, чтобы похоронить несчастных, затем, полагая, что я рабыня той дамы, дал мне ребенка и приказал следовать за ним. Я не хотела его обманывать, узнав, какой он добрый и образованный. Я рассказала ему свою историю и как я случайно стала свидетелем убийства торговца.

– Так это был бродячий торговец? – спросил маркиз.

– Или переодетый дворянин, – ответила Мерседес. – Жена его прикрывала бедным плащом дворянское платье, и на нем тоже, когда обмывали его перед отпеванием, обнаружили под грубой одеждой рубашку тонкого полотна и шелковые штаны. У него были белые руки, кроме того, при нем нашли печать с дворянским гербом.

– Покажите мне эту печать! – воскликнул взволнованный Буа-Доре.

Мавританка покачала головой:

– У меня ее нет.

– Эта женщина нам не доверяет, – молвил маркиз, обращаясь к Люсилио, – но эта история интересует меня сильнее, чем она может предположить. Как знать, вдруг... Доро-

гой друг, постарайтесь хотя бы поточнее узнать, когда произошло это несчастье.

Люсилио знаками предложил маркизу спросить об этом у ребенка, тот, ни секунды не колеблясь, ответил:

– Я появился на свет через час после смерти моего отца и за четыре дня до убийства доброго короля Франции Генриха Четвертого. Так мне сказал господин аббат Анжорран и приказал никогда об этом не забывать. Моя мать Мерседес разрешила это вам рассказать при условии, что об этом не будет известно испанцу.

– Почему? – спросил Адамас.

– Не знаю, – ответил мальчик.

– Тогда, – обратился к нему маркиз, – попроси свою мать продолжать рассказ и будьте уверены, что мы, как и обещали, сохраним вашу тайну.

Мавританка продолжала:

– Добрый священник обзавелся козой, чтобы было молоко для ребенка, и взял нас с собой, сказав мне:

– О религии мы поговорим позже. Вы несчастны и нуждаетесь в сострадании.

Он жил довольно далеко от того места, в самом сердце гор. Он поселил нас в небольшом домике, сложенном из кусков мрамора, крышей которому служили какие-то большие и плоские камни. В доме я нашла только сено. Этот святой мог предложить нам лишь кров и слово Божье. Дом, в котором он жил сам, был ничуть не богаче нашей хижины.

Не прошло и недели, ребенок был чист и ухожен, а дом обнесен оградой. Пастухи и крестьяне не испытывали ко мне ненависти, поскольку их священник сумел внушить им доброту и жалость. Я научила их приемам животноводства и земледелия, известным каждому мавру-крестьянину, но новым для них. Увидев, что я приношу пользу, они стали снабжать меня всем необходимым.

Я была бы счастлива встрече с этим человеком мира и страной прощения, если бы могла забыть своего несчастного отца, родимый дом, друзей и близких, которых мне больше не суждено увидеть. Но я так привязалась к бедному сироте, что постепенно совершенно утешилась.

Священник воспитывал Марио, учил его французскому и испанскому, а я учила его своему языку, чтобы рядом была хоть одна живая душа, с которой я могла бы поговорить. Только не думайте, что, обучая мальчика арабским молитвам, я хотела отвратить его от веры, внушаемой ему священником.

Я не отвергаю вашего Бога. Нет, нет! Убедившись, как честен, добр, милосерден и учен этот человек, послушав, что он рассказывает о пророке *Иссе*⁶ и *Енгиле*⁷, чьи великолепные заповеди запрещают то же самое, что нам запрещает Коран, я поняла, что лучшая на свете религия именно та, которой он служит. Поскольку я была некрещеной, несмотря

⁶ Иисус. (Примеч. авт.)

⁷ Евангелие. (Примеч. авт.)

на окропление испанских священников (я руками закрыла голову, чтобы на нее не попало ни одной капли христианской воды), я согласилась, чтобы этот добродетельный человек окрестил меня еще раз, и поклялась Аллаху никогда не отрицать в моем сердце веру в Иссу.

Это наивное заявление весьма порадовало господина маркиза, который, несмотря на свои новые философские воззрения, был не более склонен к языческому идолопоклонству, приписываемому маврам, чем, скажем, Адамас.

– Так что, – произнес он, глядя Марио по кудрявой голове, – мы имеем здесь дело не с дьяволами, а с подобными нам существами. *Громы небесные!* Я очень доволен этим обстоятельством, поскольку судьба несчастной женщины и сироты глубоко меня трогает. Итак, любезный друг Марио, тебя воспитывал добрый и ученый кюре из Пиренеев! Да ты и сам маленький ученый! Я не могу обратиться к тебе на арабском, но если твоя мать разрешит тебе у меня остаться, я обещаю воспитать тебя как дворянина.

Марио не знал, что такое дворянство.

Конечно, он был замечательно образован, учитывая, где и в какое время он воспитывался, но во всех прочих вопросах, связанных с религией, моралью и языками, был настоящим дикарем и не имел ни малейшего представления об обществе, куда маркиз хотел его ввести.

Он представил себе банты, конфеты, маленьких собачек и красивые комнаты, набитые *безделушками*, которые он при-

нимал за игрушки. Глаза его невольно сверкнули наивным вожделением, и маркиз воскликнул:

– Слава Богу! Мэтр Жовлен, этот ребенок рожден не в простом звании. Вы заметили, как блеснули его глаза, когда я произнес слово дворянин? Ну-ка, Марио, попроси Мерседес остаться с нами.

– И я тоже! – сказал ребенок, который решил, что предложение относится прежде всего к его приемной матери.

– И она тоже, – ответил Буа-Доре. – Я знаю, что разлучать вас было бы бесчеловечно.

Взбудораженный Марио бросился к мавританке и, осыпая ее ласками, обратился к ней по-арабски:

– Мать! Нам не придется больше ходить по дорогам. Этот добрый сеньор предлагает нам остаться в этом красивом доме.

Мерседес со вздохом поблагодарила:

– Ребенок принадлежит не мне, а Господу, который мне его доверил. Я должна отыскать его семью. Если его семьи больше нет или она от него откажется, я вернусь сюда и на коленях буду умолять: «Примите его, а меня, если хотите, прогоните. Уж лучше я буду одна плакать под дверью дома, где он счастлив, чем заставлять его нищенствовать на дорогах».

– У этой женщины возвышенная душа, – сказал маркиз. – Ну что ж, мы поможем ей деньгами и нашими связями найти тех, кого она ищет. Возможно, мы сможем помочь ей прямо

сейчас, если она назовет фамилию ребенка.

– Мне она неизвестна, – ответила мавританка.

– Тогда на что же вы надеялись, покидая ваш дом в горах?

– Скажи им, что они хотят узнать, – на арабском велела Мерседес Марио, – но не говори ничего из того, что до поры им должно быть неизвестно.

Глава семнадцатая

Марио, в совершенном восторге от полученного поручения, заговорил без дерзости или ломания, с естественным изяществом, глядя на маркиза лучистым взглядом.

– Мы были там счастливы, – сказал он, – там были пещеры, водопады, высокие вершины, большие деревья; все в тех краях было крупнее, чем здесь, вода сильно шумела. Моя мать пасла очень добрых коров, стригла овец, пряла пряжу и ткала толстые теплые ткани. Взгляните на мой белый колпак и красный плащ! Это из маминой ткани. Я тоже работал. Я научился плести корзины, о, я очень хорошо их плету! Если я вернусь сюда, чтобы стать дворянином, вы сами в этом убедитесь. Все корзины в вашем доме будут только мои!

Два часа ежедневно господин кюре Анжорран учил меня читать и говорить по-испански и по-французски. Он был очень добрый человек! Он так меня любил, что мать иногда даже ревновала. Она говорила:

– Могу поспорить, ты любишь кюре больше, чем меня.

Но я отвечал:

– Нет, я люблю вас одинаково. Я люблю вас так сильно, как только могу. Моя любовь велика, как высокие горы и даже еще больше: как небо!

Когда мне было десять лет, все внезапно изменилось. Разыскивая потерявшихся в снегах детей, а снег у нас зимой

выпадает выше вашей крыши, господин Анжорран простудился и умер.

Мы с матерью так плакали, что даже не знаю, как не заплакали все глаза.

Тогда мать сказала:

– Надо исполнить волю нашего отца, нашего покойного друга. Он оставил нам бумаги, печать и кольцо, которые могут помочь найти твою семью. Он много раз писал о тебе министру Франции, но ни разу не получил ответа. Возможно, до того не дошли его письма. Мы отправимся к королю или к кому-нибудь, кто мог бы перед ним замолвить за нас слово, и если у тебя есть бабушка, или тетки, или кузены, они не допустят, чтобы ты, рожденный свободным, был крепостным, ведь свобода – самая великая вещь на свете.

Взяв с собой наши скудные сбережения, мы отправились в путь. От доброго кюре не осталось никакого наследства. Как только у него появлялась хоть мелкая монета, он отдавал ее нуждающимся. Мы шли очень долго: Франция такая большая! Мы уже три месяца в пути! Видя, как длинна дорога, мать начала опасаться, что мы никогда не дойдем. Мы просили подаяние, нам никогда не отказывали, потому что по матери видно, что она добрая, и я тоже людям нравлюсь. Но, не зная дороги, мы часто шли не туда, куда нужно, и нередко отдалялись от цели нашего путешествия, вместо того чтобы к ней приближаться.

Нам повстречались странные люди, называвшие себя

египтянами. Они предложили идти с ними в Пуату, если мы умеем что-нибудь делать. Мать хорошо поет по-арабски, а я умею играть на цимбалах^[114] и пиренейской гитерне^[115]. Если вы захотите, я для вас потом сыграю. Египтяне решили, что этого достаточно. Они относились к нам хорошо, среди них была маленькая мавританка по имени Пилар, которая мне очень нравилась, и мальчик постарше, Ля Флеш, француз, который развлекал меня разными историями и забавными гримасами. Но мою мать всегда огорчало, что почти все они воры, обжоры и лентяи.

Поэтому она каждый день говорила:

– Надо поскорее расстаться с этими людьми, это дурная компания.

И вчера мы от них ушли, потому что...

– Потому что? – переспросил маркиз.

– Это мать Мерседес, наверное, расскажет вам потом, когда помолится Богу, чтобы Тот открыл ей истину. Так она мне сказала, и это все, что я знаю.

– Итак, – молвил маркиз, вставая, – эти люди произвели на меня самое благоприятное впечатление, и я хочу, чтобы в моем доме их хорошо принимали до тех пор, пока они не сообщат мне, чем еще я могу им помочь. Верный Адамас, ты, кажется, говорил, что у Мерседес письмо к господину де Сюлли?

– Да, – воскликнул Марио, – именно это имя было написано на письме господина Анжоррана.

– Это упрощает дело. Будучи его покорным слугой, я могу доставить вас к нему так, чтобы вам не пришлось снова изведать усталость и нищету. Пока что отдохните в моем доме, вам будет предоставлено все, в чем вы нуждаетесь. Смотри, Адамас, и мать и ребенок одеты чисто и их горские одежды даже довольно красивы. Но на них ведь надето все, что у них есть?

– Почти, месье, кроме дорожной одежды, которая была на них вчера и сегодня утром. У каждого из них две рубашки и смена одежды. Но женщина моет и причесывает ребенка и штопает одежду все время, пока они не в пути. Смотрите, как хорошо у него ухожены волосы. Она знает множество арабских секретов поддержания чистоты. Кроме того, она умеет изготавливать пудры и эликсиры, чему я хочу у нее поучиться.

– Прекрасная мысль. Но не забудьте дать ей белья и тканей, пусть она приоденется. Раз она такая умелая, она с этим справится. Я отправляюсь на прогулку. Затем, если она не против, я послушал бы песни ее народа в сопровождении гитерны, мне хочется услышать чужеземную музыку. Итак, до свидания, мэтр Марио! Вы так любезно со мной беседовали, что вскоре вы получите за это подарок, я никогда не забываю своих обещаний!

Марио поцеловал руку маркиза, искоса бросив взгляд на Флориала, который был для него ценнее любой драгоценности этого дома.

Флориаль действительно был очень милой собачкой. Из трех любимцев маркиз этого особенно выделял, и по заслугам. Белый как снег, кудрявый, он в отличие от большинства маленьких собачек, был кроток, как овечка, и сопровождал хозяина по всему дому.

Во время прогулки маркиз, по своему обыкновению, побеседовал со своими вассалами, узнал, как чувствуют себя больные и в чем они нуждаются, а вернувшись в замок, вызвал к себе Адамаса.

– Что бы подарить этому славному мальчугану? – спросил он. – Надо бы найти какую-нибудь подобающую его возрасту игрушку, наверно, в доме таких нет. Увы, мой друг, нас собралось здесь три холостяка: мэтр Жовлен, я и ты.

– Я уже подумал об этом, месье, – ответил Адамас.

– О чем, мой верный слуга, о женитьбе?

– Нет, месье, это не в вашем вкусе и не в моем тоже. Но я нашел игрушки для Марио.

– Принеси скорее!

– Вот, месье, – сказал Адамас, беря с подоконника заранее принесенную игрушку. – Я заметил, что ребенку очень понравился ваш Флориаль, а поскольку вы не сможете подарить ему собаку, я вспомнил, что видел на чердаке несколько давно забытых игрушек, и среди них собачку, набитую паклей. Она не слишком побита молью и немного даже похожа на Флориаля, разве что черная, да хвоста почти не осталось.

– И еще тысяча мелких отличий, из-за которых они вовсе

не похожи! Но где ты ее нашел, Адамас?

– На чердаке, месье.

– Хорошо... Но ты сказал, что там были еще игрушки?

– Да, месье, маленькая лошадка, у которой осталось лишь три ноги, дырявый барабан, игрушечное оружие и крепость с бойницами...

Адамас внезапно прервался, увидев, что маркиз поглощен созерцанием игрушечной собачки, а по щеке его течет крупная слеза, смывая на своем пути румяна.

– Я сделал какую-то глупость! – воскликнул престарелый слуга. – Бога ради, дорогой хозяин, почему вы плачете?

– Не знаю... минутная слабость! – прошептал маркиз, утирая слезу надушенным платочком, стирая заодно свой фальшивый румянец. – Я, кажется, узнаю эту игрушку, если я не ошибаюсь, это реликвия, с которой нельзя расставаться, Адамас! Это осталось от моего брата!

– Неужели, месье? Ах, какой я глупец! Я должен был догадаться. Но я подумал, что это вы играли ими в детстве.

– Нет, когда я был ребенком, у меня не было игрушек. Было время войны и печали, мой отец был ужасным человеком и развлекал меня, показывая железные ошейники^[116], цепи, поднятых на дыбу крестьян или повешенных на вязах пленных... Позже, значительно позже он снова женился, и у него родился сын.

– Я знаю, месье. Вы так любили молодого месье Флоримона! Он, несомненно, был украшением здешнего дворянства!

И так странно исчез!

– Невозможно выразить словами, как я его любил, Адамас! И не за те отношения, что возникли у нас, когда он вырос, поскольку мы сражались на разных сторонах, при редких встречах мы успевали только обняться и сказать друг другу, что, несмотря ни на что, остаемся друзьями и братьями, но за то, каким ласковым он был ребенком, о котором, как я уже рассказывал, мне пришлось заботиться в отсутствие отца, которое продолжалось около года. Его вторая жена умерла, а в окрестностях было неспокойно. Зная, что кальвинисты ненавидят моего отца, я решил, что мальчик нуждается в защите, и он полюбил меня, как если бы понял, как отец ко мне несправедлив. Он был кротким и красивым, как Марио. У него не было ни друзей, ни родных, одни умерли от чумы, другие от страха. Он тоже бы умер из-за отсутствия заботы и радости, если бы я не привязался к нему настолько, что играл с ним целыми днями. Это я привез ему эти игрушки, с ними у меня связана целая история, поскольку мне чуть не пришлось заплатить за них жизнью.

– Расскажите поподробнее, месье, может, это поможет вам отвлечься.

– Хорошо, мой добрый Адамас, слушай. Это случилось в тысяча пятьсот... ну, в общем, неважно.

– Конечно, месье, точная дата не имеет никакого значения.

– Мой дорогой младший брат очень скучал от того, что

вовсе не выходит из дома, но я не решался выпускать его, поскольку окрестности кишели различными бандами, которые убивали каждого встречного, никого не щадя. Я подумал, что надо найти для него развлечения, которых сам я в детстве был лишен.

В замке де Сарзей мне случалось видеть у маленьких Барбансуа много зверушек и прочих игрушек. Господа де Барбансуа, из поколения в поколение владевшие поместьем де Сарзей, были одними из самых оголтелых врагов кальвинистов, но в данный момент они находились в Иссудене, сжигая и вешая несчастных. В их отсутствие замок де Сарзей не слишком хорошо охранялся. Большинство окрестных дворян были на стороне католиков или господина де Шатра, меня они не опасались, поскольку я был один и к тому же слишком беден, чтобы что-нибудь предпринять самому.

Я решил проникнуть туда под каким-нибудь предлогом и заполучить игрушки, потому что больше найти их было негде. Игрушки были предметом роскоши и не продавались на каждом углу.

Я смело явился в замок, будто бы по поручению своего отца, и захотел поговорить с кормилицей молодых хозяев, которые к тому времени уже выросли и уехали на войну; сперва кормилица приняла меня плохо. Она знала, что я сражался на стороне кальвинистов и что мой отец меня не любит. Но деньги смягчили ее, она принесла мне то, что еще сохранилось.

Я отправился в обратный путь, сложив в большую корзину лошадь, собаку, крепость, шесть пушек, тележку, жестяную игрушечную посуду. Накрытую куском ткани корзину я привязал у себя за спиной. Она доходила мне до плеч, и, выезжая со двора, я слышал, как слуги пересмеиваются и говорят друг другу:

– Он блаженный. Если бы все гугеноты были такими, мы бы быстро с ними справились.

Кому-то из них пришло в голову пальнуть мне вслед из аркебузы^[117]. Таким образом они хотели отплатить мне за причиненный им страх.

Все шло хорошо, я спокойно возвращался по проселочной дороге, чтобы в таком виде не проезжать через город Ля Шатр, но мне пришлось проехать через Куард, и на мосту Эгюрандской дороги я повстречался с бандой из десятка рейтаров^[118], направлявшихся к городу.

Это были обыкновенные мародеры, но с ними ехал один из самых отчаянных головорезов того времени, некий чудак, отец или дядя которого, капитан Макабр, командовал большой башней Буржа.

Он был моим ровесником, но уже успел стать закоренелым лжецом и часто служил проводником грабителям, стремясь и сам при этом поживиться. Завидя мой груз, он решил, что я представляю собой хорошую добычу, и хвастливым тоном приказал мне спешиться и отдать лошадь со всей поклажей его людям, которые тогда называли себя кавалера-

ми герцога Алансонского.

Поскольку они не знали ни слова по-французски, а толмачом им служил сын Макабра, вступать в объяснения было бесполезно. Зная, что, подчинившись и сойдя с коня, я буду избит, а может, даже застрелен из аркебузы, как это часто делали мародеры, я решил рискнуть.

Не вынимая ноги из стремени, я со всей силой ударил сапогом в живот Макабру, подошедшему, чтобы стащить меня с коня; он растянулся на земле, безбожно ругаясь.

– И правильно сделали, месье! – воскликнул воодушевленный Адамас.

Остальные вовсе не ожидали, что такой молокосос, как я, посмеет так поступить на глазах у старых, до зубов вооруженных вояк, и от неожиданности засмеялись. Воспользовавшись этим, я поскакал столь же стремительно, как пущенная из арбалета стрела. Когда их удивление прошло, они пустили мне вслед град немецких «слив», которые тогда называли еще сливами Месье, поскольку немцы выступали на стороне Месье, брата короля, в его борьбе против королевы-матери.

Судьбе было угодно, чтобы ни одна пуля меня не задела, моя добрая кобыла Брандина по извилистым дорожкам Куарда доставила меня домой, живого и невредимого. При виде игрушек мой брат очень обрадовался.

– Дорогой мой, – сказал я, протягивая ему крепость, – она оказалась мне как нельзя более кстати. Если бы моя спина

не была столь замечательно защищена, вряд ли вы увидели бы меня живым.

Я думаю, что если распороть собачку, в животе у нее обнаружится несколько кусочков свинца. Так что если меня не защитила крепость, по крайней мере, ее защитили зверушки.

– В таком случае, месье, я предлагаю их оставить и как почетный трофей выставить в одной из комнат замка.

– Нет, Адамас, над нами будут смеяться. Поскольку судьба занесла к нам этого милого ребенка, надо отдать ему и собачку, и все остальное. То, что принадлежало одному ангелу, должно достаться другому, а в глазах Марио я нахожу невинность и дружелюбие, как когда-то в глазах моего несчастного брата. Да, это верно, – продолжал маркиз, глядя на входящих в комнату в сопровождении пажа Клиндора Марио и Мерседес. – Если бы у Флоримона был сын, он был бы как две капли воды похож на этого мальчика. Малыш так понравился мне с первого взгляда, потому что напомнил мне, не столько чертами лица, сколько своим кротким видом, нежным голосом и ласковыми манерами, моего брата, каким он был в этом возрасте.

– Ваш брат не был женат, – сказал еще более романтичный, чем его хозяин, Адамас, – но не мог ли он иметь внебрачных детей, и как знать...

– Нет, друг мой, не стоит об этом и говорить. Дело в том, что отец бедного Марио *был убит* за четыре дня до смерти нашего доброго короля Генриха, а последнее письмо брата

было написано в Генуе, в шестнадцатый день июня, то есть
месяц спустя после того. Так что не будем делать сопостав-
лений.

Глава восемнадцатая

Пока маркиз беседовал с Адамасом, мавританка приготовилась петь; пришел и Люсилио, чтобы ее послушать.

Маркизу так понравились ее песни, что он попросил Люсилио запомнить ноты. Итальянец оценил эти редкие и древние песни, совершенные и прекрасные.

Мерседес по мере того, как ее подбадривали, пела все лучше и лучше, Марио прекрасно ей аккомпанировал.

Он выглядел таким милым со своей длинной гитарой, кротким лицом, приоткрытым ртом, кудрявыми волосами, разметавшимися по плечам, что любоваться им можно было бесконечно. Он был одет в белую рубашку, короткие панталоны из коричневой шерсти с красным поясом и серые чулки с красными подвязками; одежда как нельзя лучше подчеркивала изящество и хрупкость его тела.

Он с радостью принял принесенные с чердака игрушки. Маркиз с удовольствием наблюдал, как мальчик любовался этими чудесами, прежде чем бережно сложил их в углу.

Дело в том, что в глазах ребенка они значили не так много, и, когда первое изумление прошло, он снова начал мечтать о Флориале, живом и ласковом, который мог бы сопровождать его в скитаниях, в то время как лошади, пушки и крепости в нищез и полной случайностей жизни были лишь минутной мечтой.

Остаток дня прошел спокойно, без грозы со стороны господина д'Альвимара.

Он снова встретился с господином Пуленом, сообщил, что решил осаждать крепость прекрасной Лорианы.

За ужином он был сама любезность, чтобы не нажить себе если не врага, то, по крайней мере, оппонента в лице маркиза. Он не встретил в доме ни мавританку, ни ребенка, не слышал разговоров о них, рано отправился спать, чтобы поразмышлять над своим планом.

Все слуги маркиза, как сказал Адамас, были рады, что Марио останется еще на несколько дней. Адамас посадил мальчика и его мать за второй стол, где ел сам вместе с мэтром Жовленом, которого Буа-Доре нарочно стремился представить рядовым слугой, Беллиндой и пажом Клиндором.

Каретник и прочие слуги ели в другое время и в другом месте, за третьим столом.

Был еще четвертый стол, для работников с фермы, крестьян, бедных путешественников, нищенствующих монахов. Таким образом, с ранней зари до *поздней ночи*, то есть до восьми-деяти вечера, в замке Бриант ели, из трубы постоянно доносился запах готовящейся пищи, привлекавший со всей округи детей и нищих. Все они получали у входа в замок пищу и образовывали на лужайке или у обочины дороги пятый стол.

Несмотря на щедрое гостеприимство и число слуг, удивительно большое для столь маленького замка, у маркиза все-

гда оставались деньги на его невинные фантазии.

Слуги его не обкрадывали, хотя он не вел учета своим доходам; Адамас и Беллинда терпеть друг друга не могли, и хотя Беллинда была из тех женщин, что не прочь нагреть руки на чужом добре, страх быть пойманной заклятым врагом Адамасом вынуждал ее к большой осторожности и умеренности в попытках увеличить свой доход. Ей хорошо платили и за счет владельца замка; она прекрасно одевалась, поскольку маркиз сказал, что не желает видеть вокруг себя «ни грязи, ни лохмотьев»; так что у нее не было необходимости в казнокрадстве; тем не менее она была недовольна, поскольку такие, как она, предпочитают краденый су честно заработанному луидору.

Что касается Адамаса, пусть он не был воплощением честности во всех своих делах (участвуя в войне, он перенял некоторые партизанские нравы), зато был настолько предан хозяину, что если бы занимая завидный пост доверенного человека маркиза, он принялся бы грабить и вымогать деньги за стенами замка, то лишь для того, чтобы обогатить Бриант.

Клиндор поддерживал его в борьбе против Беллинды, которая его ненавидела и не называла иначе, как «переодетой собакой».

Это был добрый юноша, наполовину хитрый, наполовину глупый, который еще не решил, что ему лучше: остаться человеком из буржуазии, которая получала все больше реаль-

ной власти, или же мечтать о будущем дворянском гербе; подобные мечты еще долго удерживали буржуазию в двусмысленном состоянии и, несмотря на ее интеллектуальное превосходство, заставляли ее играть роль простофили.

Было решено скрыть происхождение мавританки от подозрительной нетерпимости Беллинды, в последнее время ставшей чрезвычайно набожной. Адамас сказал ей, что Мерседес просто-напросто испанка.

До ушей непосвященных не дошло ни слова из ее истории и истории Марио.

– Господин маркиз, – обратился Адамас к хозяину, раздевая его, – мы просто дети и ничего не понимаем в тайнах туалета. Перед сном я поговорил с мавританкой о серьезных вещах, и она всего за час рассказала множество вещей, не известных вашим парижским поставщикам. Она знает сокровенные тайны многих вещей, умеет извлекать из растений чудодейственные целебные соки.

– Хорошо, хорошо, Адамас! Поговорим о чем-нибудь другом. Прочитай мне какое-нибудь стихотворение, пока расчесываешь мне бороду. Сегодня мне грустно, и, повторяя слова господина д'Юрфе про Астрею, я могу сказать, что «груз моих печалей смущает покой моего желудка и дыхание моей жизни».

– *Громы небесные!* – воскликнул верный Адамас, охотно повторявший выражения обожаемого хозяина. – Это все из-за воспоминаний о вашем брате?

– Увы! Сегодня, не знаю почему, он предстал передо мной как живой. Бывают дни, друг мой, когда заснувшая боль просыпается. Это как раны, напоминающие о войне. Знаешь, что мне пришло в голову, когда я смотрел на милого сироту? Что я старею, мой бедный Адамас.

– Месье шутить изволит!

– Нет, мы стареем, друг мой, и мое имя умрет вместе со мной. У меня, конечно, есть внучатые племянники, судьба которых меня не заботит и которые, если смогут, увековечат имя моего отца. Но я буду первым и последним де Буа-Доре, и мой маркизат ни к кому не перейдет, поскольку это почетное звание, которое королю было угодно изволить мне пожаловать.

– Мне случалось об этом думать, и я сожалею, что месье обладает слишком горячим сердцем, чтобы согласиться оставить наконец холостяцкую жизнь и жениться на какой-нибудь прелестной нимфе из наших краев.

– Конечно, напрасно я об этом не думал. Я был слишком легкомыслен в отношениях с дамами, и хотя мне не доводилось встречаться с господином д'Юрфе, могу держать пари, что он, от кого-то про меня услышав, именно меня вывел под именем пастуха Хиласа.

– Ну и что с того, месье? Этот пастух очень милый человек, чрезвычайно умный и, на мой взгляд, самый занимательный из всех героев книги.

– Да, верно. Но он молод, а я, повторяю, уже нет, и начи-

наю горько сожалеть, что у меня нет семьи. Ты знаешь, что мне неоднократно приходило в голову усыновить какого-нибудь ребенка?

– Знаю, месье. Каждый раз, когда вы видите хорошенького и забавного ребеночка, вы возвращаетесь к этой мысли. Но что ж вам мешает это сделать?

– Трудно найти такого ребенка, чтобы он был хорош собой, добр и чтобы у него не было родственников, которые захотят получить его обратно, после того как я его выращу. Потому что отдать всю душу ребенку, чтобы в двадцать или двадцать пять лет его у тебя отняли...

– До тех пор, месье...

– О, время бежит так быстро! Даже не замечаешь, как оно проходит! Ты знаешь, что я думал, не взять ли к себе ребенка каких-нибудь обедневших родственников. Но вся моя семья – старые лигеры, и к тому же их дети некрасивы, шаловливы и нечистоплотны.

– Действительно, месье, младшая ветвь Буронов некрасива. Рост, привлекательность, храбрость всей семьи сосредоточились в вас, и только вы можете дать достойного вас наследника.

– Я! – воскликнул Буа-Доре, потрясенный подобным предположением.

– Да, месье, я говорю совершенно серьезно. Поскольку ваша свобода наскучила вам, поскольку вы уже десятый раз говорите, что хотите устроить свою жизнь...

– Но, Адамас, ты говоришь обо мне как о развратнике! Мне кажется, после печальной смерти нашего Генриха я всегда жил как подобает человеку, удрученному горем, и дворянину, которому должно показывать пример окружающим.

– Конечно, месье, вы можете говорить мне все, что вам угодно. Мой долг не противоречить вам. Вы вовсе не обязаны делиться со мной вашими приключениями в замках и окрестных рощах, не так ли, месье? Это касается только вас. Верный слуга не должен шпионить за своим хозяином, и я, как мне кажется, никогда не досаждал вам нескромными вопросами.

– Я отдаю должное твоей скромности, мой дорогой Адамас, – ответил Буа-Доре, смущенный, встревоженный и польщенный химерическими предположениями любящего слуги. – Но поговорим о чем-нибудь другом, – добавил он, не решаясь углубляться в столь деликатную тему и пытаясь понять, не известны ли Адамасу какие-то вещи, которых он сам о себе не знает.

Маркиз не был ни бахвалом, ни хвастуном. Он вращался в слишком хорошем обществе, чтобы рассказывать о своих любовных связях или выдумывать несуществующие. Но он был рад, что их по-прежнему ему приписывают, и, поскольку при этом он не компрометировал ни одну женщину конкретно, он охотно позволял говорить, что может претендовать на любую. Друзья тешили его скромное самомнение, и большим удовольствием для молодых людей, в частности

для Гийома д'Арса, было подразнивать его, зная, как это приятно престарелому соседу.

Но Адамас не разводил вокруг этого столько церемоний, а просто и самоуверенно подтвердил, что месье прав, думая о женитьбе.

Им часто случалось возвращаться к этому разговору, и неустанно на протяжении тридцати лет они снова и снова поднимали эту тему, при этом каждый раз беседа заканчивалась следующим заключением Буа-Доре:

– Конечно, конечно. Но мне так хорошо и спокойно в моем нынешнем положении! Спешить некуда, мы еще вернемся к этой теме.

Однако на этот раз он, казалось, слушал похвалы Адамаса внимательнее, чем обычно.

– Если бы я был уверен, что не женюсь на бесплодной женщине, – сказал он своему confidentу, – я бы, пожалуй, и в самом деле женился! А может, лучше жениться на вдове, имеющей детей?

– Фи, месье! – воскликнул Адамас. – Даже и не думайте! Женитесь на молодой и красивой девушке, и она обеспечит вам потомство по вашему образу и подобию.

– Адамас, – продолжал маркиз после недолгого колебания, – я немного сомневаюсь, что Небеса будут ко мне благосклонны. Но ты подсказал мне хорошую мысль жениться на молодой девушке; тогда я смогу представлять себе, что она моя дочь, и любить ее, как если бы был ее отцом. Что ты

на это скажешь?

– Ну что ж, если месье женится на очень молодой девушке, то в крайнем случае он сможет представлять себе, что удочерил ее. Если вы пришли к такому решению, то не надо долго и искать. Юная владелица Мотт-Сейи как раз подойдет для месье. Она красива, добра, разумна, весела, она сможет оживить наш замок, и я уверен, что ее отец тоже много раз об этом думал.

– Ты полагаешь, Адамас?

– Ну конечно! И она сама тоже! Неужели вы думаете, что, когда они приезжают в гости, она не сравнивает свой старый замок с вашим, настоящим сказочным дворцом? Неужели вы думаете, что, хоть она так молода и невинна, она не может оценить, насколько вы превосходите всех прочих претендентов на ее руку?

Маркиз убедил себя, что его предложение будет принято как подарок судьбы.

Они легко решат между собой религиозные проблемы. Если Лориана упрекнет его, что он отрекся от кальвинизма, он готов снова стать протестантом.

Самонадеянность не позволила ему подумать о возражении, связанном с его возрастом. Адамас обладал даром во время вечерних бесед отгонять сию неприятную мысль.

Буа-Доре заснул с мыслью о том, что других-то претендентов на руку Лорианы нет.

Господин Сильвен заснул в этот вечер смешным как нико-

гда. Но тот, кто смог бы прочитать в его сердце истинно отцовские чувства, двигавшие им, великую философскую терпимость «в преддверии супружеских измен», его намерения баловать и лелеять будущую жену, преданность ей, тот, несомненно, смеясь над ним, простил бы его.

Направляясь в свою комнату, Адамас услышал шорох платья на потайной лестнице.

Как только мог быстро, он бросился к двери, чтобы застать Беллинду на месте преступления, но она успела скрыться.

Адамас знал, что она способна на подобное шпионство, и ей нередко удавалось подслушать разговор двух холостяков. Однако на этот раз он решил, что ошибся. Он запер все двери, не слыша больше ничего, кроме мерного похрапывания хозяина да порывивания маленького Флориала, спящего в ногах хозяина на кровати и видящего во сне кошку, которая была для него тем же, чем Беллинда для Адамаса.

Глава девятнадцатая

Гости прибыли в Мотт-Сейи к девяти утра.

Читатель, вероятно, помнит, что в те времена обедать садились в десять утра, а ужинали в шесть вечера.

На этот раз маркиз, решивший открыть свои матримониальные замыслы, счел нужным отправиться к соседям в более изящном виде, чем в своей знаменитой карете.

Он легко взобрался на красивого андалузца по кличке *Розидор* – это было прекрасное создание, с легким аллюром, спокойным нравом, умеющее подыграть хозяину, чтобы выказать его прекрасным наездником, то есть, повинуясь малейшему движению ноги или руки, конь свирепо выкатывал глаза, раздувал ноздри, как диавол из преисподней, делал довольно высокие прыжки, чтобы казаться своенравным животным.

Спешившись, маркиз приказал Клиндору четверть часа поводить Розидора по двору, поскольку конь слишком разгорячен. Но на самом деле маркизу хотелось, чтобы все обратили внимание, что он приехал верхом и что он по-прежнему остается удалым наездником.

Перед тем как предстать перед Лорианой, добрый господин Сильвен отправился в комнату, предоставленную соседом в его распоряжение, чтобы привести себя в порядок, надушиться и переодеться как можно изящнее и элегантнее.

Скьярра д'Альвимар, с головы до ног одетый в черный бархат и сатин, по испанской моде, с коротко постриженными волосами и фрезой из богатых кружев, лишь сменил дорожные сапоги на шелковые чулки и туфли с бантами, чтобы подчеркнуть все свои достоинства.

Хотя его строгий костюм казался во Франции «древностью» и, скорее, подошел бы ровеснику господина Буа-Доре, он придавал ему вид дипломата или священника и как нельзя лучше подчеркивал, как молодо он выглядит для своих лет, и придавал ему элегантность.

Старый де Бевр будто предчувствовал день сватовства. Сегодня он выглядел менее гугенотом, то есть оделся не так строго, как обычно, и, сочтя, что его дочь одета слишком просто, приказал надеть лучшее платье.

Так что она выглядела настолько нарядной, насколько позволял ей вдовий траур, который она должна была носить до следующего замужества. Обычай был строг.

Она надела платье из белой тафты, верхняя юбка приоткрывала край нижней юбки *цвета ситного хлеба*, надела кружевные брыжи^[119] и манжеты; вдовья шапочка (небольшой чепчик а ля Мария Стюарт) позволила ей не надевать еще не вышедший из моды ужасный парик, зато дала возможность показать прекрасные светлые волосы, взбитые валиком, открывавшие высокий лоб и виски с тонкими венами.

Чтобы не выглядеть слишком провинциалкой, она нанесла на волосы лишь немного кипрской пудры, сделавшей ее

светлые волосы еще более детскими. Хотя оба претендента обещали друг другу быть любезными, во время обеда между ними возникла некоторая неловкость, как если бы они угадали друг в друге соперников.

Дело в том, что Беллинда пересказала экономке господину Пулена подслушанный разговор маркиза с Адамасом, а та немедленно передала его кюре. Священник прислал д'Альвимару записку следующего содержания:

«В лице вашего хозяина вы имеете соперника, над которым сможете посмеяться. Пользуйтесь этим».

д'Альвимар про себя посмеялся над этим конкурентом, сам он решил прежде всего добиться благосклонности юной дамы.

Ему было неважно, что отец поощряет его ухаживания. Он полагал, что, завладев сердцем Лорианы, он легко уладит все прочее.

Буа-Доре рассуждал иначе.

Он не сомневался в уважении и привязанности, которую питают к нему в этом доме. Он не надеялся поразить их воображение и вскружить голову. Ему хотелось поговорить с отцом и дочерью без свидетелей, чтобы изложить преимущества своего положения и состояния, затем он рассчитывал скромными ухаживаниями дать себя честно разгадать.

То есть он собирался держать себя как хорошо воспитанный юноша из прекрасной семьи, в то время как его противник предпочитал выглядеть как герой приключенческого

романа.

Де Бевр, заметив, что д'Альвимар становится все нежней, увлек старого друга на дорожку вдоль пруда, чем немало его огорчил, чтобы порасспросить о положении и состоянии его гостя. Буа-Доре на все вопросы мог ответить лишь, что господин д'Арс рекомендовал его как человека высшего света, которого очень уважает.

– Гийом очень молод, – сказал де Бевр, – но он знает, чем он нам обязан, чтобы привозить к нам человека, недостойного нашего гостеприимства. Тем не менее я удивлен, почему он ничего больше не сообщил вам о нем. Но, вероятно, господин де Виллареаль рассказал вам о мотивах своего приезда. Почему он не поехал с Гийомом на праздник в Бурж?

На эти вопросы Буа-Доре ответить тоже было нечего, но в глубине души де Бевр был убежден, что появление испанца окутано таинственностью с единственной целью: понравиться его дочери.

«Наверно, он где-то ее видел так, что она не обратила на него внимания. Хотя он кажется ревностным католиком, он, похоже, сильно ею увлечен», – думал де Бевр.

Он говорил себе, что при существующем положении вещей испанский зять-католик мог бы поправить дела его дома и возместить ущерб, который он нанес дочери, поддержав Реформацию.

Да даже чтобы утереть нос запугивавшим его иезуитам он бы желал, чтобы испанец оказался достаточно знатного рода,

чтобы мог претендовать на руку Лорианы, пусть и не очень богатым.

Господин де Бевр рассуждал как скептик. Он не поднимал вокруг «*Опытов*» Монтеня^[120] столько шума, как Буа-Доре вокруг «*Астреи*», но они стали его настольной книгой, пожалуй, даже единственной, которую он теперь читал.

Буа-Доре был более честен в политике и на его месте рассуждал бы иначе. Как и де Бевр, он не был склонен к религиозному фанатизму, но со старых времен сохранил веру в родину и никогда бы не пошел на уступки Лиге.

Поглощенный своими думами, он не обратил внимания на озабоченность друга, и добрые четверть часа они играли в загадки, толкуя о необходимости скорее найти достойную партию для Лорианы.

Наконец вопрос разъяснился.

– Вы? – воскликнул пораженный де Бевр, когда маркиз сделал наконец предложение. – Кто бы мог подумать! Я-то полагал, что вы в завуалированных выражениях говорите о вашем испанце, а, оказывается, вы имели в виду себя. Вот это да! Соседушка, вы в своем уме, не принимаете ли вы себя за собственного внука?

Буа-Доре закусил ус. Но, привыкший к подтруниваниям друга, он быстро справился с досадой и постарался убедить его, что тот ошибается относительно его возраста, что он не достиг еще шестидесяти лет, возраста, в котором его отец вполне успешно вступил в повторный брак.

Пока он таким образом терял время, д'Альвимар времени зря не терял.

Ему удалось увлечь Лориану под большой тис, длинные ветви которого свисали почти до земли, образуя зеленый шатер, где посреди сада можно было чувствовать себя уединенно.

Он начал довольно неловко, осыпав ее преувеличенными комплиментами.

Неопытная в подобных делах, Лориана не обладала противоядием против лести, она плохо знала замашки молодых придворных и не смогла бы отличить ложь от правды. Но, к счастью для нее, ее сердце еще не почувствовало скуку одиночества, к тому же она была более ребенком, чем казалась. Поэтому гиперболические выражения д'Альвимара рассмешили ее и она принялась над ним подтрунивать, чем ввела кавалера в замешательство.

Увидев, что от высокопарных фраз толка мало, он постарался говорить о любви в более естественных выражениях.

Быть может, он добился бы своей цели и смутил бы юную душу, но тут появился Люсилио, словно посланец Провидения, явившийся, чтобы прервать эту опасную беседу нежной игрой на волынке.

Он не приехал вместе с Буа-Доре, зная, что обедать ему придется в людской и он не увидит Лориану до полудня.

Лориане и ее отцу была известна трагическая история ученика Бруно, и в Мотт-Сейи его уважали не меньше, чем

в Брианте, но, чтобы не скомпрометировать его, обращались как с обыкновенным музыкантом.

Люсилио оказался единственным человеком, который не стал наряжаться к случаю. У него не было ни малейшей надежды привлечь к себе внимание, он даже не хотел привлекать к себе взгляд, зная, что может рассчитывать лишь на таинственное общение душ.

Он приблизился к тису без напрасной робости и ложной скромности. Рассчитывая на правду и красоту того, что может выразить в музыке, он заиграл, к великой досаде д'Альвимара.

На секунду Лориана также ощутила недовольство от этого вторжения, но, заметив на красивом лице волынищика наивное намерение доставить ей удовольствие, устыдилась минутного порыва.

«Не знаю почему, – подумала она, – это лицо выражает искреннюю любовь и чистую совесть, которых я не нахожу у *другого*».

Она снова взглянула на д'Альвимара, раздраженного, обиженного, высокомерного, и ощутила холодок страха. То ли потому, что она была чувствительна к музыке, то ли потому, что была склонна к некой восторженности, ей показалось, что внутри нее звучат слова песни, которую наигрывал Люсилио. Вот что говорилось в песне:

«Взгляни на яркое солнце на ясном небе, отражающееся в изменчивых быстрых водах!»

Вот прекрасные деревья, черными колыбелями склоненные над бледно-золотыми лугами, радостными, как весной, покрытыми розовыми осенними цветами; на гордого лебедя, на парящих в небе перелетных птиц.

Все это музыка, что я тебе пою, это юность, чистота, надежда, дружба, счастье.

Не слушай чужой, непонятный тебе голос. Он нежен, но лжив. Он потушит солнце у тебя над головой и осушит ручьи под ногами, загубит цветы и подрежет крылья поднебесным птицам; вокруг тебя будут царить мрак, холод, страх и смерть; источник божественной гармонии, о которой я тебе пою, навеки иссякнет».

Лориана больше не видела д'Альвимара. Погруженная в свои мечты, она не видела и Люсилио. Она перенеслась в прошлое и, вспомнив Шарлотту д'Альбре, сказала себе:

«Нет, нет, никогда я не прислушаюсь к голосу демона!»

– Друг, – обратилась она к волынщику, когда тот закончил мелодию, – твоя игра доставила мне большое удовольствие, спасибо тебе. У меня нет ничего, чтобы отблагодарить тебя за чудные мечты, что навевает твоя музыка; поэтому прошу тебя принять эти нежные фиалки, символ твоей скромности.

Она отказалась подарить фиалки д'Альвимару и у него на глазах отдала их музыканту.

Д'Альвимар торжествующе улыбнулся, сочтя этот вызов более дразнящим, чем признание. Но Лориана ни о чем подобном и не помышляла; прикалывая фиалки к шляпе во-

лынщика, она прошептала:

– Мэтр Жовлен, я прошу вас, будьте мне как отец и не уходите, пока я сама не скажу.

Благодаря острой итальянской проницательности Люсилио сразу обо всем догадался.

«Да, да, я понял, – отвечал его выразительный взгляд, – положитесь на меня!»

Он уселся на толстые корни старого тиса на довольно почетительном расстоянии от них, как слуга, ожидающий приказаний, но в то же время достаточно близко, чтобы от него не ускользнуло хоть одно слово д'Альвимара.

Д'Альвимар все понял. Его бояться, ну что ж, тем лучше! Питая к музыканту высокомерное презрение, он не задумываясь возобновил свои ухаживания на глазах у него, как если бы тот был пустым местом.

Но его опасный магнетизм утратил свою силу.

Лориане казалось, что молчаливое присутствие честного человека, такого, как Люсилио, служит противоядием. Ей было стыдно показаться ему тщеславной и пустой. Под его взглядом она чувствовала себя в безопасности. Увидев, что испанец все сильнее обижается и раздражается, она приготовилась защищаться.

Д'Альвимар попросил, чтобы она отослала этого несчастного, при этом достаточно громко, чтобы тот услышал.

Лориана твердо отказалась, заявив, что хочет еще послушать музыку.

Люсилио сразу же взялся за инструмент.

Д'Альвимар достал из камзола остро наточенный испанский нож и, вынув его из ножен, принялся им поигрывать, будто бы просто так; то он собирался что-то вырезать на коре дерева, то кидал его перед собой, словно демонстрируя свою ловкость.

Лориана не поняла этой угрозы.

Люсилио сохранял неподвижность, хотя был слишком итальянцем, чтобы не знать холодную ярость испанцев, и догадывался, куда, будто бы случайно, может вонзиться блестящее лезвие стилета.

При любых других обстоятельствах его беспокоила бы судьба инструмента, в который, как казалось, д'Альвимар целится, чтобы продырявить. Но ведь Люсилио выполнял волю Лорианы, сражался за ее невинность, как Орфей^[121] своей победоносной лирой за свою любовь. Он храбро заиграл одну из записанных им накануне мавританских мелодий.

Д'Альвимар счел его поведение вызывающим, и тлевший в его груди очаг горечи снова жарко запылал.

Он был весьма ловок в метании ножа и, желая напугать неуместного свидетеля, принялся кидать нож рядом с ним; сверкающее лезвие пролетало все ближе и ближе от музыканта, но тот продолжал наигрывать нежную и жалобную мелодию. Отошедшая на несколько шагов Лориана стояла к ним спиной и не видела этой жестокой сцены.

«Меня не испугали пытки и угроза смерти, – сказал себе

Джиовеллино, – не побоюсь их и теперь; я не доставлю испанцу радости увидеть меня побледневшим от страха».

Отвернувшись, он продолжал играть так сосредоточенно и совершенно, как если бы спокойно сидел за столом Буа-Доре.

Д'Альвимар прохаживался взад-вперед, время от времени останавливаясь перед музыкантом и целясь в него, всем видом показывая, что испытывает искушение кинуть в него нож. Под действием странных чар, что служат нам наказанием за дурные шутки, он и в самом деле начал испытывать этот чудовищный соблазн.

Он покрылся холодным потом, в глазах потемнело.

Люсилио чувствовал больше, чем видел глазами, но предпочитал рисковать жизнью, чем хоть на секунду показать страх врагу своей родины и хулителю человеческого достоинства.

Глава двадцатая

Во время этой ужасной сцены буквально в двух шагах от Лорианы находился еще один странный свидетель – молодой волк, выращенный на псарне, который перенял привычки и повадки собаки, но не ее инстинкты и нрав. Он охотно ласкался ко всем, но ни к кому не был привязан.

Лежа у ног Люсилио, он с беспокойством наблюдал за жестокой игрой испанца, и, когда кинжал раза два или три упал рядом с ним, он поднялся и укрылся за деревом, не беспокоясь ни о чем другом кроме как о собственной безопасности.

Однако поскольку игра продолжалась, зверь, который начал чувствовать свои зубы, много раз показывал их молча и, полагая, что на него нападают, в первый раз в жизни испытал инстинкт ненависти к человеку.

С горящими глазами, напряженными суставами, оцетившимся позвоночником он укрылся от д'Альвимара за огромным стволом тиса, где выжидал подходящий момент откуда он вдруг бросится, чтобы схватить его за горло.

И он сделал бы это, если не задушив, то по, крайней мере, ранив, если бы не был сильно отброшен ударом ноги Люсилио.

Внезапно прерванное пение и жалобный звук, который издал мюзет, отброшенный артистом, заставил Лориану обернуться.

Не поняв того, что произошло, она лишь увидела д'Альвимара, который вне себя от гнева вспарывал ножом брюхо зверю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Первое книжное издание романа: Sand G. Les beaux messieurs de Bois-Dore. Paris: Cadot, 1858.

2.

Кончини Кончино, маркиз д'Анкр (1575–1617) – итальянский авантюрист, фаворит матери и регентши французского короля Людовика XIII (1601–1643, на троне с 1609 г.) Марии Медичи (1575–1642, на троне с 1600 г.), вдовы короля Генриха IV, маршал (1613). Убит в результате заговора.

3.

Генрих IV (Генрих Наваррский) (1553–1610) – король Наварры (государство в Пиренеях с IX века, южная часть которого в 1513 г. завоевана Испанией, а северная в 1589 г. вошла в состав Франции) с 1572 г. и лидер гугенотов (французских протестантов) в конце Религиозных войн во Франции (1562–1594), король Франции с 1589 г., основатель династии Бурбонов.

4.

Галигай Леонора (1571–1617) – молочная сестра Марии Медичи, супруга Кончино Кончини. Имела огромное влияние на регентшу.

5.

Куртизан – придворный любовник.

6.

Свирепые испанские католики времен Филиппа II. – Время правления Филиппа (1527–1598, на троне с 1556 г.) было золотым веком инквизиции (учреждений католической церкви для борьбы с ересью).

7.

Дело парижского сержанта. – Сержант буржуазной милиции сапожник Пикар не позволил Кончини нарушить правило, за исполнением которого Пикар наблюдал; за это слуги фаворита избili сапожника палками, что вызвало народные волнения, вынудившие Кончини бежать из Парижа, а избившие Пикара слуги были повешены. (Примеч. авт.)

8.

Процесс Леоноры – после смерти мужа Леонора Галигай была обвинена в колдовстве, осуждена и обезглавлена.

9.

Де Люинь Шарль-Альбер (1578–1621) – фаворит Людовика XIII, один из организаторов заговора, в результате которого был убит Кончини. В придворных кругах к нему относились

враждебно, считая вторым Кончини. Умер от лихорадки в ходе экспедиции против протестантов.

10.

...королева Мария попала в... немилость... – После смерти своего фаворита Кончини Мария Медичи была вынуждена покинуть Париж; вернулась в 1621 г. после смерти де Люиня и находилась во главе Государственного совета, боролась с влиянием кардинала Ришелье, но в 1630 г. вынуждена была бежать в Брюссель, затем в Англию, потом в Кёльн, где и умерла.

11.

Филипп III (1578–1621) – король Испании и Португалии с 1598 г., сын Филиппа II.

12.

Королевские браки – имеются в виду женитьба в 1615 г. Людовика XIII на дочери Филиппа III Анне Австрийской (1601–1666) и одновременный брак испанского принца Филиппа (1605–1665), будущего короля Филиппа IV (с 1621 г.) и сестры Людовика XIII Елизаветы (1602–1644) (в Испании – Изабелла Французская).

13.

...неудачно осаждал Монтобан... – Осада города Монтобан,

одного из оплотов гугенотов, в 1621–1622 гг. закончилась неудачей.

14.

Дело Пон-де-Се – битва при городе Пон-де-Се (7 августа 1620 г.), в которой королевские войска разгромили мятежников, сторонников Марии Медичи, после чего произошло примирение матери с сыном.

15.

Дюплесси Арман-Жан, герцог де Ришелье (1585–1642) – французский государственный деятель, кардинал. Государственный секретарь (с 1616 г.) и главный министр короля (глава правительства) (с 1624 г. до своей смерти). Проводил политику укрепления абсолютизма, обеспечения главенства светской власти над церковью и центра над провинциями, ликвидации аристократической оппозиции, противодействия испано-австрийской гегемонии в Европе.

16.

Сюлли Максимилиан де Бетюн (1560–1651) – французский государственный деятель, соратник Генриха IV. Занимал посты министра финансов, смотрителя путей сообщения, главного начальника артиллерии и смотрителя всех крепостей. Вышел в отставку в 1614 г.

17.

Испанское влияние в Германии. – Речь идет о Священной Римской империи, государстве, существовавшем с 962 по 1806 г... С середины XV в. в ее составе остались практически только германские земли. С 1438 г. и до конца существования империей правила династия Габсбургов, представители которой также находились во главе Австрии (с 1282 г.) и Испании (в 1516–1700 гг.).

18.

Берри – провинция в Центральной Франции к югу от Парижа.

19.

Шатору – один из крупнейших городов провинции Берри.

20.

Отступление под Венузой – заключительный эпизод Второй Итальянской войны (1499–1504), последовавший за разгромом в Италии французских войск испанскими под командованием Гонсало Фернандеса де Кордовы, известного как «Великий Капитан» (1453–1515), в серии битв 1503 г.

21.

Битва при Павии (24 февраля 1525 г.) – ключевое сражение Итальянских войн (1494–1559) между Францией

и коалицией Испании и Священной Римской империи за гегемонию в Италии, в котором французы и их союзники швейцарцы были разбиты.

22.

Принц Конде – титул младшей ветви дома Бурбонов; впервые титул был дан Генрихом IV своему дяде Людовику Бурбонскому (1530–1569), помимо него принцы носили также титулы герцогов Шатору (с 1616 г.), Монморанси (с 1632 г.), Энгиенского (с 1633 г.) и др. В период действия романа принцем Конде именовался Генрих II Бурбон (1588–1646).

23.

Бурж – столица провинции Берри.

24.

Лигеры – участники Католической лиги, партии, организованной в 1576 г. герцогом Генрихом Гизом (1550–1588), известным под прозвищем Меченый или Порубленный, для борьбы с гугенотами и ограничения абсолютной власти короля дворянством. Партия распалась в том же году, но позднее была воссоздана и существовала в 1585–1594 гг.

25.

Герцог Энгиенский – будущий принц Конде, Людовик II Бурбон (1621–1686), вошедший в историю как Великий Конде, один из знаменитейших французских полководцев. Титул герцога Энгиенского он носил при жизни отца, Генриха II Бурбона.

26.

Гомес де Сандоваль-и-Рохас Франсиско, герцог де Лерма (1552–1625) – испанский государственный деятель, фаворит короля Филиппа III.

27.

Фидеикоммисс – поручение наследодателя наследнику совершить что-нибудь (выдать вещь, часть наследства и даже все наследство) в пользу третьего лица, им указанного.

28.

...Беарнец решил, что Париж стоит мессы... – По легенде, фразу «Париж стоит мессы» произнес Генрих Наваррский, соглашаясь перейти в католичество, чтобы быть признанным в качестве короля Франции Генриха IV. Беарнец – его прозвище в связи с происхождением из области Беарн на юге Франции.

29.

Де ля Шатр Клод (1536–1614) – губернатор провинции

Берри в 1569–1588 гг., активный сторонник Католической лиги.

30.

Дыба – орудие пытки посредством растягивания тела жертвы, представляло собой специальное ложе с валиками на обоих концах, на которые наматывались веревки, удерживающие запястья и лодыжки жертвы.

31.

Эркюль-Франсуа де Валуа, герцог Алансонский и Анжуйский (1555–1584) – младший брат последних королей Франции из династии Валуа Франциска II (1544–1560, на троне с 1559 г.), Карла IX (1550–1574, на троне с 1560 г.) и Генриха III (1551–1589, на троне с 1574 г., до этого в 1573–1574 гг. король Польши). Титул герцога Алансонского носил до воцарения Генриха III. Участвовал во многих заговорах, легко меняя своих союзников и противников местами.

32.

Мир de Monsieur – в ходе Религиозных войн герцог Алансонский, именовавшийся Месье, в 1576 г. встал на сторону Генриха Наваррского в его сражениях с братом, королем Генрихом III, и добился подписания в мае Эдикта в Болье, провозгласившего примирение католиков и гугенотов и признавшего право последних на свободу

вероисповедания.

33.

...извлекла из широких рукавов двух маленьких белых собачек... – Речь, вероятно, идет о модели платья с двойным рукавом, где нижний рукав плотно облегал руку, а верхний, из другой ткани, книзу сильно расширялся.

34.

Лье – старинная французская мера длины; сухопутное лье равно 4445 м.

35.

Герцог Савойский – правитель самостоятельного государства в области Савойя на юго-востоке Франции. В указанный период им был Карл-Эммануил I Великий (1562–1630, правил с 1580 г.), вовлекший свою страну в многочисленные войны, прежде всего с Францией.

36.

Мэтр – уважительное обращение; здесь, очевидно, в ироническом ключе.

37.

Маркиз – во Французском королевстве – дворянский титул, располагавшийся в иерархии ниже герцога и выше графа.

38.

Королева Катерина – Екатерина Медичи (1519–1589), жена (с 1533 г.) французского короля Генриха II (1519–1559, на троне с 1547 г.) и мать последних королей из династии Валуа – Франциска II, Карла IX и Генриха III. Была регентшей при двух своих старших сыновьях.

39.

Нервюра – выступающее ребро готического каркасного крестового свода.

40.

Людовик XII (1462–1515) – французский король с 1498 г... Вступил на престол после смерти сына Людовика XI (1423–1483, на троне с 1461 г.), своего троюродного племянника Карла VIII (1470–1498, правил с 1483 г.), чьи дети умерли во младенчестве.

41.

Ордонанс 1670 года – королевский указ, упорядочивавший уголовное законодательство, изданный Людовиком XIV (1638–1715, на троне с 1643 г.).

42.

Д'Альбре Шарлотта (1480–1514) – сестра короля Наварры,

жена (с 1499 г.) правителя Романьи Чезаре Борджа (1475–1507), сына Родриго Борджа (1431–1503), ставшего в 1492 г. Римским Папой под именем Александра VI.

43.

Борджа Лукреция (1480–1519) – сестра Чезаре Борджа, трижды выдававшаяся своими отцом и братом замуж в целях семейства Борджа. Существуют многочисленные легенды о ее распутности, в том числе о кровосмесительных связях с отцом и братом.

44.

Убийца собственного брата. – Речь идет о смерти старшего брата Чезаре Хуана (Джованни) (1474–1497), убитого при загадочных обстоятельствах и отсутствии свидетелей, так что причастность Чезаре к этому событию доказана никогда не была.

45.

Жанна (1464–1505), дочь Людовика XI – жена герцога Орлеанского Людовика, вступившего на престол в 1498 г. после смерти своего бездетного троюродного племянника Карла VIII под именем Людовика XII. Людовик развелся с нею под предлогом слишком близкого родства и женился на вдове Карла VIII Анне Бретонской (1477–1514), чей предыдущий брак был вынужден силой оружия и привел к

включению Бретани в состав Франции. После развода Жанна получила титул герцогини Беррийской, жила в Бурже, где основала орден аннунциаток. В 1950 г. причислена католической церковью к лику святых.

46.

Кондотьер – в средневековой Италии командир военного отряда, состоявшего в основном из иностранцев и находившегося на службе у правителей отдельных государств. Многие из кондотьеров были авантюристами, предавали и шантажировали своих нанимателей.

47.

В 1793 году – во время Великой Французской революции после установления якобинской диктатуры.

48.

Неверский фаянс – с XVI в. производился в г. Невер, столице одноименного герцогства, и весьма ценился.

49.

Борджа Луиза – дочь Чезаре Борджа и Шарлотты д'Альбре, позднее вышедшая замуж за Людовика де ла Тремуйля, а потом за Филиппа де Бурбон-Бюссе. (Примеч. авт.)

50.

Лориана – в старину святой Лориан был одним из самых почитаемых святых в Берри. (Примеч. авт.)

51.

Герцогиня Неверская – Генриетта Клевская (1542–1601), получившая титул после смерти брата в 1564 г.

52.

...принявшей сторону принца Конде... – Имеется в виду Людовик Бурбонский, один из вождей гугенотов, погибший в 1569 г. во время третьей Религиозной войны (1568–1570).

53.

Де ла Гранж, Монтиньи Франсуа (1554–1617) – маршал Франции, служивший сначала Генриху III, а затем на протяжении многих лет Генриху IV. Здесь у автора ошибка – во время третьей Религиозной войны он был слишком юн, чтобы возглавлять осаду.

54.

Год 1562-й – дата начала первой Религиозной войны во Франции между католиками и гугенотами.

55.

Сансер – один из оплотов гугенотов во время четвертой Религиозной войны (1572–1573).

56.

Лютер Мартин (1483–1546) – христианский теолог, один из идеологов протестантизма.

57.

Каждый маркиз хочет, чтобы у него были пажи – заключительная фраза басни Ж. де Лафонтена (1621–1695) «Лягушка и Бык».

58.

Пасторальные и рыцарские романы – жанры европейской литературы. Пасторальные романы создавались в XV–XVII вв., основной их предмет – «частная жизнь» в искусственном и условном контексте, любовные отношения подчинены только своей собственной внутренней логике. Наиболее выдающимся романом этого жанра является «Астрея» д'Юрфе. Рыцарские романы относятся к XII–XIV вв., их сюжетами обычно были подвиги рыцарей во имя славы, любви и нравственного совершенства.

59.

Пистоль – французское название испанской золотой монеты – дублона; первоначально так же в обиходе назывались французские золотые луидоры, однако их начали

чеканить с 1640 г., позднее времени действия романа.

60.

Экю – французская золотая монета, чеканка которой началась с 1266 г.

61.

Саше – мешочек, содержащий растертые в порошок ароматические травы, смешанные с благовонными смолами.

62.

О-де-шоссы – короткие шарообразные штаны из бархата, парчи и других шелковых тканей, иногда подбитые ватой, бывшие в моде в XVI в.

63.

Кюлоты – короткие, застегивающиеся под коленом штаны, которые имели право носить только аристократы.

64.

Фреза – плоский неширокий крахмальный воротник.

65.

Ротонда – стеганая накидка; здесь у автора ошибка: ротонды обычно носили женщины.

66.

Мольер (наст. фамилия и имя Поклен Жан-Батист) (1622–1673) – французский драматург и актер, автор социально-бытовых комедий, многие из которых высмеивали сословные предрассудки дворян и ограниченность буржуа.

67.

Д'Юрфе Оноре (1568–1625) – французский писатель, представитель прециозной (утонченной) литературы, для которой характерны условность чувств и идеализация героев, сложные метафоры, игра слов. «Астрея» (1607–1618) – наиболее знаменитый его пасторальный роман.

68.

Портрет был очень хорош. – Неизвестно, какова его дальнейшая судьба. Мне случилось видеть похожий в коллекции знаменитого генерала Пепя. Известно, что существует также шедевр, вышедший из-под кисти Рафаэля. На нем Борджа почти красив, по крайней мере, в лице его столько достоинства, а в образе столько элегантности, что не сразу начинаешь его ненавидеть. Но пристально на него посмотрев, ощущаешь неподдельный ужас. Правая рука, тонкая и белая, как у женщины, спокойно сжимает рукоятку клинка, висящего на боку, со столь замечательной ловкостью, что понимаешь: он вот-вот ударит. Так хорошо передано движение, что заранее видно, как будет нанесен

удар: сверху вниз, прямо в сердце жертвы. Портрет велик тем, что вышел из-под кисти великого мастера, не пытавшегося приукрасить моральный облик своей модели, прорывающийся сквозь ужасающее спокойствие его лица. (Примеч. авт.)

69.

Рафаэль Санти (1483–1520) – знаменитый итальянский живописец эпохи Возрождения.

70.

Микеланджело Буонарроти (1475–1564) – знаменитый итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт.

71.

Берлина – четырехместная дорожная карета.

72.

Де Вивон Екатерина, маркиза де Рамбуйе (1588–1665) – знаменитая хозяйка парижского литературного салона, одного из главных мест, в которых создавалась прециозная литература.

73.

Артениса, «несравненная Артенис» – прозвище маркизы де Рамбуйе.

74.

Парнас – в древнегреческой мифологии – обиталище Аполлона, бога-покровителя искусств, и муз; в переносном смысле – сообщество поэтов.

75.

...в 1594 году была разорена авантюристами... – Речь идет о кроканах – участниках крестьянских восстаний 1592–1598 гг. против роста налогового гнета.

76.

Обюссонская мануфактура – здесь автор ошибается: хотя шпалерные мастерские в Обюссоне существовали и ранее, ковровая мануфактура была основана только в 1665 г.

77.

Купидон – в древнеримской мифологии бог любви (в древнегреческой ему соответствует Эрот); изображался в виде красивого мальчика с крыльями, с луком и стрелами любви.

78.

Рубенс Питер Пауль (1577–1640) – знаменитый фламандский живописец.

79.

Калло Жак (1592–1635) – французский график, автор мастерски выполненных офортов, сочетающих причудливую фантастику и гротеск с острыми реалистическими наблюдениями.

80.

Фея Бабиола – ошибка автора: история про фею Бабиолу была написана одним из авторов классической французской сказки Мари-Катрин Ле Жюмель де Барневиль (1651–1705), известной как Мадам д’Онуа, лишь в самом конце XVII в.

81.

Теорба – басовая лютня.

82.

Саржа – хлопчатобумажная ткань с наклонными рубчиками на лицевой поверхности.

83.

Мюзет – волынка со складчатым мехом.

84.

Ленное владение – земельное владение, которое вассал получал от сеньора с условием несения военной службы.

85.

Бруно Джордано (1548–1600) – итальянский философ и поэт. Развивал идеи Н. Коперника (1473–1543), польского астронома, создавшего гелиоцентрическую систему мира, был обвинен в ереси и сожжен инквизицией на костре в Риме.

86.

Ванини Джулио Чезаре (1585–1619) – итальянский философ-материалист; на самом деле был не предшественником, а последователем Д. Бруно.

87.

Лета – в древнегреческой мифологии река забвения в подземном царстве мертвых.

88.

Монсеньор – титул высшего католического духовенства.

89.

Гаргантюа – персонаж сатирического романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533–1552) французского писателя Ф. Рабле (1494–1553).

90.

Друид – жрец и поэт у древних кельтов.

91.

Требник – богослужебная книга, содержащая молитвы, совершаемые церковью в особых случаях.

92.

...Испания выслала миллион мавров... – Массовая высылка из Испании мавров (потомков завоевавших Пиренейский полуостров в начале VIII в. арабов) была осуществлена в 1609–1614 гг. По оценкам историков, выслано было примерно 300 тысяч человек.

93.

Королева-регентша – здесь имеется в виду Мария Медичи.

94.

Молочный голос – в оригинале игра слов: *voix lactee* – молочный голос и *Voie lactee* – Млечный Путь произносятся одинаково.

95.

Пуату – провинция на западе Франции.

96.

Мускат – здесь: духи с эфирным маслом из очищенных мускатных орехов.

97.

Тафта – плотная хлопчатобумажная или шелковая ткань с мелкими поперечными рубчиками.

98.

Тимпан – ниша полукруглого, треугольного или стрельчатого очертания над окном или дверью.

99.

...украшены... шариками... – Этот орнамент, вошедший в моду во времена Генриха IV, возможно, появился во Франции вместе с Марией Медичи как аллюзия на герб ее дома: семь маленьких шариков, олицетворяющих пилюли, память о профессии родоначальника их семьи. (Примеч. авт.)

100.

Мерен – черепица из дубовых планок, которыми были крыты большинство замков в Берри. (Примеч. авт.)

101.

Шале – построенное из массивного бруса убежище для людей и скота для защиты от непогоды в горах.

102.

Фальконет – артиллерийское орудие калибра 1–3 фунта (диаметр ствола 45–100 мм), состоявшее на вооружении в XVI–XVIII вв.

103.

Цезарь Гай Юлий (102 или 100–44 до н. э.) – древнеримский государственный деятель и полководец, диктатор в 49, 48–46, 45 и с 44 г. до н. э. – пожизненно (фактически – император). Убит в результате заговора республиканцев.

104.

Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский писатель-сентименталист и философ-гуманист.

105.

Террор – период диктатуры якобинцев (1793–1794) в ходе Великой Французской революции, в ходе которого без суда и следствия были казнены тысячи людей.

106.

Гравер Моро – Моро-младший Жан-Мишель (1741–1814), знаменитый французский гравер и рисовальщик, с 1781 г. член Академии художеств и официальный гравер при дворе короля Людовика XVI (1754–1793, на троне в 1774–1792 гг.).

107.

Эндр – река в Центральной Франции, приток Луары.

108.

...изобилие диких цветов... – Это одно из редких во Франции мест, где еще встречается дикий бальзамин с желтыми цветками. (Примеч. авт.)

109.

Камчатая ткань – тонкая шелковая, льняная или шерстяная одноцветная ткань, сочетающая блестящий узор с матовым фоном (или наоборот).

110.

Каретник – здесь: кучер.

111.

Денье – в период действия романа самая мелкая французская разменная монета.

112.

Берберы – группа народов, населяющих Северную Африку.

113.

По – город на севере Пиренеев, столица Беарна.

114.

Цимбалы – многострунный ударный музыкальный инструмент, звук извлекается при помощи крючков или молоточков.

115.

Гитерна – разновидность гитары, в то время распространенная в Испании, а также Франции и Италии.

116.

Железный ошейник – такими приковывали преступника к стене камеры или позорному столбу.

117.

Аркебуза – гладкоствольное фитильное ружье, заряжавшееся с дула. Доказало свою эффективность в битве при Павии, где три тысячи солдат, вооруженных аркебузами, одержали победу над восьмидесяти тысячным французским рыцарским войском. К концу XVI в. им на смену пришли мушкеты (ручное огнестрельное оружие, в котором использовался зернистый порох, имевшее весьма большой вес – 7–9 кг), а название «аркебуза» закрепилось за легкими ружьями малого калибра.

118.

Рейтары – вид тяжелой кавалерии в европейских армиях

XVI–XVII вв., в ней преимущественно состояли наемники-немцы.

119.

Брыжи – воротник в густую сборку или в частую складку.

120.

«Опыты» Монтеня. – В своем главном труде (1580–1588) французский философ-гуманист Мишель де Монтень (1533–1592), создавая реалистический автопортрет, утверждает человека как самую большую ценность.

121.

Орфей – в древнегреческой мифологии певец, сын музы Каллиопы. После смерти своей возлюбленной Эвридики спустился в подземный мир, пытаясь вывести ее оттуда.